**Общероссийское общественное движение по увековечению
памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России»**

Вячеслав Градобоев

Я. Я. ВЕРБОВ: ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ЗАБЫТЫХ ДИВИЗИЙ

Альтаир
Ростов-на-Дону
2019

ББК 63.3(2)722.12
Г 75

Градобоев В.А.
Г 75 **Забытый генерал.** – Ростов-на-Дону:
ООО «Альтаир», 2019. – 252 с., ил.

Книга «Я. Я. Вербов: Забытый генерал забытых дивизий» продолжает серию изданий Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», рассказывающих о малоизвестных страницах военной истории Отечества, а также о результатах многоплановой, интересной и трудной работе энтузиастов-исследователей истории Великой Отечественной войны.

С каждым годом становится всё меньше и меньше ветеранов и участников Великой Отечественной войны. Поэтому нам необходимо сохранить память об их боевых и трудовых подвигах, передать их воспоминания нашим потомкам. Нельзя допустить повторения той кровавой трагедии, унесшей десятки миллионов человеческих жизней.

С этой целью краеведы и поисковики ежегодно открывают новые страницы военной истории России...

14+

ББК 63.3(2)722.12

ISBN 978-5-91951-

© Градобоев В.А., 2019
© «Альтаир», 2019

«История Второй мировой...» написана
исключительно на основе документальных архивов.
Однако архивные документы
о непосредственных боевых событиях
часто значительно отличаются от подлинных...
Нередко одни операции преувеличенно возвышены,
другие умышленно замалчиваются».
Н.Ф. Тихоненко

Предисловие

В этой книге, останавливаясь более подробно на событиях 1942 года в Крыму и на Дону, я попытаюсь рассказать о Якове Яковлевиче Вербове. Сегодня мало кому известна история его жизни, как и его боевой путь от красноармейца РККА до генерала Советской Армии.

Я думаю, что генерала Вербова можно причислить к нашим прославленным полководцам Великой Отечественной войны. Почему? Ознакомившись в этой книге, хоть и частично, с теми боями, в которых принимал участие сначала полковник, а потом и генерал Я. Я. Вербов, читатель поймёт, что в 1942 году героизм и подвиг 400-й и 156-й стрелковых дивизий, которыми он командовал, оценили не в полной мере. Да и шесть орденов на фронте за простое участие не дают: орден Ленина (30.04.1945 г.), орден Красного Знамени (01.03.1942 г., вручённый в Кремле в 1943 г.), орден Красного Знамени (14.12.1944 г.), орден Красного Знамени (21.02.1945 г.), орден Отечественной войны I ст. (06.06.1945 г.).

Если о боях 400-й СД на Керченском фронте можно найти некоторые сведения, то об обороне Донского рубежа 156-й СД в июле 1942 года забыли на десятилетия, подменив в истории подвиг бойцов и командиров 110-й ОККД и 156-й СД простым упоминанием – «воины 51-й и 37-й Армий».

Чтобы лучше понять героическую роль 400-й СД на Крымском полуострове и 156-й СД на Донском рубеже 1942 года, я привожу данные из воспоминаний участников событий, военных архивов и других источников.

Глава 1.

Я. Я. Вербов

Яков Яковлевич родился в крестьянской семье 8 августа 1899 года в селе Глубое Дмитриевского района Курской области. В 1903 году семья потеряла отца-кормильца Артюкова Якова Григорьевича, который погиб на стройке. Чтобы прокормить двоих малолетних детей, мать, Софья Никитична, вынуждена была уехать на заработки. Как вспоминал Яков Яковлевич: *«С ранних лет я узнал лишения и нужду, в семье не хватало хлеба, с семи лет я начал трудиться...»*

В 1906 году мать вышла замуж за Вербова Назара Лукьяновича, который через пять лет, в 1912 году усыновил Якова и его брата Кузьму. В этом же году Яков окончил местную земскую 4-летнюю школу.

В последующие годы в своей автобиографии Яков Яковлевич напишет: *«Отец и мать жили в нужде и стремились мне и брату дать начальное образование, учили нас быть честными, трудолюбивыми, внимательными и чуткими к нуждам народа».*

Таким он и вырастет, пройдя все тяготы и лишения в малолетнем возрасте, испытав нужду и голод, которые гнали на любую работу семилетнего мальчишку. Пройдя годы суровых испытаний Гражданской войны, обучившись в нескольких военных заведениях и став командиром Красной Армии, он со вниманием и заботой будет относиться к своим бойцам и младшим командирам. Так будут писать о нём в воспоминаниях его сослуживцы.

После окончания сельской Селинской школы (1914–15 годы), Яков с братом, помогая матери и отцу, батрачили в селе Селино Дмитриевского района у местного батюшки за 3 рубля в месяц. В 1915 году Яков уехал к дяде в Пензу, где поступил на работу на чугунно-литейный завод. Сначала работал чернорабочим, потом плотником.

В 1917 году, чтобы избежать призыва на фронт Первой Мировой войны, отчим дал мзду местному попу и тот подчистил запись в церковной книге, сделав парня на 4 года моложе. Друг за другом грянули две российские революции, и к декабрю работа на заводе прекратилась. В период между революциями, осенью 1917 года Яков успел послужить в отряде самообороны. Но в конце ноября вынужден был вернуться домой в с. Селино, где опять устроился на работу на частную мельницу.

Из биографии Я. Я. Вербова: *«Иностранные интервенты и белогвардейцы пошли против завоеваний Октября, и в мае 1918 года я вступил добровольцем в Красную Армию. Был направлен в Елецкий запасной полк. Нас маршевыми ротами направили на Южный фронт в Царицын, где я и проходил службу в учебной команде заградотряда 346-й полк 39-й стрелковой дивизии 10-й Армии. Здесь проходил изучение пулемёта «Кольта».*

При наступлении армии Краснова был отозван на передовую в качестве пулемётчика. В составе 300 штыков и сабель, с пулемётами влились в состав 346-го стрелкового полка 2-й бригады 39-й СД 10-й Армии. Командиром полка был ставрополец Давыдов П.М., командирами пулемётной команды: Чёрных М. и Попов. С полком служил в дивизии конницы Будённого С.М. и Жлобы. Участвовал в боях по разгрому Донской армии Каледина и Краснова, Добровольческой армии Деникина, Врангеля, Улагая, Мамонтова на всей территории Кубани и Дона. К началу 1919 года командир 10-й Армии Ворошилов убыл к новому месту службы, командиром был назначен Егоров А.И.

Совместно с конницей Будённого мы участвовали в наступательных боях на донской земле. В районе сегодняшнего Сальска, недалеко от р. Маныч, встретили упорное сопротивление армий Краснова и Деникина. В боях был дважды ранен, в лицо и в ногу, оставался на излечении в обозе».

Пулемёт Кольт-Браунинг М1895–1914 на вооружении в РККА

В анкете Вербова есть две короткие записи:

«В ноябре 1919 года из-за болезни попал в госпиталь станицы Тихорецкой (Екатеринодара) Краснодарского края».

«Пленён частями Добровольческой армии Деникина. Находился в плену до апреля 1920 года».

В более поздних довоенных биографиях и анкетах о своём пленении Вербов подробно нигде не упоминает. Да это и понятно. Скольких боевых командиров Красной Армии, да и простых бойцов, из-за упоминания в биографиях о плене или о прежней службе в царской армии впоследствии, в лучшем случае, лишили всех льгот, устранили от военной службы или оперативной работы, а многие эти герои Гражданской войны не пережили репрессий 1930-х годов. Даже в период службы на Крымском фронте в 1942 году армейский комиссар Мехлис при чистке кадров просматривал биографии всех командиров армий и дивизий и их штабов.

В послевоенных биографиях, которые писал Яков Яковлевич, есть пояснение: *«В 1919 году, при разгроме армии Деникина на Дону, в роте, совершающей марш на верблюдах, больным тифом был взят в плен. Весь плен до освобождения пролежал в госпитале. После освобождения, будучи больным тифом, был направлен в роту Тихорецкого ревкома, где выздоравливал до сентября 1920 г.».*

После освобождения из плена, Я. Я. Вербов нёс службу в караульной роте станицы Тихорецкой.

«В марте 1920 года, после разгрома белогвардейских войск у городов Новороссийска и Туапсе, Реввоенсовет 1-й Конной армии направил меня и моих друзей из г. Екатеринодара (г. Краснодар) на учёбу, на пулемётные курсы в г. Москву».

С апреля 1920 г. по сентябрь 1923 г. Яков Яковлевич проходил обучение в объединённой военной школе «имени ВЦИК».

Многие из них в годы Великой Отечественной войны стали командирами полков и дивизий, дослужились до генеральских звёзд.

Из биографии Я. Вербова: *«Мы, курсанты школы, несли ответственную службу по охране Кремля, конференций и съездов*

партии, конгрессов Коминтерна. Нам, молодым, выпала честь видеть и слышать Владимира Ильича Ленина, стоять на посту у его квартиры и кабинета, в здании Совнаркома на 3 этаже. Неоднократно нёс службу на посту № 27, отвечая за безопасность Ленина и его семьи. Принимал участие в субботниках, где рядом трудились Ленин, Дзержинский, Калинин и другие. Часто приходилось слышать его доклады и выступления, беседовать с ним в нерабочее время.»

Курсанты-сослуживцы 5-й роты Дорошина. Первый (в кресле) – Попов, второй слева – помощник комвзвода Я. Я. Вербов, третий – Г. И. Вахтин, четвёртый – Прокофьев, пятый – Павлов. Стоят: первый слева – А. С. Прудников, Климов, М. В. Колосов, Валуйский, Власов, Щепкин.

В июле 1920 года, по просьбе Фрунзе и по указанию Ленина, с курсантами направлен на Южный фронт в составе сводной Московско-Петроградской курсантской бригады. Курсанты в составе ударных полков и бригад ходили в атаку с пением интернационала, нагоняя страх на врагов. Участвовали в разгроме армии Колчака, банды Махно на Украине, в освобождении Крыма в ноябре 1920 года в составе войск 46-й СД (командир Федько).

После разгрома банд Махно снова сели за парты, но ненадолго. В 1921 году с делегатами 10-го съезда партии курсантский полк отправлен на подавление Кронштадтского мятежа в составе северного отряда».

Фото с В.И. Лениным.
Я.Я. Вербов отмечен галочкой в верхнем ряду.
Из семейного архива Вербова

Северная группа наступала на Кронштадт по льду Финского залива, на участке побережья от Сестрорецка до мыса Лисий нос. [1]

«15 февраля 1922 года В.И. Ленин был избран почётным курсантом первого взвода первой роты первого пехотного батальона».

Однажды к Вербову приехали земляки и попросили устроить им встречу с Лениным: *«Яша, помоги попасть к Ленину!»* Ходоки просили заступиться за них: на деревенский лес претендовали соседи. Яков Яковлевич устроил землякам встречу с Калининым, а потом мужиков принял Ленин. Два мешка курской антоновки Ленин взял и распорядился отдать в детский дом, а крестьянам пообещал помочь.

В мае 1921 года Яков Яковлевич вступил в РКП (б), билет ему вручала известная большевичка Розалия Самойловна («товарищ Землячка»).

«В 1923 году на торжественном выпускном вечер мы, курсанты второго выпуска школы командиров, перевели В.И. Ленина из почётных курсантов в почётные командиры и написали ему письмо: «Уважаемый Владимир Ильич! Мы Вас производим из почётного курсанта в почётного красного командира школы и уверены, что вся Красная Армия будет гордиться своим почётным командиром – вождём мирового пролетариата».

На этом собрании присутствовали Каменев, Калинин и Будённый.

По окончанию школы в январе 1923 года, Яков Вербов был направлен в дивизионную школу младших командиров 23-й Харьковской территориальной дивизии Украинского военного округа, назначен командиром отделения пулемётного взвода.

Пулемётная школа

Школа младших командиров, г. Харьков. 1924 г.
Первый ряд слева: Я.Я. Вербов, старшина поляк Бугаевский, начальник штаба школы поляк Соболевский, начальник школы Александр Татаринов, комиссар школы Чернявский, секретарь партбюро Юновер, командир роты, дворянин из Петрограда Вельтнизов, десятый – Попов, писарь штаба. Стоят во втором ряду: командиры взводов, третий – Михаил Волков. Собака – начальника штаба Татаринова.

В 1925 году окончил советскую партийную школу в городе Харькове.

С 1924 у Я.Я. Вербова начинается многолетняя служба в 67-м стрелковом полку 23-й стрелковой Харьковской дивизии, в которой он прослужит 12 лет. 1926 году назначен командиром роты, с 1926 по 1928 гг.– командир роты и политрук.

1928–1929 гг.– политрук роты школы военного собаководства Уральского военного округа. В 1930 году закончил тактико-стрелковые курсы «Выстрел» высшей школы им. маршала Советского Союза Б.М. Шапочникова. Был политруком роты курсов «Выстрел» Московского военного округа.

1930–1931 гг. – на должности помощника командира батальона, 1931–1933 гг. – командир батальона того же 67-й СП 23-й СД.

г. Харьков. 1925 г.

Одновременно, в 1933 году, Яков Яковлевич заканчивает заочное обучение на двухгодичных курсах московской военной академии им. Фрунзе. И в этом же году назначается помощником командира по хозчасти 67-й СП 23-й СД.

В 1935 году переведён в Полтавскую область, где 1935–1936 годы прослужил командиром батальона 223-го СП 75-й СД Харьковского Военного Округа. Одновременно окончил среднюю школу. В том же году ему присвоено звание – майор.

В этой дивизии прослужил пять лет:

1936–1937 гг. – помощник командира по строевой части 223-го СП 75-й СД.

1937–1938 гг. – командир 223-го СП 75-й СД.

В 1938 году командир 90-го десантного полка 30-й Иркутской дивизии (г. Запорожье) майор Вербов награждён юбилейной медалью XX лет РККА.

1938–1939 гг. – помощник командира 223-го СП 75-й СД.

Я.Я. Вербов. 04.11.1936 г.

В марте 1939 года сдал полк и убыл в г. Симферополь, где принял должность командира 264-го СП 3-й СД 2-й Краснознамённой Армии Дальневосточного фронта.

В своей послевоенной биографии генерал Вербов написал о начале своего боевого пути на Халхин-Голе: *«В июне 1939 года убыл из Крыма и Харьковского военного округа в Монгольскую Национальную республику в район реки Халхин-Гола для разгрома военно-маньчжурских войск. Находился с полком до полного разгрома врага. Одержав доблестную победу, наши войска нанесли ему большие потери в живой силе и технике».*

Бои на Халхин-Голе (Номонханский инцидент) – это необъявленный локальный вооружённый конфликт, продолжавшийся с весны по осень 1939 года у реки Халхин-Гол на территории Монголии (примерно в 900 км на восток от Улан-Батора), у границы Маньчжоу-го с МНР. Заключительное сражение произошло в конце августа и завершилось полным разгромом 23-й пехотной дивизии 6-й отдельной армии Японии. Перемирие между СССР и Японией было заключено 16 сентября 1939 года. [2]

Записи о пребывании на Халхин-Голе в анкете, составленной в годы Великой Отечественной войны, отсутствуют. Нет об этом упоминаний и в наградных листах. Однако после событий на Халхин-Голе в течение года майор Вербов был повышен в звании – ему было присвоено звание полковника, минуя звание подполковника.

После возвращения из Монголии:

«В 1939 году после уничтожения самураев в КНР направлен на службу в составе 3-й Крымской дивизии 3-й Краснознамённой Армии на Дальний Восток. Дивизия расположилась на ст. Приколотная и ст. Серышево Амурской области, где и проходил службу до марта 1941 года.

В 1940 году присвоено звание полковник.

В марте 1941 года принял командование 59-м мотострелковым полком 59-й отдельной танковой дивизии, расположенным в районе ст. Завитая».

Крайний справа – Я.Я. Вербов. 1939 г.

Майор Вербов с женой и дочерью Тамарой в Крыму. 1940 г.

Как вспоминал в последующие годы Яков Яковлевич:

«Мы жили в районе ст. Завитая, на территории вечной мерзлоты. В любое время года, сухой морозной зимой, в весеннюю распутицу и непролазную грязь, лето с дождями и ненастную осень мы совершенствуем боевое мастерство и зорко охраняем рубежи своей Родины.

После нападения фашистских полчищ на Советский Союз 59-й мотострелковый полк в составе 59-й отдельной танковой дивизии прибыл в Подмосковье на доукомплектование, где был преобразован в 109-й мотострелковый полк 109-й отдельной танковой дивизии».

Я.Я. Вербов продолжил службу в прежней должности командира полка до ноября 1941 года.

Полковник Я.Я. Вербов, 1941 г.

«Полк выдвинулся в район Ельня, Рославль Смоленской области и принял участие в боях в составе 33-й и 43-й Армии на Западном фронте. Была задача – задержать врага, рвущегося к Москве. Участвовал в боях под Смоленском, Можайском и Москвой. Защищали подступы к Москве».

Дивизия войдёт в состав 43-й Армии Резервного фронта в период жестоких боёв в районе Смоленска, Ельни и выхода из окружения 28-й армии Западного фронта. Возможно, участие Якова Яковлевича в этих оборонительных боях по прикрытию отступающих частей поможет ему в последующем создать надёжную оборону отступающих войск в Крыму – 51-й, и на Дону – 37-й армий. Ведь прикрытие вывода из окружения войск на Западном фронте в августе 1941 года напоминает прикрытие отступающих войск на Керченском полуострове в мае 1942 года.

На Крымском фронте 400-я СД будет так же прикрывать отход частей 47-й и 51-й армий. А в июле этого же года – отход всех частей и соединений с правого берега Дона, в том числе, и частей 37-й армии.

К сожалению, в военной истории сохранилось мало сведений о героических боях 109-й отдельной танковой дивизии на московском направлении. Больше материалов имеется о боевых действиях 43-й Армии. Известно, что июльские и августовские бои под Смоленском не принесли Красной Армии ожидаемых побед, но и не позволили противнику осуществить их пла-

ны – лёгкого прорыва к Москве и уничтожения армий, окружённых в Смоленском котле.

Изматывая противника частыми попытками контратаковать его клинья и восстановить положение на фронте, вернуть Смоленск, советские войска не дали возможности немецкому командованию высвободить танковые и моторизованные дивизии для продвижения на юг (с целью окружить войска Юго-Западного фронта в районе г. Киев). Противник не одержал здесь лёгких побед и понёс значительные потери.

Из материалов военного американского историка Дэвида Гланца:

«Из показаний пленного: *«Понесли большие потери. В отдельных частях потери составили до 75%. Политико-моральное состояние солдат характеризуется незнанием цели войны, боязнью советского оружия, нежеланием воевать и усталостью».*

Группа армий «Центр» на смоленском направлении потеряла 74,5 тыс. чел. Танковые группы на 28 августа – от 55% до 75% танков. [43]

«Директивой Начальника Генерального штаба № 596/знгш от 25 июня 1941 года, в период с 27 по 30 июня 1941 года, в 26 железнодорожных эшелонах 59-я танковая дивизия отправлена на запад». [20]

За бои на московском направлении полковник Я.Я. Вербов был награждён первым орденом Красного Знамени.

Из наградного листа: *«Полковник Вербов, командуя 109-м мотострелковым полком, отлично подготовил полк к боевым действиям и в боях проявил личное мужество и отвагу. В боевых операциях с 30 августа по 14 сентября полк под руководством полковника Вербова отлично выполнял боевые задачи, нанося врагу значительный урон. Только за время боёв 30.08 – 01.09 полком уничтожено: 19 танков, 25 противотанковых орудий, 2 зенитных орудия, 1 самолёт и много другого вооружения.*

Полком уничтожено до двух батальонов пехоты противника и склад боеприпасов с 2000 снарядов.

1 и 13 сентября, в ходе отхода частей 211-й и 149-й стрелковых дивизий, полк остался на фронте один, не допустив прорыва противника.

Решительные действия полка спасли положение и позволили восстановить утраченные соседями позиции. Полковник Вербов неоднократно лично поднимал полк и его подразделения в атаку на немецких захватчиков».

Награда за эти героические бои найдёт Якова Яковлевича в 1942 году, когда он будет отбивать атаки противника на Керченском полуострове.

Из приказа Западного фронта № 0224 от 22 февраля 1942 г.:

«От имени Президиума Верховного Совета СССР, за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявлении при этом доблести и мужества, наградить полковника 43-й А по 109-й ТД тов. Вербова Я.Я. орденом «Красное Знамя».

Из биографии Вербова:

«В ноябре 1941 года 109-я отдельная танковая дивизия в районе Кубинка-Новорижское переформирована в отдельную 148-ю таковую бригаду. За неимением штатной должности направлен в Главное Управление Кадров.

Сдав полк, переведён командиром 12-го отдельного стрелкового батальона в 12-ю отдельную стрелковую курсантскую бригаду Щаденко в составе Северо-Кавказского фронта (командующий – Будённый С.М.).

Батальон занимал оборону на побережье Керченского пролива и Таманского полуострова. 13 декабря 1941 года Военным Советом фронта назначен на должность командира 400-й стрелковой дивизии 47-й армии (командир – генерал-лейтенант Колганов)».

А дальше скромно: *«Участвовал в боях по освобождению Крымского полуострова, форсировал Керченский пролив, вёл ожесточённые бои на Аджимушкайских позициях».*

18.01.1942 – 14.06.1942 г., в ходе майского наступления германской 11-й армии в Крыму (08 – 20.05.1942 г.) дивизия была уничтожена и официально расформирована 14.06.1942. [3]

По воспоминаниям Я.Я. Вербова, 400-я дивизия располагалась в ст. Красноармейской (*ст. Полтавская – авт.*). В период боёв на Таманском полуострове входила в состав Закавказского (Кавказского) фронта, с января – в составе Крымского фронта, с апреля – в резерве Ставки ВГК. Вместе с 156-й СД и 398-й состояла в резерве фронта. Согласно воспоминаний Вербова, дивизия входила в состав 51-й Армии – очевидно, при отступлении в мае 1942 года.

51-я Армия входила в состав Крымского фронта с 28 января 1942 года, Северо-Кавказского фронта – с 20 мая того же года. После эвакуации с Таманского полуострова и пополнения передислоцирована на Дон с 25 июля (по воспоминаниям Я.Я. Вербова, – с 21 июля) и вошла в состав Южного фронта. После расформирования ЮФ, 51-я армия 29 августа вошла в состав Северо-Кавказского фронта, с 1 августа – в состав Сталинградского фронта. (12)

С декабря 1941 года по май 1942 года 51-й Армией командовал генерал Львов В.Н., (командующий Крымским фронтом – генерал Козлов Д.Т.).

Как пишут в ряде источников: «Задачей 51-й Армии являлось недопущение вторжения в Крым десантов противника». Армия принимала участие в боевых операциях на Крымском полуострове с 12 сентября 1941 года по 9 июля 1942 года, (с 26 декабря 1941 года по 20 мая 1942 года – в Керченско-Феодосийской десантной операции). После очередного пополнения в июле 1942

года на Донском рубеже, принимала участие в Сталинградской битве.

«После выхода с Керченского полуострова 400-я дивизия была разукомплектована, а оставшиеся части пополнили 76-ю стрелковую дивизию». (Я.Я. Вербов).

Удивительно, но об истории и боевом пути дивизии даже в советские годы мало что было известно. По крайней мере, в музее г. Симферополя, где долгие годы проживал Яков Яковлевич, не было ничего, кроме его парадного мундира и сабли.

Из письма, написанного Вербову в 1970 году: *«Когда мы были в Симферополе, мы посещали музей. Стоя у Вашего парадного мундира и сабли, задали вопрос: «Почему нет экспозиции 400-й стрелковой дивизии?» На что работники музея нам ответили: «Мы ничего не знаем».*

Если даже в советское время в историю Великой Отечественной войны не вписали подвиг этих бойцов и командиров, то сегодня, тем более, вряд ли кто о них вспомнит.

Это один из ярких примеров, как мы сами стираем из памяти историю родного Отечества.

Глава 2.

400-я стрелковая дивизия

Собирая для новой книги документы и воспоминания о боях 156-й стрелковой дивизии на Дону и её комдиве Я.Я. Вербове, я не мог и предположить, что история боевого пути полковника Я.Я. Вербова практически неизвестна, а картина боевых действий двух дивизий под его командованием, в некотором смысле, схожа. Обе дивизии прикрывали отступление других частей: 400-я СД – в мае 1942 года в Крыму, 156-я СД – в июле на Дону. Об участии этих дивизий в боевых операциях остались только скудные данные в архивах, редкие упоминания в мемуарах полководцев и единичные воспоминания частных лиц. В семейном архиве Вербовых нам также не удалось найти ответы на все поставленные вопросы. Но свидетельства того, что бойцы и командиры 400-й и 156-й стрелковых дивизий были активными участниками боёв, имеются. И сопоставив все факты боевых действий этих дивизий на фронтах войны 1942 года, можно с уверенностью сказать, что обвинять этих бойцов и командиров в трусости нет никаких оснований.

Свой героический путь 400-я СД начала с участия в январском ледовом десанте через пролив на Керченский полуостров. Без техники, без поддержки артиллерии и авиации, бойцы и командиры, рискуя жизнью, прошли по тонкому льду, в сплошной снежной пелене. Выйдя на берег с одним стрелковым оружием, они оказали поддержку морскому десанту.

И архива Я.Я. Вербова:

«Планами Гитлера предусматривалось проникнуть на Северный Кавказ, чтобы овладеть нефтяными районами. Вторжение на Кавказ мыслилось осуществить группой армий «Юг», ударами через Ростов и из Крыма, через Таманский полуостров. Командующий группой войск, тогда Рунштедт, имел указание Гитлера быстрее покончить с Ростовом и Крымом. Однако эти указания выполнить его войскам не удалось, за что он был наказан и снят с должности.

Четырёхсоттысячная 11-я немецкая армия Манштейна, в середине сентября 1941 года, начав прорыв перекопских позиций, к середине ноября овладела территорией Крыма, за исключением Севастополя.

Начать наступление через Керченский пролив она не могла, так как войска севастопольского оборонительного района сковывали значительные её силы и постоянно угрожали её тылам. Поэтому ближайшей задачей для немецких войск являлось овладение Севастополем. На решение этой задачи было приковано всё внимание немецкой армии, что создавало выгодные условия для проведения Керченско-Феодосийской операции.

Повести эту операцию мыслилось следующим образом: высадить два десанта: 51-й армии на северо-восточном побережье и 44-й армии в районе Феодосии. Главный удар нанести на Феодосию силами четырёх дивизий 44-й армии, с целью перехватить Ак-Монайский перешеек и отрезать пути отхода вражеской группировки Керченского полуострова, операцию завершить ликвидацией этой группировки. Операция началась 26 декабря высадкой войск 51-й армии. С 26 по 30 декабря северо-восточнее и южнее Керчи было высажено около 20 000 войск. Полностью войска и техника высажены не были из-за сложных метеоусловий.

Более удачно прошла высадка войск 44-й армии 29 декабря. Передовой отряд захватил Феодосию. В последующие дни

30–31 декабря высадились главные силы армии. Войска вышли к реке Чупук-Су, но закрыть полностью выход группировке противника не удалось».

«Зимняя Керченско-Феодосийская операция проводилась с целью овладеть Керченским полуостровом и ослабить натиск противника на осаждённый Севастополь, создать предпосылки для уничтожения всей Крымской группировки противника и выйти на Перекоп. Осуществляли эту операцию 44-я, 47-я и 51-я армии, Черноморский флот и Азовская военная флотилия.

Сильный шторм на море и метель с 25 по 29 декабря 1941 года и мороз до 10–15 гр. помешали высадке передовых десантных отрядов от армии. Только 30 декабря, несмотря на тяжелейшие условия, части преодолели морскую стихию. Противник силами 46-й ТД и 42-й АК 11-й армии оказал упорное сопротивление, огнём сбрасывая десант в бушующую стихию. Вражеская авиация наносила бомбовые удары по скоплению наших войск и кораблям. Воины дивизии по грудь в воде добирались до берега, а затем мокрые, при морозе 10 градусов вступали в бой».

2 января 1942 года был утверждён план наступления войск Кавказского фронта, где 51-й армии давалось направление: Джанкой – Чонгар – Перекоп. (36)

К сожалению, выйти на этот рубеж и отрезать вражескую группировку в Крыму не удалось. О причинах будет сказано ниже.

«Наши части не имели танков, артиллерии и авиации, приходилось занимать оборону или возвращаться на Тамань. Когда в Керченский пролив штормом нанесло льда, и суда встали, 400-я стрелковая дивизия форсировала пролив по льду и в январе 1942 г.заняла Колонку и г. Керчь. Взаимодействуя с частями 51-й армии, 3 января вышла к Корпеч, Карпач, Коясан русский, продвинулась на 100–110 км и освободила полуостров, выйдя на Ак-Монайский перешеек». Архив Я.Я. Вербова.

Из воспоминаний участника ледового десанта А.М. Левады:

«Мы с нетерпением ждали, когда поступит приказ переправиться с косы Чушка в Крым, на Керченский полуостров, где вела тяжёлые бои 51-я армия. Слушая рассказы о происходящих там событиях, мы думали о десантниках, о тех, кому уже удалось сойтись в смертельной схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Но приказа всё не было.

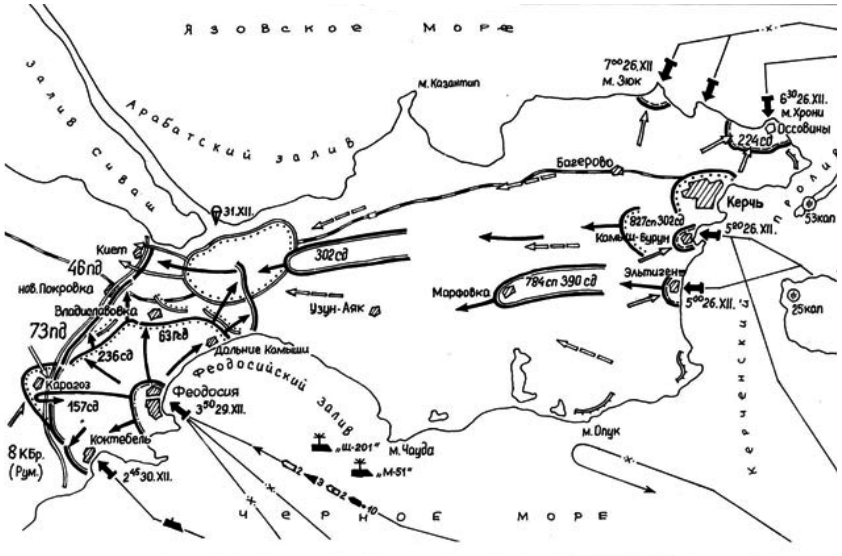
Наконец, в морозное утро нам стало известно, что мы будем выступать. Все понимали сложность и опасность предстоящего пути в Крым. Мы должны добраться по льду, который несколько дней назад сковал Керченский пролив. Лёд был ещё не прочный, с многими промоинами и полыньями.

Пролив мы преодолевали небольшими группами, сгибаясь от резких порывов встречного ветра. Имущество везли на нескольких сколоченных санях. Двигались цепочкой, осторожно обходя промоины, старались не упустить из виду вперёд ушедших товарищей.

Когда находились на середине пролива, подул сильный ветер, началась настоящая пурга. Небо заволокли свинцовые тёмные тучи, стало темно, словно настали вечерние сумерки. Из-под ног ускользал гладкий, словно отполированный лёд. Люди падали, поднимались с трудом, тонкий лёд грозил разверзнуться, а чёрная морская пучина поглотить каждого, кто хоть на миг растерялся или зазевался. Несмотря на грозящую опасность, мы шли вперёд, сознавая, что находящимся в Крыму советским воинам-десантникам под пулями, снарядами и бомбами куда опаснее и тяжелее...»

«В то время как сапёры вели разведку льда в проливе, войска заготавливали доски, плетни, верёвки. За несколько дней было сделано более 1500 лыж и ледоступов, несколько саней и волокуш. Сапёрные войска прокладывали пути через пролив, обозначая их вешками. Неокрепший лёд, его недостаточная толщина

и появление трещин заставляли по несколько раз в сутки менять пути переправ. Пехота переправлялась по одному, с дистанцией в 6-7 м. Из материальной части можно было переправить только пулемёты. К 6 января удалось переправить около 13 000 чел. из состава 302-й, 244-й, несколько подразделений 396-й стрелковых дивизий и основные силы 12-й стрелковой бригады (51-й А – авт.). А. Смирнов-Несвицкий. [34]



Десантная операция 26.12.1941 г. – 03.01.1942 г.

О Крымской десантной операции зимы 1941-1942 гг. в своих мемуарах вспоминал Э. Манштейн: «Высадка советских войск на Керченском полуострове, предпринятая как раз в тот момент, когда решался исход боя на северном участке Севастопольского фронта, как вскоре оказалось, не была просто манёвром противника, рассчитанным на отвлечение наших сил. Советские радиостанции сообщили, что речь идёт о наступлении с решительной целью, с целью возращения Крыма». [32]

По воспоминаниям адмирала С.Г. Горшкова, десантная операция проходила в сложнейших условиях. С каждым днём погода портилась, усиливался ветер, поднимался шторм. Ввиду усиления мороза нельзя было затягивать начало операции. Все отряды были подготовлены к выходу в назначенное время, хотя не все суда были подготовлены к проведению операции. Судов было недостаточно, часть ещё не подготовлена для переброски десанта. Командование флотилии просило командующего фронтом перенести сроки десантирования. Но просьба не была удовлетворена, было дано строгое указание командующего фронтом *«действовать по утверждённому плану, так как операция началась»*.

В таких условиях требовалось не только преодолеть сопротивление врага, но и покорить разбушевавшуюся стихию. Из-за начавшегося шторма уже было потеряно время высадки десанта, а места его высадки смещены. Часть плавсредств не дошли до берега высадки, они были потеряны в стихии.

«Задержка на переходе, потеря части высадочных средств, с людьми и вооружением, значительно снизили боеспособность первого эшелона десанта и отрицательно отразились на ходе высадки.

Первый тревожный сигнал поступил в 3 ч 20 мин 27 декабря от командира первого отряда. Он донёс, что к намеченному месту высадки в Казантипском заливе сможет подойти только к 10 ч, и получил приказ произвести высадку в назначенное время, но в районе мыса Зюк, что значительно сокращало его путь.

Вскоре на флагманском командном пункте флотилий была получена радиограмма от командира пятого отряда: «Задачу выполнить не могу из-за шторма». Как позже выяснилось, волной оторвало все восемь буксируемых байд и шлюпок, а сейнеры потеряли друг друга. Буксир «Урицкий» не мог буксировать

баржу при крутой волне. Поэтому отряд был вынужден возвратиться в Кучугуры, и только 27 декабря вместо Еникале его пришлось перенацелить для высадки на мыс Хрони, где к тому времени десант четвёртого отряда закрепился на захваченном плацдарме. И всё же, преодолев штормовое море, остальные отряды подошли к рассвету в назначенные им районы и начали высадку войск десанта у мысов Зюк и Хрони. Темп высадки был низким. Сильный накат выбрасывал на берег шлюпки, на прибрежной отмели оказались сейнер «Декабрист» и катер-тральщик «Акула». Моряки из экипажей десантных судов и из частей морской пехоты, входивших на каждом судне в состав первого броска, подбадривали бойцов, увлекали их личным примером, первыми бросаясь в ледяную воду прибоя, и, стоя в ней по грудь, помогали солдатам выходить на берег, переносить вооружение и боеприпасы.

Высадка войск производилась при сильном огневом противодействии противника. Поддерживавшие высадку канонерские лодки меткой стрельбой подавляли вражескую артиллерию и огневые точки противодесантной обороны на берегу. Сторожевые катера ставили дымовые завесы для прикрытия от пулемётного огня противника подходивших к берегу высадочных средств. Это несколько облегчало положение десантных отрядов, но около 11 ч. начались непрерывные налёты вражеской авиации. От попадания бомб затонула самоходная шаланда «Фанагория», на которой погибло более 100 человек, получили повреждения пароходы «Пенай» и «Красный флот».

Командование АВФ неоднократно обращалось в штаб 51-й армии и штаб ВВС с просьбой выслать истребители для прикрытия пунктов высадки, но реальной помощи так и не последовало.

Отсутствие надёжного управления отрядами в море не дало возможности свести основные силы второго и третьего

отрядов в одну группу, до рассвета высадить войска на главном направлении – в Камыш-Буруне – и развить достигнутый успех. Они были вынуждены выполнять поставленную задачу уже днём при сильном противодействии артиллерии, миномётов и авиации противника. И, естественно, понесли большие потери: около 400 человек было убито и ранено, пять сейнеров, катер типа МО, буксир, болиндер и баржа погибли.

Возле Старого Карантина и Эльтигена десант также попал под сильный огонь, поэтому в Старом Карантине сумели высадиться только 55 человек, в Эльтигене – 19 человек. Они весь день вели бой с превосходящими силами врага. Оставшиеся в живых с наступлением темноты вырвались из окружения и пробились к основным силам десанта. Остальная часть десанта была высажена в районе Камыш-Буруна. К исходу 26 декабря здесь уже находились около 2000 человек.

Из-за сложных метеоусловий и сильного противодействия врага намеченного темпа накопления сил на захваченном плацдарме выдержать не удалось. И всё же в невероятно тяжёлой обстановке к 30 декабря кораблями и судами Керченской военно-морской базы на Керченский полуостров в общей сложности было переброшено свыше 11 тыс. человек, 47 орудий, 229 пулемётов, 198 миномётов, 12 автомашин, 210 лошадей и 14 повозок. Наступая в южном и северном направлениях, войска 51-й армии при эффективной поддержке артиллерии кораблей Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы, а также артиллерии с Таманского полуострова сломили сопротивление противника и 30 декабря овладели городом Керчь». С. Г. Горшков. [15]

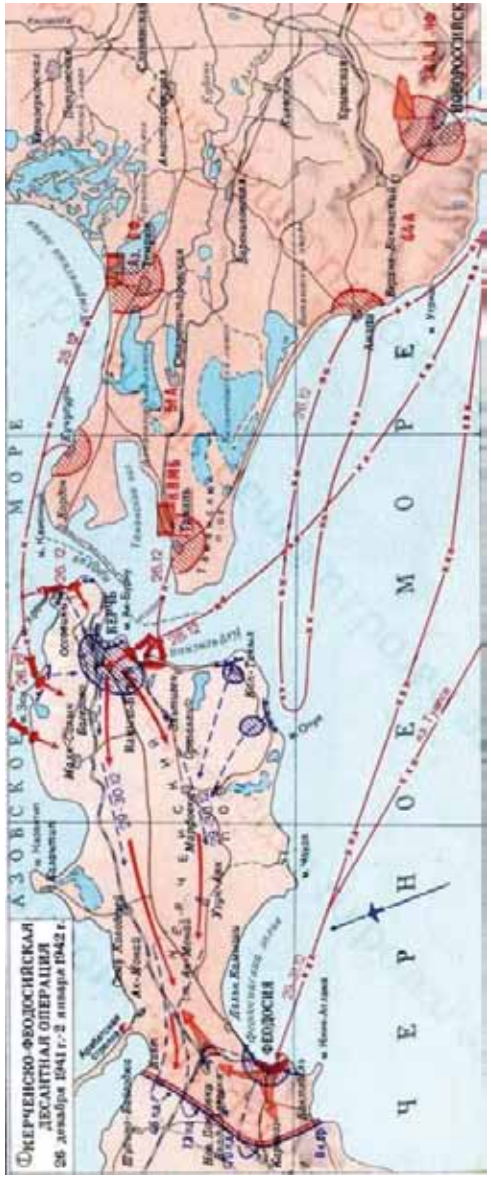
Из воспоминаний участника боёв на Керченском полуострове:

«Отделы штабов в Керчи расположились у горы Митридат, телеграф – в помещении гостиницы. Появились первые пленные. Все они в один голос говорили, что высадка десанта

для них была неожиданностью, и что их командование всех степеней растерялось». А. Г. Закревский.

В составе декабрьского десанта был и наш земляк Данилов Дмитрий Алексеевич, уроженец х. Ермилова Константиновского района. В эти суровые зимние дни он бил врага, как и его отец, погибший на германском фронте в 1916 году.

Связист Д. А. Данилов высадился под Новый Год в Камыш-Буруне, участвовал в освобождении Керчи, Феодосии, Ялты. 20 марта 1942 г. под Толончуком был ранен. После выздоровления продолжал службу в составе 47-й армии. В 1943 участвовал в освобождении Новороссийска, 20 февраля был контужен. Заслуженные ордена Отечественной войны II и I ст. ему были вручены в 1985 и 1987 годах.



«...В ходе Керченско-Феодосийской десантной операции по освобождению Керченского пролива, с 29 декабря 1941 года по 3 января 1942 года, 51-я армия отбросила неприятеля на 110 км на запад, создав благоприятные условия для освобождение Крыма, но осуществить этот замысел не удалось.

Противник, сосредоточив внимание на Севастополе, оставил на Керченском направлении до 25 000 человек и до 100–120 танков и значительное количество артиллерии, особенно береговой и зенитной. Он не рассчитывал на высадку крупного десанта.

За потерю Керченского полуострова командир 42-го армейского корпуса немецкой армии генерал Шпонек, возглавлявший войска, военным трибуналом был приговорён к смертной казни (казнь заменили заключением). Командир немецкой 46-й дивизии генерал-лейтенант Курт Гимер разжалован и понижен в должности». Я.Я. Вербов. (Граф Шпонек расстрелян 20.07.1944 г. по приказу Гиммлера).

По воспоминаниям С.Г. Горшкова, высадка десанта 51-й Армии – 26 декабря, 44-й армии – 29 декабря 1942 года прошла успешно, но даже 12 января войска ещё не были готовы к наступлению.

Документы о подготовке и проведении десантной операции долгое время хранились в партийном архиве Крымского обкома партии. В них отмечается сложность высадки морского десанта ввиду отсутствия опыта, неподготовленности части судов, не предназначенных для десантных операций. Отмечено недостаточное количество прибывших самолётов для поддержки десанта. К 25 декабря 1941 г. передислоцировалось 50% авиации.

«25 декабря 1941 года, с 13.30 до 16.40, выходили из пунктов погрузки Темрюк и Кучугур первые десанты в составе четырёх отрядов. Первый отряд вышел из Кучугур в район Еникале 25.12. в 22.00.

Состояние погоды на море не благоприятствовало десантам. Ветер усилился до семи баллов.

На всех плавсредствах разместились 224-я СД и 83-я стрелковая бригада, которым и предстояло первыми начать бой за освобождение крымской земли. Шторм поднимал огромные волны, которые бросали небольшие суда из стороны в сторону, обливая десантников ледяными брызгами, слепляя ресницы колючей снежной пылью. Следовавшие на буксире байды, баркасы и шлюпки заливало водой, лопались буксировочные тросы, всё это замедляло ход судов. Требовались нечеловеческие силы, чтобы бороться со стихией и до рассвета подойти к пунктам высадки.

Первый отряд с опозданием, 26 декабря к 9.30, вышел не к Ак-Монай, а к мысу Зюк. При переходе были потеряны один сейнер и несколько байд. Высадка десанта осложнялась накатом больших волн. С 10 часов под огнём противника высадилась небольшая часть десанта.

Более удачно высадился второй десант в районе п. Новый Совет. Шторм доходил до 8 баллов, корабли не подходили близко к берегу. Моряки и бойцы, рискуя быть унесёнными в море, по грудь в воде пробирались к берегу.

Здесь все были герои! Но нельзя не отметить героизм полуроты 275-го отд. сапёрного батальона. Они первыми бросились в ледяную воду и сумели при помощи кольев и камней пришвартовать баржу, сделав на неё сходни для людей и матчасти. Затем помогали вытаскивать на баржу пушки, миномёты и боеприпасы.

Азовская флотилия потеряла пять крупных судов, повреждено – 4, сейнеров – 19, погибло при выгрузке более 1000 чел.» (ЦАМО, ф.1 56, оп. 156 (связка № 25), д. 66, л. 1, 2). [35]

Да, действительно, это был героизм воинов Красной армии и флота, многие из которых в ближайшие месяцы погибнут из-за нерешительных действий своих командиров.

Э. Манштейн, застигнутый врасплох советским десантом, теперь был удивлён бездействием командования советским фронтом. В своих воспоминаниях он написал:

«Наступавшая через Керчь 51-я армия преследовала 46-ю пехотную дивизию очень нерешительно. Высадившаяся у Феодосии 44-я армия в решающем западном и северо-западном направлениях предприняла только осторожные вылазки. К нашему удивлению, она направила свои главные силы на восток навстречу 51-й армии. Противник явно видел перед собой только тактическую цель – уничтожение наших сил на Керченском полуострове – и упустил из вида оперативную цель – пересечение жизненной артерии 11-й армии». [32]

В семейном архиве генерала Я.Я. Вербова большая часть материалов посвящена боям в Крыму. Но во всех документах и воспоминаниях почти отсутствуют данные о боевых действиях 400-й СД. Понятно, что части дивизии под командованием Я.Я. Вербова не участвовали в составе морского десанта, они шли в составе ледового десанта 3 января 1942 года по тонкому льду пролива и участвовали в нанесении основного удара по обороне противника. Но и об этом нет сведений, кроме нескольких воспоминаний, найденных при тщательном изучении боевой операции по освобождению Крыма в 1942 году.

Читая строки воспоминаний, перебирая газетные вырезки, черновики докладов, тексты выступлений, невольно останавливаешься на пометках, сделанных рукой Якова Яковлевича: «Здесь была наша дивизия», «Наша армия», «О наших..», «Это наша дивизия», «400-я СД», «Здесь воевал я». На некоторых страницах Я.Я. Вербовым вписаны фамилии однополчан...

Просматривая воспоминания участников боёв за Крымский полуостров, понимаешь, какой ценой нашим бойцам и командирам доставалась «каждая пядь крымской земли». И вместе с тем удивляет то, что в большинстве воспоминаний советских маршалов и генералов, в архивных документах нет упоминаний об уча-

стии в освобождении Крыма воинов 400-й СД. Ясно, что свои мемуары генералы и маршалы писали в послевоенные годы и что-то могли упустить или не дописать из-за цензуры советской эпохи. Цензура, как правило, позволяла публиковать героический материал с минимальными выводами относительно ошибок и промахов, особенно руководства. Коль дивизия при отступлении потеряла большую часть личного состава, в результате чего была расформирована и не добилась успеха, значит, не удержала своего оборонительного рубежа, следовательно, и писать о ней не стоит. Это и понятно, ведь упомянув о действиях дивизий, которые, не имея достаточного вооружения, начали отступление, надо было указать и причины этого, то есть виновных в плохом обеспечении и, тем самым, виновных в отступлении. Указать имена виноватых из числа прославленных полководцев и комиссаров, которые не придали значения обороне на Крымском фронте. В то время такая оценка событий не полагалась широкому освещению. Удивляться этому не приходится, такая цензура в политике существует и по сей день. Только по прошествии десятилетий широкие массы узнают истинную историю родного государства, да и то не всегда, и далеко не всю. Но о боевом пути 400-й СД, к сожалению, и сегодня, спустя 75 лет, можно сказать, почти ничего не известно. В одних военных сводках и докладах просматриваются сведения о ней, в других нет. На одних военных картах и схемах Крымского фронта она стоит в обороне, на других, на том же рубеже, её нет. О том, что она прикрывала выход других дивизий вообще не сказано ни строчки, кроме воспоминания Я.Я. Вербова. Лишь из донесений и приказов видно перемещение дивизии для прикрытия отступающих частей соседних дивизий.

Когда и кем история боёв 400-й СД была стёрта из истории Крымского фронта или забыта? А главное, зачем? Если кто-то изменял историю провала Крымской операции и подменял данные, убирая из текстов фамилии командиров, по чьей вине произошёл прорыв противника и потеря Крымского полуострова, то при-

чём здесь остальные бойцы и командиры, сдерживающие врага на крымской земле, которым выпала «честь» быть забытыми? Да и командир дивизии полковник Я.Я. Вербов, хоть и дошёл до трибунала, но был оправдан.

«30 декабря Закавказский фронт переименован в Кавказский и имел задачу немедленно перейти в наступление. Наступление назначалось на 5 января, потом перенесено на 12 и, наконец, на 16.01. Но ещё не было переправлено достаточного количества войск и техники. Противник, воспользовавшись передышкой, упредил свой контрудар 15 января, подтянув свои резервы до 5 дивизий». Я.Я. Вербов.

Об этом упоминал в своих воспоминаниях немецкий генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: *«5 января последовала новая высадка русских войск под прикрытием флота в порту Евпатории. В городе вспыхнуло восстание. 7 января высадившиеся войска русских были частично уничтожены и взяты в плен. Противник тем временем в Феодосии высадил новые войска и подтянул свежие силы через г. Керчь.*

15 января было всё готово для нанесения контрудара на Феодосию силами 30-го и 42-го армейских корпусов. 18 января Феодосия была снова в наших руках. Противник потерял 6700 чел. убитыми и 10 000 пленными». [32]

Говорят, что после драки кулаками не машут, вроде, как теперь нет смысла искать виновных в Крымской и Донской трагедии. Но восстановить память о тех, кто погиб за нашу свободу и остался забытым, считаю своим долгом.

Авторы мемуаров, написанных после войны, по большей части винят других, и ни слова самокритики. Очевидно, что и я, опираясь на архивные документы и воспоминания очевидцев, не дам полной оценки событий и не смогу раскрыть читателю все причины поражений Красной Армии на Крымском фронте и на Донском рубеже. Однако считаю, что при описании событий

на Крымском и Южном фронтах необходимо учитывать мнения участников тех событий.

Из воспоминаний адмирала С.Г. Горшкова:

«Самой главной причиной наших неудач следует считать слабую организацию управления войсками. Командование фронта проявило недопустимую медлительность, теряя с таким трудом завоёванную инициативу. Войска фронта к назначенному Ставкой сроку готовы к наступлению не были. Командующий фронтом перенёс дату начала наступления на 10 суток, не поставив об этом в известность ни командующего Приморской армией, ни командующего Черноморским флотом, и те продолжали осуществлять принятые ранее решения о переходе в наступление войск СОР и высадке десанта в Евпатории. 5 января лишённое поддержки войск Керченской группировки наступление Приморской армии захлебнулось. Действия десантов, высаженных в Евпатории и в районе Судака, успеха также не имели и закончились трагически: все морские пехотинцы погибли в ожесточённых боях с вражескими войсками, значительно усиленными частями, переброшенными из других районов Крыма. Несогласованность действий армии и флота по времени и месту явилась следствием грубых упущений, а порой просто непонимания основных законов взаимодействия командующим фронтом генерал-лейтенантом Д.Т. Козловым и его штабом». [15]

«20 января Крымское направление было выделено в самостоятельное направление – Крымский фронт. Командование осталось то же, что было на Кавказском фронте, в составе остались 51-я и 44-я армии и дополнительно передана 47-я армия. Новое наступление назначалось на 27 февраля. Огромное значение для накопления резерва сыграла ледовая переправа через Керченский пролив с 19 января по 13 февраля, она осуществлялась двумя трассами. Было переправлено более 85 тыс. войск (с учётом перехода по льду – свыше 100 тыс.), 300 орудий, 26 000 лошадей. В переправе помогали рыбаки Жуковки и Клейки во главе с тов. Данильченко и Клечко.

Операция началась 27 февраля, 51-я А продвинулась на 10 км, выйдя правым флангом к реке Чурук-Су, сильный оборонительный рубеж с населённым пунктом Кой-Асан (Фронтовое), так и не удалось взять. 44-я А на своём правом фланге имела незначительный успех. Дальнейшего развития операция не получила, несмотря на почти ежедневные наступательные бои, которые принесли только огромные потери». Архив Я.Я. Вербова.

20 января на Кавказский фронт в Крым прибывает армейский комиссар Л.З. Мехлис. Его первое впечатление о руководстве фронтом:

«...Застали самую неприглядную картину организации управления войсками... Комфронта Д.Т. Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и миномётов. Д. Т. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был...».

20.01. Из доклада Мехлиса Сталину. (ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 17).

Затем 23 января последовал приказ, анализирующий положение на фронте и предписывающий смещение с должностей ряда командиров, аресты.

28 января организован Крымский фронт.

После подписания договора между СССР, Великобританией и Ираном, часть высвободившихся подразделений была переведена в состав Крымского фронта, в том числе 47-я армия. 400-я СД переходит в состав 47-й армии.

На 4 февраля 1942 года 400-я СД входила в состав 47-й армии. (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 100, л. 7).

При проверке работы кадров и управления на Крымском фронте, армейский комиссар Лев Захарович Мехлис отметил слабость в управлении стрелковых полков, имеющих национальные составы, но не имеющих достаточного количества переводчиков и политработников этих же национальностей. Он писал, что общение в таких соединениях вести тяжело, и такие части требовал «разбавить» бойцами других национальностей.

«Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создаёт огромные трудности», – поясняет Мехлис в разговоре по «Бодо». И получает согласие Г.М. Маленкова на немедленное направление на Крымский фронт 15 тысяч пополнения из русских или украинцев. И ведь действительно, в мае произойдёт прорыв войск противника на рубеже одного из таких национальных соединений – 63-й горнострелковой дивизии.

«До 10 февраля заместитель Л.З. Мехлиса Ф.Ф. Кузнецов, выполняя указания своего начальника, направил на фронт: 7 политработников коренной национальности для работы в армянских, грузинских и азербайджанских частях». [16]

Принятые меры не были достаточными к усилению обороноспособности на данном участке фронта. Дело было не в национальностях, а в количестве бойцов, имеющих опыт войны. В национальных соединениях остались те же бойцы, не имеющие этого опыта, да и несколько политработников не решили вопросов по усилению дисциплины. После прорыва Крымского фронта станет очевидным, что дивизию требовалось отвести во вторую линию обороны и там пополнить состав опытными бойцами этих же национальностей. Подобные ошибки руководства в подготовке боевых операций встречались и на других фронтах, когда соединения новобранцев ставили в противовес опытным и хорошо вооружённым вражеским полчищам, что и привело к большим потерям.

Вместе с тем, по старой привычке Л.З. Мехлис постоянно вмешивался в оперативную работу штаба и командования фронтом. Он торопит командующего фронтом Козлова начать наступление. Если при подобном вмешательстве в ходе военного конфликта на Халхин-Голе, с жёстким и решительным Г.К. Жуковым, Л.З. Мехлис был вынужден отбыть в Москву, то с неуверенным Козловым он ведёт себя независимо, и, заручившись поддержкой Л.П. Берии, вмешивается в управление фронтом. Командующий фронтом Д.Т. Козлов, помня о недавних чистках командного состава РККА, боится ему перечить, а тем более жаловаться на него. Ставка в свою очередь даёт рекомендации Д.Т. Козлову пополнять резервы и начать наступление 28 февраля. Козлов чаще уступал комиссару Мехлису в принятии заключительных решений. Мехлис, в свою очередь, наводил порядок и дисциплину, добивался перевода командования фронтом из Тбилиси на Крымский полуостров (открытие нового Крымского фронта), выбивал пополнение и вооружение, но постоянно вмешивался в оперативную работу командования фронтом и командования армий.

«Л.З. Мехлис и под его давлением Д. Т. Козлов продолжали форсировать подготовку наступления, представив 1 февраля в Ставку его план.

К этому времени 51-я армия состояла из 224, 390-й и 396-й стрелковых дивизий; 302-й и 138-й горнострелковых дивизий, 105-го горнострелкового полка; 12-й и 83-й стрелковых бригад; 39-й и 40-й танковых бригад; батальона 55-й танковой бригады; 25-го и 547-го артиллерийских полков.

44-я армия имела 157-ю, 404-ю и 398-ю стрелковые и 63-ю горнострелковую дивизии; 457-й артиллерийский полк и дивизион гвардейских миномётов.

47-я армия находилась во втором эшелоне и имела 400-ю стрелковую, 77-ю горнострелковую и 72-ю кавалерий-

скую дивизии; 143-ю стрелковую бригаду, 13-й мотострелковый полк и 229-й отдельный танковый батальон.

На Таманском полуострове фронт имел резерв – две стрелковые дивизии (156-я и 236-я), а также 126-й отдельный танковый батальон (33 Т-26). 24-й танковый полк (46 Т-26) прибыл на Крымский фронт в начале февраля 1942 года». [36]

Очевидно, запись под этой фотографией Я.Я. Вербов сделал позднее, когда дивизия входила в состав 51-й армии

В феврале – апреле 1942 года советские войска трижды предпринимали попытки переломить ход событий в Крыму, но в итоге только понесли большие потери (за период с 14 января по 12 апреля 1942 года потери Крымского фронта составили более 110 тыс. человек, в том числе более 43 тыс. безвозвратно). [5]

«Несмотря на все недостатки Крымского фронта, противник за период февраль – апрель понёс значительные потери. Полностью разгромлены три дивизии, три потеряли большую часть личного состава и техники, уничтожено и подбито: 213 танков, до 400 различных орудий, примерно столько же миномётов, уничтожено 170 самолётов (в воздухе и на аэродромах). Кроме этого, сбиты зенитчиками 81 вражеский самолёт и подбито – 18». Из архива Я.Я. Вербова.

«Тяжёлые бои затянулись до 3 марта, потом наступило затишье. 13 марта противник вновь начал крупное наступления. 18 марта штаб 42-го корпуса вынужден был доложить, что не в состоянии выдержать ещё одно крупное наступление. В это время

прибыла вновь сформированная 22-я танковая дивизия. В тумане дивизия натолкнулась на советские войска, на этот раз не имея успеха. Очередное наступление противника 26 марта (в составе 4 дивизий) было отбито 42-м АК. На фронт прибыла 28-я ЛПД. Последняя попытка освободить Крым противником была предпринята 9 апреля силами 6 дивизий и 160 танков. 11 апреля наступление отбито, после чего силы противника были окончательно истрачены». Э. Манштейн. [32]

22-я танковая дивизия в Крыму. Март 1942 г.

«Свежая 22-я танковая дивизия, прибывшая из Франции, была брошена в бой ранним утром 20 марта 1942 года. Контрудар преследовал цель: ударом через селение Корпечь на северо-восток отсечь главные силы советской 51-й армии Крымского фронта.

Но, несмотря на первоначальный успех танковой атаки (около 120 танков), заставившей советскую пехоту оставить свои по-

зиции, атака захлебнулась. Пересекавший полосу наступления дивизии ручей, считавшийся преодолимым для легковых машин, оказался превращён советскими сапёрами в противотанковый ров. Сгрудившиеся у рва немецкие танки попали под ураганный огонь советской артиллерии. В этот момент появились советские танки.

22-я танковая дивизия была обращена в бегство, оставив на поле боя 34 танка всех типов, частью исправных. Людские потери немцев составили более 1100 человек». [16]

Я не стану искать виновных в подготовке и проведении десантной операции, причины прекращения преследования противника. Об этом много сказано в мемуарах участников событий и выводах командования РККА. Можно сделать один вывод, что операция не была завершена, ввиду чего дальнейшие попытки вытеснить врага с территории Крыма привели бы только к ещё большим потерям советского фронта.

Главное, о чём я пытаюсь рассказать читателю, – о героической роли бойцов и командиров 400-й СД в освободительной операции Крымского полуострова зимы 1942 года мало что известно.

Как было на Крымском фронте? Об этом может рассказать только очевидец, непосредственный участник боёв, командир или боец, провоевавший на фронте от начала освобождения крымской земли, с конца 1941 года до отступления – мая 1942 г.

Я нашёл такие воспоминания. Они ничем не отличаются от воспоминаний воинов Красной Армии других фронтов. Считаю, что будет неправильным, если не показать читателю всю правду фронтовой окопной жизни.

Из воспоминаний оперуполномоченного старшего лейтенанта Иванова Л.Г.:

«Фронтовой быт... на позициях был очень тяжёлый. Часто шли дожди. Никаких землянок не было. Все бойцы, включая

командование батальона, находились в окопах по колено в грязи. Спать приходилось стоя, прислонившись к углу окопа. Месяцами были лишены возможности поменять бельё или искупаться. Вшей было множество. Бывало, засунешь руку за воротник гимнастёрки и на ощупь, не глядя, вытаскиваешь маленький катышек, состоящий из трёх, четырёх, пяти вшей... Потом бросаешь этот катышек из окопа в сторону немцев. С водой было плохо. Во фляги набирали дождевую воду из воронок и клали туда для дезинфекции 2–3 таблетки хлорки... Здорово помогала и водка, которая выдавалась по приказу Сталина по 100 граммов ежедневно. Правда, мы пили по целой кружке. Водка хорошо дезинфицировала кишечник и помогала от всяких инфекций...». [39]

21 апреля 1942 г. было образовано Главное командование Северо-Кавказского направления во главе с маршалом С.М. Будённым. Ему подчинялись Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ и Черноморский флот вместе с Азовской военной флотилией.

Как отмечается в боевых донесениях и сводках, в последующие дни апреля и начала мая особых боёв не было, противник занимался передислокацией, подтягивал войска, проводил авиационную разведку и временными вылазками проверял прочность обороны Крымского фронта. Одним словом, готовился к стремительному наступлению.

Из апрельских и майских докладов 47-й армии:

27.04.42 г «Противник ведёт редкий ружейный огонь. Расположение армии без изменений». (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 100, л. 170)

03.05.42 г. Из радиограммы: «В течение дня активности живой силы противник не проявлял». (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 117, л. 75)

06.05.1942 г. «Противник активности не проявлял». (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 44, л. 817)

Комиссар Л.З. Мехлис на протяжении всего периода своего пребывание на фронте не перестаёт перетасовывать командные кадры, это не могло не сказаться на боевом духе войск Крымского фронта. Добивается смены начальника штаба фронта генерал-майора Ф.И. Толбухина на привезённого из Генштаба генерал-майора П.П. Вечного.

«Новое развитие получили свойственные армейскому комиссару грубое администрирование, перетряска кадров, упование на идеологию в ущерб тщательной организационной и материальной подготовке войск к наступлению.

Объектом пристального внимания Л.З. Мехлиса стал руководящий состав фронта, в первую очередь, его командующий. Пользуясь возможностью прямого доклада Верховному Главнокомандующему, эмиссар Москвы неоднократно пытался убедить его в необходимости сменить генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова.

Из телеграммы Л.З. Мехлиса и П.П. Вечного И.В. Сталину от 9 марта 1942 года:

«...Вследствие того, что и сам командующий Козлов – человек невысокой военной и общей культуры, отягощать себя работой не любит, исходящие от командования документы редакционно неряшливы, расплывчаты, а иногда искажают смысл. Во избежание неприятностей их приходится часто задерживать для исправления...»

Вероятно, Мехлис пришёл к выводу, что командующий фронтом хоть и удобен своей податливостью, но очень уж заурядeн. Рядом с ним победы не видать.

29 марта 1942 года в Москву уходит новый доклад:

«Товарищу Сталину.

Я долго колебался докладывать Вам о необходимости сменить командующего фронтом Козлова, зная наши трудности в командирах такого масштаба. Сейчас я все же решил поставить перед Ставкой вопрос о необходимости снять Козлова».

И далее представитель Ставки ВГК суммирует выводы о нём: тот ленив, неумен, «обожравшийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска «для него наказание». В войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется. К тому же «опасно лжив».

«Мне кажется, что дальше оставлять такое положение не следует, и Козлова надо снять».

Любопытно, что в этот же день Сталину о необходимости снятия Д.Т. Козлова (чуть ли не под копирку) доложили члены военного совета Крымского фронта: Шаманин, Булатов, Колесов. «Оппозиция» командующему приобретала, явно не без инициативы Мехлиса, скоординированный характер». [36]

К маю 1942 г. в составе фронта числились: 16 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 танковых батальона, 9 артиллерийских полков резерва Главного Командования (РГК). Штурмовая авиация состояла из 11-ти самолётов Ил-2. С морскими силами в составе фронта было 249 800 человек.

Соотношение противоборствующих сил на Крымском полуострове к маю 1942 года было, с большим преимуществом, в пользу противника. Армия Манштейна насчитывала более 350 тысяч человек, не считая 9,3 тысячи коллаборационистов. Для прорыва обороны Крымского фронта в Крым прибыло 460 самолётов, в том числе новые «Хеншель-129».

Но при этом удивительным остаётся тот факт, что обороне не только не уделялось должного внимания, но имелось халатное отношение при строительстве оборонительных рубежей.

«Доты и дзоты буграми торчат на местности, а бойницы, словно специально, выложены из белого туфа. Выясняет-

ся, что когда строили, сильно торопились, не хватало строительных материалов, вот и использовали, что попадалось под руку...» [47]

А ведь наверняка мимо таких белоглазых дотов ходили командиры, принимали объекты начальники. Куда они смотрели? О чём они думали? Где маскировка? Выходит, к обороне не готовились...

А теперь более подробно о событиях, предшествующих прорыву Крымского фронта.

О благоприятных условиях для прорыва оборонительного рубежа на участке 44-й армии (ком. генерал-лейтенант С.И. Черняк) немецкому командованию было хорошо известно, во-первых, из данных разведки, а во-вторых, – от перебежчиков и пленных. Всё говорило о слабости обороны в районе 63-й горнострелковой дивизии. Здесь имели место конфликты среди личного состава, недостаточное вооружение. Слабая дисциплина отражалась на неподготовленности оборонительных рубежей. Обо всём этом было известно и командованию фронтом, но соответствующих выводов своевременно сделано не было. Хотя, по указанию Мехлиса, в национальные части дивизии были направлены комиссары, переводчики и бойцы других национальностей, но, очевидно, вышеперечисленные недостатки в период боёв отразятся на боеспособности дивизии.

Что может быть лучше, чем воспоминание очевидцев?

«Нашим соратником оказалась азербайджанская стрелковая дивизия. (63-я ГСД – грузинская – авт.) Дивизия была не обстрелянная, командиры и бойцы в боях не участвовали. Сведения о противнике у наших соседей были недельной давности.

В первомайский день они ждали приехавших земляков – делегацию из Баку. Через некоторое время в ходах сообщения послышались громкие и весёлые голоса. Делегация оказалась людной. В ней были представители партийных и советских органов, рабочие, нефтяники, рыбаки Каспия, виноградари, чаеводы. Каждый из гостей что-то нёс. У одних в руках мешки, у других ящики, бочонки, курдючки или кульки, жбаны или просто бутылки.

Застолье, организованное на КП и в траншеях, было ещё шумнее. Пили, забыв всё, даже и то, что под самым носом у них стоит враг, и конечно весь шум ему слышен.

На следующий день, когда я позвонил соседям и попросил кого-нибудь из командиров, мне ответили, что все находятся в подразделениях. Скорее всего, они продолжали праздновать. С нашего КП это было видно и без бинокля, как наши соседи, большой группой, вылезли из ходов сообщения, и под звуки рожков и дудок, вперемешку с гостями, лихо отплясывали на поляне.

Больно сжималось сердце, ведь противнику достаточно было одного залпа батареи пушек или миномётов, и праздник, встреча с земляками, обагрился бы кровью. К счастью, этого не произошло». Е. Поникаровский. [47]

29 апреля 1942 г., офицер Генштаба в 44-й Армии майор А. Житник в своём докладе начальнику штаба Крымского фронта пророчески написал:

*«Необходимо либо полностью вывести дивизию (*63-ю ГСД – авт.) *... во второй эшелон (и это самое лучшее) или хотя бы по частям. Её направление – это направление вероятного удара противника, а как только он накопит у себя перебежчиков из этой дивизии и убедится в низком моральном состоянии этой дивизии, он укрепится в решении наносить на этом участке свой удар».*

В отчётных документах 11-й Армии отмечалось: *«Благодаря действиям разведгрупп, численностью до роты, в районе,*

где планировалось наступление, предназначенные для прорыва части познакомились с подробностями местности».

На 25 апреля в 63-й ГСД было всего четыре 45-мм и четыре 76-мм дивизионных пушки, станковых пулемётов – 29 штук. Слабое внимание уделено подготовке оборонительных рубежей: *«окопы и ходы сообщения сделаны очень узкими и местами мелкими», брустверы не оформлены, примитивные бойницы имелись лишь у некоторых бойцов»*. [16]

Известно, что незадолго до начала немецкой операции «Охота на дроф», на советскую сторону перелетел хорватский лётчик, сообщивший, что к исходу дня 7 мая немцы планируют наступление.

«Нам было известно о приготовлении немцев. Фронтовая разведка точно установила даже день, намеченный ими для перехода к активным действиям. Об этом накануне было сообщено войскам. Однако ни представитель Ставки, ни командующий фронтом не предприняли надлежащих мер, чтобы отразить удар». Генерал армии С.М. Штеменко. [38]

Несмотря на все предупреждения и данные разведчиков о возможном наступлении войск противника в полосе 44-й армии 7-8 мая, командующий фронтом колеблется в принятии решения и планирует начать наступательную операции на 10 мая.

О более поздней дате наступления вспоминает и начальник штаба 343-го отдельного пульбата лейтенант Поникаровский: *«Подготовку 151-го укрепрайона планировалось завершить к 12 мая, штаб фронта ориентировал нас на эту дату. Но противник не стал ждать двенадцатого...»* [47]

Накануне прорыва противника Ставка даёт указания по организации оборонительных рубежей, а в день прорыва – о выводе 47-й армии за Турецкий вал (он же Татарский, он же Киммерийский – вал, отделяющий восточную часть Керченского полуострова от Крыма. Не путать с Турецким *(Перекопским) – авт.)*. Но эти указания не спешат выполнять ни Козлов, ни Мехлис.

Мехлис не верил в прорыв вражеских войск, считая оборону надёжной, поэтому не рекомендовал углублять её. И рассчитывал на ближайшее победоносное наступление, для чего советовал подтянуть как можно ближе все резервы к линии фронта.

А Козлов мешкал с решениями, боясь чем-то дать повод армейскому комиссару написать на него очередной донос. Так и не придя к единому мнению и основательно не подготовившись к обороне, они и встретили вероломного врага.

Карта боевых действий на 8 мая 1942 г.

«В мае 1942 года 11-я немецкая армия Манштейна, изменив свои силы и средства в свою пользу (до 400 000 чел.), 7 мая перешла в наступление, предварительно проведя массированную 6 часовую бомбардировку по всем важным пунктам Керченского полуострова.

8 мая, после полуторачасовой артиллерийской подготовки противник перешёл в наступление силами трёх пехотных дивизий с танками на пятикилометровом фронте и прорвал оборону 63-й гсд на левом фланге 44-й армии, вклинившись на 8 км. В это же время противник высадил десант в районе горы Ас-Чалуле.

9 числа на север был нанесён удар численностью до пяти дивизий, в центре с 22-й танковой дивизией. Противнику не удалось окружить наши две армии. 51-я Армия отражала атаки противника, разгромив немецкие танковые силы, и обеспечила выход 47-й армии». Я.Я. Вербов.

По другим данным, немецкий десант посеял панику в тылу 44-й армии.

Из вечерних переговоров Совета фронта с Советом 51-й армии: 08.05 (начало переговоров 20.20):

КОЗЛОВ,ШАМАНИН Обстановка Вам известна,Ваша задача - состав: 302,138,390 стрелковые дивизии,12 и 83 стрелковые бригады,55 и 56 танковые бригады,229 отб,13 мсп, 18 гмп, 547 кап,456 кап,части 151 УР прочно удерживать частью сил опорные пункты КРЫМ-ШИБАНЬ,ПАРПАЧ. Главными силами из района кург. КОШ-ОБА, г.КАЙМАК-ОБА ударом в направлении г. МЕЗАРЛЮК -ОБА,выс. 63,8, АС-ЧАЛУЛЕ уничтожить прорвавшегося противника и восстановить положение на левом крыле фронта. Действия свои согласоват. с Командармом 47. КП- кург. КАРА-ОБА /отм.42,7/.

Левее 44 армии не допуская проникновения противника на восток наносит контр-удар в направлении АРМА-ЭЛИ,совхоз АРМА-ЭЛИ,балка ПЕСЧАННАЯ, КП - КОБУШ-ОБЕ.

47 армия /271,320,400,398 и 77 дивизии,25 кап, 19 гмп,40 тбр,части УР/прочно удерживая занимаемое положение,силами не менее СД быт в готовности нанести контр-удар в напрвлении отм. 19,8, КРЫМ-ШИБАНЬ.

Граница слева: железная дорога,ОГУЗ-ТОБЕ и далее на восток прежняя.

С целью возможности бесперебойного управления Вы должны передать свои линии связи 400 и 398 сд командарму 47. В состав армии включите 236 сд и исключите 12 сбр. 390 сд,83 сбр,55 тбр,229 отб,19 гмп,456 кап прибывают в район кург. СЮРУК-ОБА,АРМА-ЭЛИ сегодня, ночью,56 тбр,13 мсп находятся сейчас в районе МЕЗОРЛЫК-ОБА.

ЛЬВОВ,КОБОЗЕВ Еще одна небольшая просьба: так как мне пришлось сегодня сильно растягивать 302 сд влево,я приказал 398 сд сменить правофланговый полк 302 сд и установил между ними границу по линии кург. КАРА-ОБА, "СС",Прошу установить границу между мною и моим правым соседом от ст. АК-МОНАЙ и далее на "СС",с тем чтобы я смог повернуться всем фронтом на юг. имею осью на правом фланге выс. 69,4.

ЛЬВОВ,КОБОЗЕВ 21.05 8.5.42 г.

КОЗЛОВ,ШАМАНИН Границу оставить так как указано мной, в распоряжении части соседа,попадающие в ваш район временно подчините себе,а затем с выполнением задачи передайте эту часть соседу. Все, приступайте к выполнению. Учтите,что у соседа слева одно хозяйство по его данным остается на правом фланге в прежнем положении,возможно

остается на правом фланге в прежнем положении, возможно это не так, но нужно предварительно связаться и уточнить этот вопрос. Все. КОЗЛОВ, ШАМАНИН, ВЕЧНЫЙ. 21.08 8.5_42

ЛЬВОВ, КОВОЗЕВ Понятно, учту.

Верно: СТ. ПОМ. НАЧ. ОПЕРОТДЕЛА
Майор /ХАРЕБОВ/

Отп. в 3 экз.
печ. Блощицина

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 25, л. 74)

Из этих переговоров понятно, что 400-я СД, совместно с другими подразделениями 51-й Армии, удерживала оборону на рубеже 47-й армии, что и послужило переходу дивизии на следующий день в подчинение из 51-й А в 47-ю А.

На момент прорыва вражеских войск (карта №1) в обороне 47-й армии 400-я СД есть. И, судя по карте №1, видно тесное взаимодействие 400-й СД и 398-й СД 51-й Армии с дивизиями 47-й армии на перешейке.

На побережье Феодосийского залива, в районе горы Ас-Чалуле, 15 км северо-восточнее Феодосии, в тыл 63-й ГСД был высажен шлюпочный десант в количестве около 250 человек. Высадка десанта противнику удалась практически безнаказанно, так как этот участок охранялся малыми силами, если вообще охранялся. [36]

Карта №1 [37]

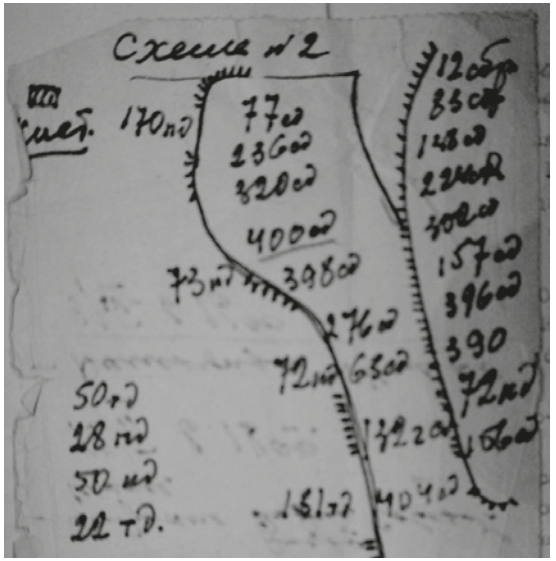


Схема №2 из архива Я.Я. Вербова

Из радиограммы 9.20, штаба фронта Вечный – штабу 44-й Армии Черевиченко:

«В 6.30 неожиданно высадился лодочный десант. В 7.00 овладел горой Ас-Чалуле и Развитая. Наступление на север и северо-восток».

Из переговоров Разуваева и Рождественского:

«Высадка десанта была произведена ещё в темноте. Наблюдение было установлено. Как оказалось, наблюдение было низкокачественное. Накануне была потеряна связь с Виноградовым». (М.В. Виноградов, комдив 63-й ГСД – авт.).

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 125, л. 28)

Согласно архивных документов, на период начала немецкого наступления (операция «Охота на Дроф») **400-я СД входила в состав 51-й армии.** (Командарм – генерал-лейтенант В.Н. Львов)

Из шифровки № 25144, 25156 от 09.05. 1942 г.

Боевое донесение 0591/ОП штарма 51:

«После мощного артиллерийского и миномётного налёта противник силою рота-батальон, при поддержке танков пытался наступать на участках 400-й и 302-й стрелковых дивизий.

400-я СД в районе (2 км юго-западнее Корпеч) в 4.30 отразила атаку до взвода противника. В 8.00 до роты пехоты противника удалось вклиниться и овладеть нашими окопами. Ведут бой с задачей выбить противника...».

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 91, л. 9)

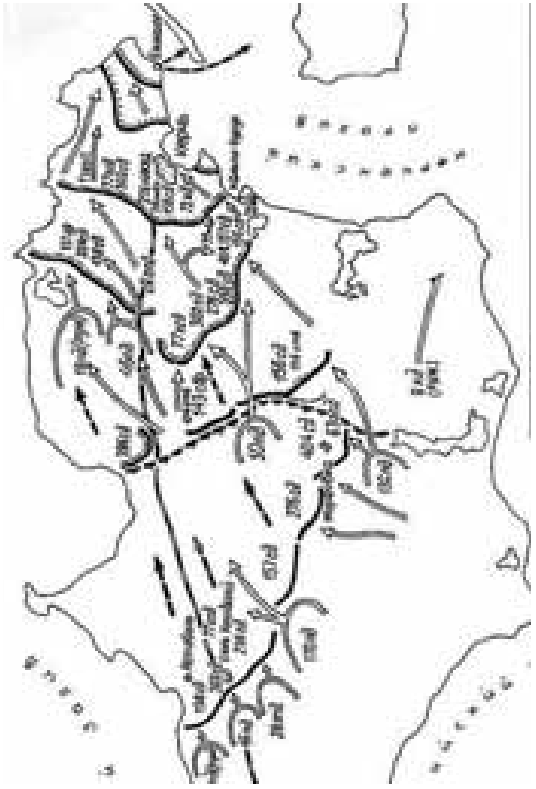
В этот же день, согласно боевого распоряжения командования войсками фронта № 0998/ОП, 400-я и 398-я СД перешли в подчинение 47-й армии (командарм – генерал-майор К.С. Колганов) с выполнением следующих задач:

1. Оставаться на месте до особого решения.

2. Предоставить в Штарм 47-й Армии расположение частей, подразделений дивизии.

3. Отправить в Штарм двоих офицеров связи (одного на машине, другого верхом). (Директивы и указания № 431ОП, 08.05.1942 – 08.05.1942, 47-й Армии, нач. штаба – генерал-майор Хрящев, ст. бат. комиссар Шмаков, майор Ларош).

Далее, на момент отступления фронта, с 12 мая 400-й СД на картах уже нет (карта №2). Дивизия находилась на прежних рубежах до отвода частей 51-й армии и с их выходом опять перешла в состав своей 51-й А.



Карта № 2 (12-20 мая 1942 г). [37]

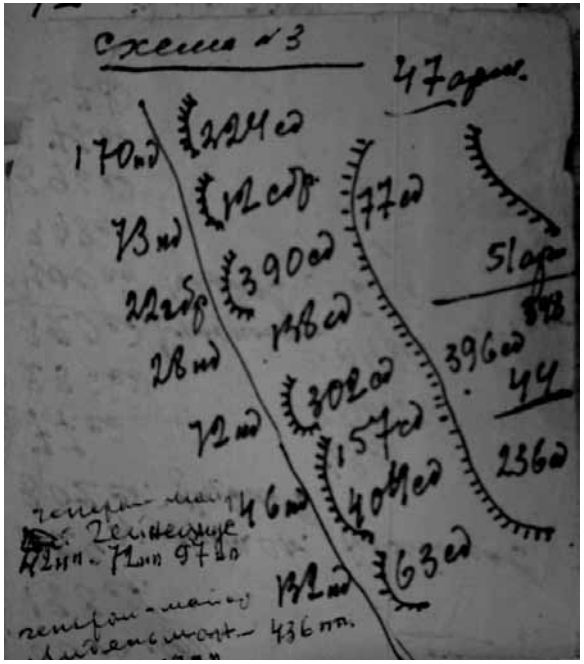


Схема №3 из архива Я.Я. Вербова

«День 7 мая прошёл в ударах с воздуха по командным пунктам и узлам связи советских войск на Керченском полуострове. 8 мая в 4.45 началась артиллерийская и авиационная подготовка наступления XXX армейского корпуса. В 7.00 пошли в атаку части 8-й егерской и 132-й пехотных дивизий. Основной удар пришёлся по боевым порядкам 63-й горнострелковой дивизии и частично 276-й стрелковой дивизии 44-й армии. К концу дня оборона войск Крымского фронта была прорвана на фронте 5 км и на глубину 8 км.

8 мая в 20.00 командующий фронтом отдал приказ на нанесение флангового контрудара по прорвавшемуся противнику. Соответственно 51-я армия должна была утром 9 мая ударной группой восстановить положение и развить наступление на п. Дальние Камыши, отрезая прорвавшиеся вглубь Керченского полуострова немецкие дивизии. Сдерживать продвижение противника с фронта поручалось 44-й армии. Армия получила задачу упорной обороной удержать рубеж совхоз «Арма-Эли» – балка Чёрная. Об отходе на тыловые оборонительные рубежи в первый день немецкого наступления приказов по фронту не поступало. Более того, размещённые у Турецкого вала 72-я кавалерийская дивизия и 54-й мотострелковый полк начали выдвигаться в полосу 44-й армии с целью усиления её обороны.

В состав ударной группировки вошли четыре стрелковые дивизии, одна стрелковая и две танковые бригады, два танковых батальона. Это были 303-я и 138-я стрелковые дивизии 51-й армии, 236-я стрелковая дивизия из 47-й армии, 390-я стрелковая дивизия и 83-я стрелковая бригада, 229-й и 124-й отдельные танковые батальоны из 44-й армии *(командарм – генерал-лейтенант С.И. Черняк. – авт.)*, 40-я и 56-я танковые бригады из резерва фронта». (4)

Из радиограммы 44-й СД 08.05.42 13.30

Черняк, Козлов.

«Черняк: Левый фланг 276-й СД под угрозой обхода противника начал отходить. Левофланговый полк потерял до двух батальонов под ударом до двух пехотных дивизий и 150 танков.

Связь с 63-й гсд нарушена, посланы командиры и политработники для выяснения положения.

С боеприпасами положение напряжённое, нуждаемся в транспорте.

Козлов: Чтобы сегодня же начали контратаку, чтобы не дать в течение ночи накопиться противнику. С приходом новых частей противника уничтожать».

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 125, л. 21)

В этот же день, из радиограммы 16.20:

Начальнику штаба фронта.

«Части отходят. Принимаем меры к восстановлению порядка». Черняк.

«8 мая 1942 года в наступление на нашем участке фронта перешли уже немецкие войска. Авиакорпус Рихтгоффена рано утром нанёс мощный бомбовый удар на узком участке левого фланга нашего фронта. Был пасмурный дождливый день, казалось, все было смешано и уничтожено. В этот узкий участок немецкое командование пустило свои танки. Так как весь фронт по протяжённости составлял всего 21 километр, то танки быстро вошли в тыл всего фронта, порвали линии связи, которые в большинстве своём были проводные...

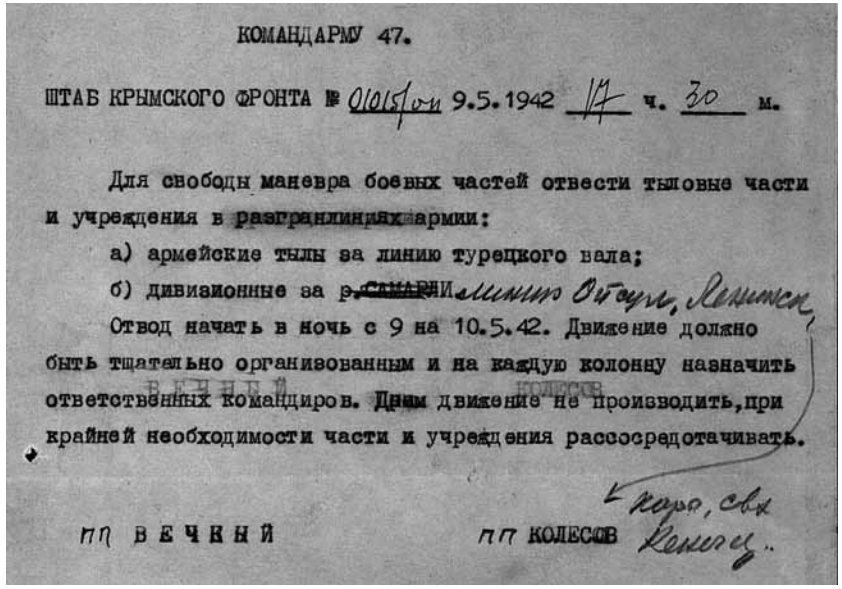
Командование не только полков, дивизий и армий, но фронта в целом потеряло управление войсками. А нет управления – нет армии. Начались беспорядочное отступление и массовое бегство в направлении к Керчи – к Керченскому проливу. Это была страшная и тяжёлая картина...» Участник боёв Л.Г. Иванов. [39]

Из воспоминаний генерал-полковника И.А. Серова:

«Я поинтересовался, какая обстановка на фронте. Мне сказали, что штаб фронта перемещается в катакомбы. Потому, что немцы, а точнее румынская дивизия прорвала фронт и стрелковая дивизия (грузинская) начала отступать, и фронт покатился назад». [45]

В это же время противник вёл наступление на фронте 47-й и 51-й армий, но его атаки были отбиты. 9 мая на фронте 47-й армии противник активности не проявлял, на фронте 51-й армии пытался незначительными силами овладеть высотой 69,4 (юго-западнее Крым-Шибань), но безуспешно. [36]

9 мая в полосе 44-й Армии уже не имелось сплошного фронта. Остатки занимавших оборону стрелковых дивизий мелкими группами отходили в восточном направлении. Выдвигающаяся 72-я кавдивизия и 54-й мотострелковый полк не смогли, с привлечением отступающих частей фронта, не успели организовать оборону. Глубина немецкого прорыва в полосе 44-й и 51-й армий возросла до 30 км.



КОМАНДАРМУ 47.

ШТАБ КРЫМСКОГО ФРОНТА № 01015/оп 9.5.1942 17 ч. 30 м.

Для свободы маневра боевых частей отвести тыловые части и учреждения в разгранлиниях армии:

а) армейские тылы за линию турецкого вала;

б) дивизионные за р. САМАРЧИ линию Отсул, Ленинск,

Отвод начать в ночь с 9 на 10.5.42. Движение должно быть тщательно организованным и на каждую колонну назначить ответственных командиров. Днем движение не производить, при крайней необходимости части и учреждения рассосредотачивать.

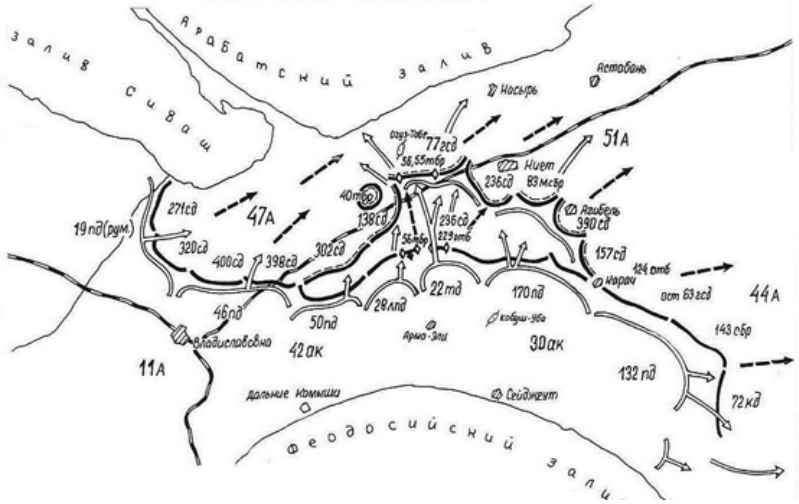
пп ВЕЧНЫЙ пп КОЛЕСОВ

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 15, л. 87)

Получив приказ от Верховного командования на отвод частей 47-й и 51-й армий, командование фронтом передало его в штабы армий через сутки. Продолжающиеся склоки в командовании фронтом отражались на принятии решений. Командующий фронтом Д.Т. Козлов и представитель Ставки Л.З. Мехлис по-прежнему испытывали общую неприязнь, если ни сказать больше.

«Представитель Ставки ВГК Л.З. Мехлис, находившийся в Крыму, был недоволен командующим фронтом и буквально за день до начала немецкого наступления требовал заменить Д.Т. Козлова кем-либо другим. После начала наступления противника Мехлис повторно напомнил об этом И.В. Сталину».

(По материалам А.В. Исаева). [4]



Прорыв немецких войск 10-11 мая 1942 г.

В ряде публикаций современных историков я не нашёл описания майских боёв 400-й СД на Крымском фронте.

«11 мая противник продолжал наступления в полосе 44-й армии, преимущественно используя танки и моторизованные части». [33]

«Из лесных районов северной России, где я должен был вести действия малопригодным для такой местности танковым корпусом, я попал в степные просторы, где не было ни препятствий, ни укрытий. Идеальная местность для танковых соединений...» Э. Манштейн.

На Крымском фронте для прорыва обороны советских войск немцы использовали новое вооружение.

«Наиболее сильным средством, которое получил в свои руки командующий 11-й армией, был VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгоффена – самое сильное авиационное соединение Люфтваффе для поддержки сухопутных войск. К началу наступления в 22-ю танковую дивизию для усиления прибыл третий батальон танкового полка в составе 15 Pz.II и 37 Pz.38(t). В истории дивизии также приводятся данные, что в апреле в дивизию поступили в качестве пополнения 15-20 Pz.III и Pz.IV с длинноствольными орудиями, которые дали немецким танкистам возможность противостоять в танковом бою Т-34 и КВ. В 22-й танковой дивизии два из четырёх её мотопехотных батальона были оснащены БТР «Ганомаг». Противотанковый дивизион вооружался САУ с 76,2-мм пушками». [4]

Крым. Май 1942 г. Немецкий танк Pz. IVc длинноствольным орудием.

Основная часть сил Крымского фронта была стянута к переднему краю. Командование фронтом и представитель Ставки не рассчитывали на внезапный прорыв противника, не имели плана на случай отхода армий, не придавали особого значения усилению рубежей второй и третьей линий обороны. Представитель Ставки Л.З. Мехлис в предвкушении скорого наступления был уверен, что немцы не прорвут оборону.

По воспоминаниям адмирала С.Г. Горшкова, в первый же день немецкая авиация подавила советскую противотанковую артиллерию, находящуюся на открытой местности, атаковала КП фронта, армий и их соединений. Были выведены из строя средства связи, что отрицательно сказалось на управлении войсками.

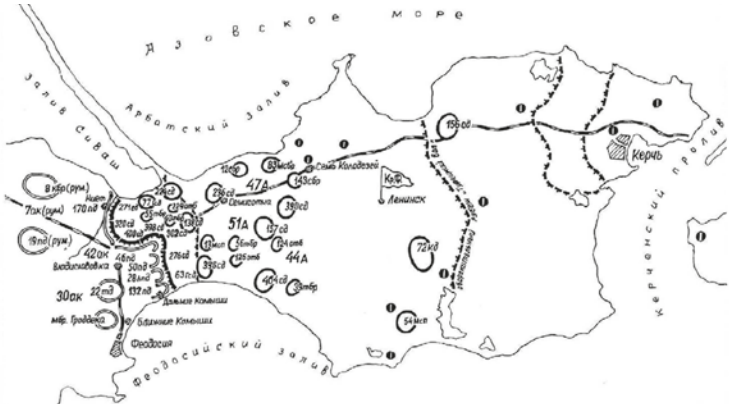
«Основной удар противник нанёс вдоль побережья Феодосийского залива по 44-й армии – наиболее слабому звену Крымского фронта. На рассвете 8 мая в ближний тыл войскам армии был беспрепятственно высажен на шлюпках вражеский десант в составе батальона. Захватив плацдарм в непосредственной близости от противотанкового рва, он помог своим танкам преодолеть противотанковую оборону.

Державшие оборону в первом эшелоне две стрелковые дивизии 44-й армии, не выдержав натиска трёх немецких дивизий, поддерживаемых танками и бомбардировщиками, начали отступление па восток». С.Г. Горшков. [15]

Поисковикам отряда «Донской» им. А. Калинина посчастливилось в 2015 году посетить Аджимушкайские катакомбы и услышать рассказ гидов о событиях весны 1942 года. Интересен тот факт, что за несколько часов до начала наступления, о котором уже знали в штабе фронта, руководством было собрано совещание командного состава армий и дивизий фронта. Часть из командиров к началу наступления вражеских войск не смогли добраться до своих подразделений. Тысячи снарядов для дальнобойной артиллерии, в которых нуждались артиллеристы, так и остались сотнями тонн лежать на Керченских складах вплоть до 2000-х годов. Командованием фронта не планировалось вести многодневные бои с противником, и боевые части были сведены в единую линию обороны. Оборонительные рубежи на случай отступления не предусматривались, отчего и не были подготовлены.

Об обороне:

«Требование Ставки ВГК об усилении обороны оказалось не выполненным. Оборонительной группировки войск для отражения ожидаемого наступления врага не было создано. Все три армии (47-я, 51-я и 44-я, всего 21 дивизия) находились в одном эшелоне фронта. Небольшие резервы, так же как и пункты управления, располагались близко к переднему краю, что ставило их под угрозу ударов вражеской артиллерии. Главная полоса протяжённостью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге. Левый, приморский фланг не обеспечивался прикрытием со стороны моря». [36]



Оборона Керченского полуострова. 6 мая

По схеме Вербова, от 320-й СД и выше стоят дивизии 47-й Армии, ниже 398-й СД – дивизии 44-й А. Между дивизиями 47-й и 44-й Армий, на стыке, держат оборону две стрелковые дивизии 51-й Армии (400-я и 398-я).

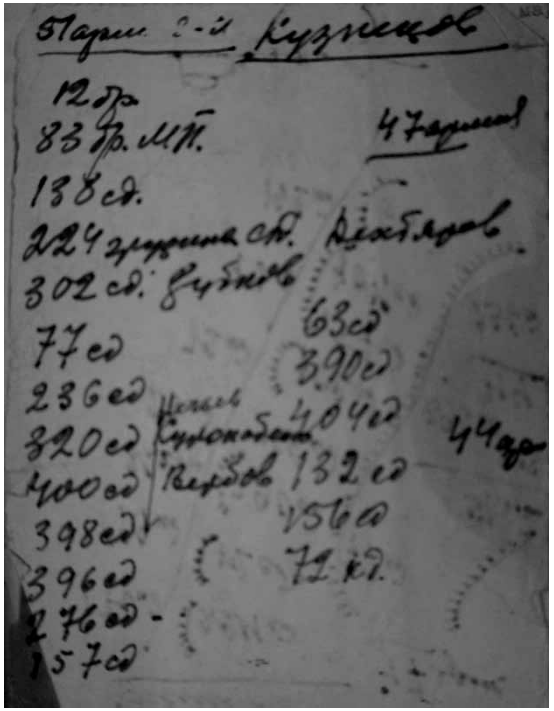


Схема из архива Я.Я. Вербова

«Командование фронта не организовало глубокоэшелонированной обороны с учётом открытого характера местности, не сумело своевременно задержать наступление противника и ликвидировать прорыв. В первые же часы после нанесения вражеской авиацией ударов по командным пунктам выпустило из рук управление войсками. Взаимодействие между армиями было слабым, а наземных сил с авиацией фронта – полностью отсутствовало.

Посадкой войск и погрузкой материальной части руководили офицеры военно-морской комендатуры Керченского порта и отдела военных сообщений штаба Черноморского флота. К сожалению, некоторые общевойсковые командиры проявили растерянность и самоустранились от руководства эвакуацией». С.Г. Горшков. [15]

О совещании:

Из телеграммы Л. З. Мехлиса И. В. Сталину 8 мая 1942 года: *«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном».* [36]

Хотя, по воспоминаниям Серова И.А. и других участников крымских событий мая 1942 г., комиссар Мехлис очень часто проводил всевозможные политсоветы, заседания с привлечением комсостава фронта, что мешало оперативной работе.

После прорыва фронта в полосе 44-й Армии противник грозил окружением двум соседним армиям (51-й и 47-й). Требовался срочный отвод этих армий, но расстояние до Керчи войскам 47-й и 51-й армий составляло в 2,5 раза дальше, чем немецким частям, уже вышедшим на Турецкий вал. По прибрежной полосе, где шли отступающие дивизии 51-й и 47-й армий, противник обрушил шквальный огонь артиллерии и бомбовые удары авиации. Отступавшие, бросая оружие и технику, обращались в бегство. На береговой полосе Азовского моря остались сотни погибших, разбитая и брошенная техника и орудия. Об этом в своих воспоминаниях пишет генерал Я.Я. Вербов:

«Необходимо учитывать и то, что войскам не переправлены достаточное количество вооружения. Так 51-я армия недополучила 52 000 чел. личного состава, более 300 орудий. 44-я армия недополучила целую дивизию и три дивизии фронт. Не было доставлено горючее для танков, да и танков не было переправлено достаточное количество. Почти вся артиллерия была оставлена на Таманском берегу.

Целью немецких войск было окружить 47-ю и 51-ю армии и, прижав их к Азовскому морю, выйти на Керчь, отрезав наши войска от переправ.

Противнику не удалось осуществить окружение наших войск. 51-я армия под Огуз-Тобе (Красноармейское) разгромила танковые ударные силы противника и обеспечила отход 47-й армии.

10 мая поступил приказ фронта на отвод войск на Турецкий вал. Выходя из окопов, отступающие подверглись массированному обстрелу вражеской авиацией и не имели достаточной возможности прикрывать переправы в районах Керчи и Камыш-Буруна, через которые шло обеспечение боеприпасами и питание для войск».

«9 мая мы смогли подтянуть 22-ю ТД, и она заняла исходные позиции для наступления. Когда она собиралась повернуть на север, ей пришлось сначала отбить сильную атаку танков противника. Потом начались дожди». Э. Манштейн. [32]

«Ночью 10 мая в ходе переговоров между Д.Т. Козловым и И.В. Сталиным было принято решение отводить войска фронта на Татарский вал *(Турецкий вал – авт.)* и организовать на его линии оборону. Но получить приказ на отход на Татарский вал 51-я армия уже не смогла. В результате удара по командному пункту армии был убит *(в районе горы Кончи – авт.)* командующий В.Н. Львов и ранен заместитель командующего К.И. Баранов.

Исполняющим обязанности командующего стал начальник штаба армии полковник Г.П. Котов.

В ночь с 10 на 11 мая части 47-й армии начали самостоятельный отход в том же направлении, что привело к дезорганизации управления и неразберихе. Отходом практически никто не руководил, и он не был организован. Дело доходило до того, что автоматчики противника просачивались в группы отступающих и открывали по ним огонь. [41]

«К 10 мая 22-я танковая дивизия прорвалась в глубину обороны Крымского фронта и развернулась на север, выходя на коммуникации 47-й и 51-й армий. За танкистами двигалась 28-я ЛПД *(лёгкая пехотная дивизия – авт.)*. На восток продвигалась 132-я пехотная дивизия. На восток также был выброшен моторизованный отряд Гроддека, который к 10 мая достиг Татарского вала и пересёк его.

К Керчи отошли уже считанные единицы боевых машин бригад и батальонов Крымского фронта. 229-й отдельный танковый батальон потерял последние два танка КВ на Татарском валу *(Турецком валу – авт.)* в безуспешной попытке на нём удержаться. По неточным данным, к вечеру 12 мая 1942 г. на ходу оставались: 1 – Т-34, 27 – Т-26, 7 – ХТ-133 и 10 – Т-60.

Во второй половине дня 10 мая 1942 г. кольцо окружения основных сил 51-й и 47-й армий оказалось фактически замкнуто. В распоряжении советских частей оставался лишь узкий коридор по берегу Арабатского залива.

В отчёте о действиях 28-й ЛПД признавалось: *«Только на самом севере у моря, севернее высот Огуз-Тобе, куда танковая дивизия не смогла быстро прорваться, отходят крупные подразделения противника. Однако свою тяжёлую технику и вооружение они вынуждены оставить застрявшей в раскисшей почве».*

Типичным для военных катастроф стало превращение важных магистралей в «дорогу смерти». Дорога Парпач – Султановка – Керчь была забита в четыре ряда и подвергалась опустошительным налётам авиации противника.

Сдержать наступление немецкой танковой дивизии танковые подразделения поддержки пехоты были не в состоянии. Днём 11 мая 22-я танковая дивизия вышла к Азовскому морю, отрезав пути отхода на Татарский вал значительной части 47-й и 51-й армий. В распоряжении восьми дивизий этих армий осталась узкая прибрежная полоса шириной около 1 км, непрерывно простреливавшаяся противником и подвергавшаяся ударам с воздуха».

По материалам А.В. Исаева. [4,16]

Согласно воспоминаниям Я.Я. Вербова, *«11 мая танковая бригада противника прорвалась к Турецкому валу, в то время, когда 47-я армия ещё подходила к валу, а 51-я вела бои на подступах к нему. Пошёл сильный дождь, образовались пробки у переправ. 47-й армии пришлось бросить значительное количество техники».*

Bundesarchiv, B 145 Bild-F016216-0016A
Foto: o.Ang. 1 Mai 1942

Из радиограммы командующего Крымским фронтом в Генштаб, Василевскому, 11.05.42, 21.10:

«Сегодня к исходу дня обстановка сложилась следующим образом. Несмотря на все принятые меры, сведений о 47-й Армии не имею. По сведениям воздушной разведки, бой идёт на рубеже Ак-Монай – гора Огуз-Тобе. Движение колонн к северу не обнаружено.

О 51-й армии имеем данные от делегата, посланного командованием. 302-я и 138-я стрелковые дивизии удерживают рубеж 236-й СД. Без артиллерии обороняют район кургана Кара-Оба. 390-я СД, по неопределённым данным, занимает оборону района Агибель (Луговое – авт.).

51-я Армия 9 мая держалась стойко. Я и тов. Мехлис наблюдали жестокий бой между нашей пехотой и пехотой и танками противника, между нашей пехотой и артиллерией и пехотой и танками противника. Пехота держалась стойко, артиллерия выше всяких похвал. На наших глазах тяжёлая артиллерия 25-го полка РГК вышла на открытые позиции и на расстоянии полутора км от наступающих танков и в упор расстреливала танки противника. Уничтожено 18 танков, на следующий день – 30 танков противника.

Непрерывная бомбёжка огневых позиций, воздух сплошь насыщен авиацией противника, без всякого перерыва во времени. Наша авиация не в состоянии справиться с истребительной авиацией противника. Противник ежедневно теряет от 20-30 самолётов в воздушных боях и от зенитной артиллерии.

Остатки 36-го танкового батальона, 54-го мотострелкового полка и подразделения 404-й СД вели бои, имея перед собой две дивизии, одну – танковую..

Южнее Марфовки противник производил высадку воздушного десанта. В районе Джелкельджи (Пташкино – авт.) до двух рот противника при поддержке танкеток вели бои с частями 530-го СП.

В центре Турецкого вала обороняется 156-я СД, усиленная стрелковым полком, артполком, батальоном курсов младших лейтенантов, 200 политработников и 250 политруков, усиливается подходящей артиллерией 53-го КАП СКБ и зенитными дивизионами с установкой орудий на прямую наводку.

Больше частей у меня нет. 156-я СД укомплектована на 50% дагестанцами, ранее пополнилась 600 чел. коммунистами и комсомольцами, прибыло 2000 русских и украинцев.

Противник задерживает отход правофланговых армий, главным образом, миномётным, артиллерийским огнём и авиацией, стремится овладеть Керчью, охватывая левый фланг 44-й армии, потерявшей боеспособность.

Разрозненные части идут непрерывным потоком от Семь Колодезей (Ленино – авт.) на Султановку. Принимаются все меры, чтобы в течение ночи собрать и привести в порядок группы, создавая батальоны. Для формирования отсутствует оружие, которое собираем везде. В каменоломне Аджимушкай к эвакуации намечены свыше 1000 чел. неблагонадёжных».

Василевский: *«Вечный* (начштаба фронта) *в 14.00 сообщил, что части 47-й и 51-й армий отходят на восток, находясь на меридиане Семь Колодезей. К какому числу относятся Ваши сведения, к утру 10.05?»*

Козлов: *«Данные относятся к утру 10.05. Отход 51-я Армия должна была начать после пропуска 47-й А».*

Василевский: *«Откуда у Вечного были данные на 14.00?».*

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 25, л. 15)

Из этой радиограммы читателю будет понятно, что, несмотря на тяжёлое положение обороны Крымского фронта, когда требовалось оперативное управление войсками и пора было, хотя бы на время боёв, забыть все непонимания и обиды, в командовании фронта происходя свои «военные игры». Донесение

начальника штаба Вечного явно не было согласовано с командующим Козловым. Начальник штаба фронта, правая рука командующего, не ставит в известность об обстановке на фронте своего командира.

По архивным документам и материалам историков широко известны героические бои воинов 47-й и 51-й армий с 9 по 11 мая, в составе которых была и 400-я СД. Но о её боевом пути в эти дни упоминаний нет, кроме упоминания о переводе в состав 47-й А и необходимости оставить для прикрытия на прежнем рубеже. Судя по карте (10-11 мая), дивизия находилась на том же рубеже. В воспоминаниях Вербова сказано, дивизия 13 мая приняла танковый удар противника и, очевидно, после боя отошла к Турецкому валу.

«13 мая противник собрал в кулак пять пехотных и одну танковую дивизию и ударил по направлению 400-й СД. Создалась сложная обстановка.

Войска 51-й армии находились ещё в движении, командование 47-армии потеряло управление, и двигались в сторону города Керчь. Войска 44-й армии были вовлечены в бои по ликвидации прорвавшегося противника отряда Гроддека. Противник нанёс удар в стык двух армий». Из воспоминаний Я.Я. Вербова.

В каких условиях отходила 400-я СД, не имея вооружения, кроме винтовок *(как упоминал Л.З. Мехлис, читай ниже – авт.),* и отражая атаки напирающего противника? К сожалению, это остаётся неизвестным. Единственное, что передал в воспоминаниях бывший комдив Я.Я. Вербов, это то, что дивизия потеряла убитыми и ранеными намного меньше, чем соседние дивизии. Я думаю, что одно это уже говорит об умелом руководстве командования дивизии. Скорее всего, полки отступали в более организованном порядке, что и позволило сократить потери в личном составе.

Рассмотрим боевой путь 51-й и 47-й армий начиная с 10 мая.

Из донесения Л.З. Мехлиса в Ставку 10.05.1942 г.: «51-я Армия до особого распоряжения удерживает занятые рубежи.

Подразделения 44-й Армии в 14.00 под воздействием противника начали самостоятельный отход.

В ночь 11.05. планируется начать последовательно отвод основных сил 47-й армии».

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 59, л. 260).

Из боевого донесения 019/ОП

Совету фронта. 12.05., 5.00.

«Части всех дивизий 47-й Армии к исходу 11.05. передовыми подразделениями подходили к Турецкому валу.

В результате непрерывной бомбёжки, в течение всего дня 11.05. части двигались медленно, рассредоточившись по отделениям. Среди частей армии в массовом количестве находились группы и одиночки бойцов всех частей 51-й армии.

Штарм из района Ак-Монай в 3.00., 11.05 отходит пешком. Машины не пошли ввиду сильной порчи дорог, машины сожжены.

Принятые меры по установлению связи со штабами дивизий результатов не дали.

На рассвете 12.05. видел откатывающиеся части 156-й СД. Прошу подчинить её мне. Сведений о противнике не имею. Встречаются отдельные командиры из 44-й Армии». Колганов, Карпенков, Хрящев. (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 45, л. 541).

Из воспоминаний Э. Манштейна: «*Утешало то, что бригада Гроддека быстро продвигалась ещё до начала дождя, благодаря чему ей удалось сорвать все попытки противника закрепиться на тыловых позициях. К сожалению, полковник Гроддек в ходе этой операции был ранен и вскоре скончался*». [32]

Для прорыва обороны противника Э. Манштейном были созданы два моторизованных соединения, одно из них и возглавил полковник К. фон Гроддек. Оно состояло из разведывательного батальона 22-й ПД, батальона 391-го ПП, 560-го батальона истребителей танков, 154-го дивизиона (двенадцать 150-мм sFH37(t)), батареи 10-см орудий K18 (4 орудия), батареи штурмовых орудий 197-го батальона, роты диверсантов «Бранденбурга», батареи реактивных миномётов, зениток, сапёров и румынского 3-го моторизованного кавалерийского полка Корне. (По материалам А.В. Исаева).

12 мая немцами был высажен парашютный десант на аэродром Марфовки, в тылу 44-й армии. Десант позволил начать борьбу за Татарский вал *(Турецкий вал – авт.)*, до выхода на его рубеж выдвигавшейся из резерва фронта 156-й стрелковой дивизии.

13 мая оборона в центре Турецкого вала была прорвана. [4]

Однако по воспоминаниям генерал-полковника И.А. Серова, Мехлис и Главком СКН Будённый поспешили отправить донесение в Ставку об организации обороны на Турецком валу.

«Выехали из Керчи, и вначале всё шло нормально, потом навстречу стали попадаться отдельные группы бойцов, которые шли к Керчи. Я спросил у одних, куда идут и почему. Это были грузины. Они ответили: «На формирование». Оказалось, что они вторые сутки не видели командиров, и не знают, где штаб, и, более того, идут от Турецкого вала.

Заскочив на машине в деревню, я стал говорить с жителями: «Сколько от этой деревни до Турецкого вала?». Крестьянин показал рукой и говорит: «Видишь вал? Вот это и есть Турецкий вал». Спрашиваю: «А кто по валу ходит?» Крестьянин ответил: «Немцы. Вчера утром ещё были наши, а к вечеру уже немцы обстреливали нашу деревню с вала».

Выходит, что С.М. Будённый и Л.З. Мехлис информировали Ставку, когда вал был уже у немцев.

«Вернувшись в катакомбы, я встретил начальника разведки фронта, он сказал, что ему ещё вчера было известно, что оборо-

на прорвана, наши части нигде не закрепились и продолжают отступать». [45]

Следовательно, Будённый, не зная реальной обстановки на фронте, подписал донесение в Ставку, согласно данных Л.З. Мехлиса и Д.Т. Козлова. А те, в свою очередь, так же не знали положения на фронте на момент составления донесения. Или же они «лукавили», боясь гнева «Хозяина»? *(Сталина – авт.).*

Можно предположить, что при стремительном наступлении вражеских войск не было стабильной связи со штабами дивизий, которые также, отступая в суматохе и панике, не могли знать расположения своих частей. Все штабы дивизий и полков находились в движении: кто бежал, кто отступал, а штаб фронта находился далеко от передовых позиций.

С.М. Будённый, по воспоминаниям И.А. Серова, находился в Темрюке, за 100 км от боёв.

13.05. Из доклада подполковника Новикова:

«С организацией обороны Турецкого вала опоздали, противник упредил и перешёл в наступление. Сейчас там находится Совет фронта, результаты боя не известны. Части продолжают отход за Турецкий вал». (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 25, л. 24)

13.05. Из донесения офицера связи 530-го СП: *«Наши подразделения под действием авиации противника вынуждены были прекратить наступательный порыв. Полк правого фланга, в 17.30 под нажимом противника отошёл, оголив нам левый фланг. 18.20 противник применил дымовой завес и пустил до 30 танков. Сосед слева отошёл, и мы оказались обойдёнными с обоих флангов.*

В 5.00 14.05 поступил приказ отойти на 5-6 км на Камыш-Бурун и в 6.30 заняли указанный рубеж. Но соседние полки не заняли рубеж и в беспорядке продолжали отступать на

Камыш-Бурун. Удержать 530-й полк командованию не удалось. До Камыш-Буруна противник огнём пулемётов, автоматов и миномётов теснил оба фланга и тыл отступающих.

При вступлении в Камыш-Бурун, противник начал обстрел артиллерией и миномётами, одновременно ведя бомбардировку авиацией. Подразделения полка были рассеяны, и занять оборону не удалось, только отдельные группы задерживались, располагались по выходу из Камыш-Буруна в направлении Керчи». (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 121, л. 8)

В докладе о действиях 44-й армии А. Житник: «Никаких заранее подготовленных оборонительных сооружений этот рубеж не имел». Также армия потеряла значительную часть своей артиллерии. Тем временем, днём 14 мая немецкие войска вышли на подступы к Керчи и прорвали обвод обороны города. [16]

Из боевого донесения № 227 штаба КФ 13.05.42 в 1 ч. 30 мин.

«47-я Армия в течении дня продолжала отвод войск за Турецкий вал.

51-я Армия частями *77-й ГСД, 138-й и 302-й, утром 13.05 проходила Турецкий вал. 400-я СД к исходу дня 13.05 сосредоточилась в районе Джейлав».*

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 59, л. 239).

Судя по донесению, 400-я и 138-я стрелковые дивизии, после прикрытия (в составе 47-й Армии) выхода из окружения частей 51-й армии, вернулись в подчинение 51-й А и уже с 13 мая, судя по донесениям штаба фронта, прикрывали отвод войск 47-й армии. Это подтверждает и директива штаба фронта от 13.05 о создании полосы прикрытия на рубеже Турецкого вала:

«Первый сектор 47-й Армии в составе: 271-й, 320-й, ***400-й****, 398-й, 396-й стрелковых дивизий...прочно оборонять правый фас оборонительного рубежа Турецкого вала и не допустить прорыва пехоты и танков противника в направлении Керчь».*

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 38, л. 24).

Я.Я. Вербов упоминает: *«Ещё 14 мая Будённый принял решение об эвакуации войск Крымского фронта на Тамань».* Архив Я.Я. Вербова.

Из директивы штаба КФ № 001055 14.05, 8.15.

«В соответствии с приказом Главкома СКН НР 002/ОП от 13.05 оборона Таманского полуострова возложена на генерал-полковника т.Черевиченко. Для управления войсками и организации обороны полевое управление 47-й Армии подчинить генерал-полковнику Черевиченко.

Полевое управление 47-й А полностью перевести на Тамань в ночь с 14 на 15.05.1942 г. Боевой участок сдать штабу 51-й Армии.

Установить армейские районы сбора:

А. 47-й А – Запорожская, Сенная, Темрюк.

Б. 44-й А – Семенюк, Темрюк, Красносёловка.

В. 51-й А – Старомышастовская, Вышестеблиевская.

Все переправляющиеся части, независимо от численного боевого состава, объединить и приводить в боевой порядок. Организовать оборону Таманского полуострова».

(ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 38, л. 13).

На этом Крымский фронт, как самостоятельное целостное соединение, свою функцию практически закончил.

Согласно директивы № 01051/ОП Штаб КФ от 14.05.42 г., в состав войск второй полосы оборонительного рубежа включались отступающие части из первой полосы всех трёх армий. Командующему второй полосой обороны полковнику Коченову приказывалось взять под своё командование все отступающие части. (ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 34, л. 3)

Из директивы штаба КФ № 01050/ОП 14.05. 13.30

«Задача не допустить продвижение пехоты и танков противника за линию Керченского обвода. В состав войск первой

полосы включить все боеспособные части 44-й, 51-й и 47-й Армий, находящихся в полосе обороны.

Командарму 51-й и 44-й Армиями в течение ночи и с утра 14.05.42 взять под своё командование все отходящие, сохранившие боеспособность части и соединения».

Из директивы Ставки ВГК № 170385 от 15.05., 1.10.

Командующему Крымским фронтом.

Начальник Генштаба А.М. Василевский приказывает:

«Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями, с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу с тем, чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и организовать оборону. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите». (ЦАМО, ф. 48А, оп. 3408, д. 71, л. 277).

«15 мая обозы и тылы трёх армий, собравшиеся на узком пространстве восточной части Керченского полуострова, разбивались авиацией. Армии в своём составе имели отдельные организованные части и соединения». [33]

Положение частей Крымского фронта на 16.05.1942 г.

«Ожесточённые бои велись в районе завода Войкова (16.05), Аджимушкая, Булганака, горы Иванова, горы Хрони. Офицеры и генералы 51-й армии организовывали отряды обороны и руководили ими. Отряды создавали участки обороны, вели разведку и с оружием в руках отражали вражеские атаки.

Вместе с ними огонь из танкового пулемёта вёл член Военсовета бригадный комиссар Кобозев. Начальник штаба армии Котов здесь был ранен в голову.

18–19 мая отряды продолжали прикрывать подступы к пристаням Жуковка, Опасное, Еникале. 16–17 мая противник нёс значительные потери и к побережью не мог подойти. 19 мая Крымский фронт был расформирован».

Из архива Я.Я. Вербова.

Адмирал С.Г. Горшков, в то время командующий Азовской флотилией, отмечал, что вывоз незначительного количества материальных средств объясняется тем, что тяжёлые грузы на Керченский полуостров доставлялись через Камыш-Бурун, где имелись портовые краны. Но к началу эвакуации этот порт был уже захвачен противником, в Керчи же и Еникале причалы были разбиты. Кроме того, не хватало плавсредств, пригодных для перевозки тяжеловесных грузов. [15]

18 мая Л.З. Мехлис доложил Сталину: *«Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит Еникале».*

Во время боёв в Керчи И.А. Серов прибыл в штаб фронта, точнее в катакомбы, где ранее располагался штаб. Согласно его воспоминаниям, на месте оставались несколько командиров, пограничники и другие.

«С наблюдательного пункта я пошёл к маяку Еникале, где проходила переправа наших войск на большую землю. Я уже с высоты видел столпотворение, куда двигались люди, пушки, обозы и т.д. Когда подошёл ближе, моему ужасу не было конца.

Все бойцы без винтовок – побросали, голодные, из-за ... дерутся, командиры ведут себя не лучше бойцов, никто никого не слушает, полная деморализация армии.

Пока наводили порядок, прилетели два Фоке-Вульфа – начали бомбить с высоты 150 метров. Это длилось 40 минут. Даже сейчас невозможно представить всего ужаса, который мы пережили. По дороге валялись убитые, раненые, отдельные руки, ноги, на траве кишки убитых, покалеченные орудия и автомашины. Картина страшная.

Когда я подошёл к берегу, где была переправа, картина была ещё страшнее. «Катюши», только что полученные на фронт, ещё не рассекреченные, были брошены и оставлены немцам. Ходили два катера, которые брали по 50-60 бойцов и немного техники. При посадке никто никого не слушался. Катера брали силой и перегружали до того, что они не могли сдвинуться. Мне пришлось вмешаться и навести порядок. Я понимал, что это на час. Я уйду, и всё будет по-прежнему, потому, что в ожидании стояли тысячи людей.

Некоторые отрывали борта у машины, делали плот, середина пустая. Затем человек 15 брались за края, чтобы хоть как-то переправляться, другие под углы бортов прикрепляли камеры от авто. Но, как и следовало ожидать, за борта цеплялись не 15 человек, а 30-40, и, отплыв от берега километр, многие из них тонули, так как на середине пролива вода была холодная и течение быстрое.

Когда я на берегу объяснял бойцам, указывая на тонущих, что нельзя так делать, они смотрели на меня безразличными глазами, а через полчаса также цеплялись в надежде, авось, выберемся на большую землю. Я призывал к порядку, они соглашались со мной, а делали по своему, как быстрее, но хуже.

Наших истребителей не было. Спрятавшись за скалы, мы видели в 50 шагах немецких автоматчиков, которые шли по берегу и изредка стреляли, переговариваясь между собой.

Они прошли над нами. Они, вероятно, боялись идти низом и нарваться на наших, которые были безоружны. Утром пришли катера, и мы переправились на косу Чушка. Коса длинной в 7 км была загружена бойцами и ранеными, многие лежали, другие двигались на остров. Картина и смешная, и трогательная. Многие шли в гимнастёрках, но без брюк, в кальсонах или трусах, чтобы было легче плыть. Оружия ни у кого не было». [45]

Из воспоминаний участника боёв л-та Е. Поникаровского:

«Перед рассветом выходим к посёлку Еникале, на берег Керченского пролива. Отходящие войска Крымского фронта здесь переправляются на косу Чушка, оттуда идут на Темрюк. К Еникале выходят и немцы. Кажется, от них нет спасения.

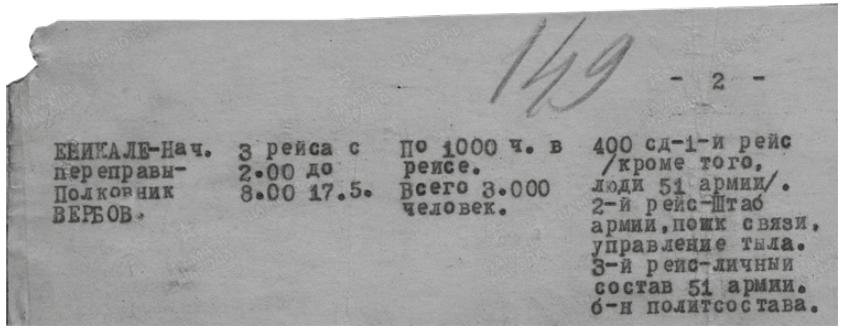
По коже пробегает дрожь и сейчас, когда ненароком вдруг вспоминается Еникале и переправа через пролив.

Немцы бомбят посёлок. Их самолёты днём и ночью висят над проливом. Из степи давят автоматчики. По проливу туда и сюда снуют катера. Когда нет катера, кто-то из отважных офицеров поднимается и громко кричит: «Товарищи! Давайте отгоним фрицев!»

На зов откликаются сотни воинов, они тут же стремительно карабкаются в гору, бесстрашно атакуют и отгоняют противника на два–три км в степь и возвращаются на пристань. Немцы тоже возвращаются, но уже осторожнее. По берегу, по проливу, по посёлку гуляет смерть. Весь берег усыпан трупами.» [47]

Согласно плана эвакуации, с 17 мая Я.Я. Вербову поручалась организация эвакуации частей 51-й Армии. Пунктом эвакуации назначались причалы Еникале. *«Первым рейсом эвакуировать до 1000 чел. 400-й СД. Вторым рейсом – Штаб 51-й Армии, полк связи и управление тыла. Третий рейс – личный состав армии, батальон политсостава».*

(ЦАМО, ф. 406, оп. 0009837, д. 0020, л. 148)



149 - 2 -

ЕНИКАЛЕ-Нач. переправы-Полковник ВЕРБОВ.	3 рейса с 2.00 до 8.00 17.5.	По 1000 ч. в рейсе. Всего 3.000 человек.	400 сд-1-й рейс /кроме того, люди 51 армии/. 2-й рейс-Штаб армии, полк связи, управление тыла. 3-й рейс-личный состав 51 армии. б-н политсостава.

Судя по данным воспоминаниям и архивным документам, можно представить, в каких условиях приходилось Я.Я. Вербову заниматься эвакуацией личного состава 51-й Армии и других отходящих частей, а также техники (если для неё были условия). Но и об этом нет упоминаний в истории войны.

По плану командования фронтом, эвакуация состава 51-й армии должна была пройти с 2.00 до 8.00 (до 9000 чел.). С 8.00 до 13.00 запасной полк и батальон политработников, в 10.00 – пограничники.

Из воспоминаний очевидцев:

«17–18 мая противник прижал нас к берегу Керченского пролива. Я оказался за Керчью, в районе Маяка. Вёлся беспрерывный обстрел кромки берега, на котором находились толпы людей. Отдельные снаряды выкашивали целые отделения. Многие стрелялись, другие открыто выбрасывали партбилеты, кто-то срывал с себя петлицы. Там и тут валялись останки: руки, головы, человеческие ноги. На обстреливаемом берегу кипела лихорадочная и беспорядочная работа. В ход шло всё, что могло держаться на воде. Из досок и бочек сколачивались плоты, надувались и тут же пускались в плавание автомобильные камеры, несущие подчас целые отделения. Там и тут, держась за бревно или какой-нибудь ящик, плыли по воде люди. Другие

пускались вплавь сами, прыгая в холодную воду пролива. Люди шли на огромный риск, чтобы попасть на кубанский берег.

Сильным течением из Азовского в Чёрное море многих пловцов уносило вдаль от берегов, где их ждала гибель. Этих несчастных людей были сотни и тысячи. День и ночь ужасающие вопли и крики стояли над проливом. Картина была жуткая. Началась настоящая агония. В нашем распоряжении оставалась небольшая полоска берега 200–300 метров. При появлении немецких цепей я встал за большой валун и решил застрелиться, чтобы не попасть в плен...

Жизнь спас крик моряка в бескозырке: «Братцы! Славяне! Отгоним гадов-немцев! Вперёд! За мной! У-р-р-ра!».

И произошло чудо – все военнослужащие, здоровые и раненые, в едином порыве рванулись на врага и отогнали его на 3–4 километра от берега». Л.Г. Иванов.

21 мая всё было кончено. Противник вплотную подошёл к берегу. Отстреливаясь от наседавшего врага и чувствуя его превосходство, у лейтенанта Иванова опять появилась мысль покончить с собой. Но судьба распорядилась так, что с последней шхуной он всё-таки покинул простреливаемую узкую кромку берега. По шхуне ударили немцы. Стреляли, чем могли. В основном, вёлся пулеметно-винтовочный огонь. Появились убитые и раненые. В нескольких местах возникли пробоины, судно дало течь и предательски накренилось на борт, но дошло до песчаной косы Чушка. [39]

Из переговоров Вечного и Котова 19 мая следует, что последние защитники фронта, оставшиеся на побережье песчаной косы Чушка, составляли сплошной поток людей, вооружённых винтовками, ППШ, ручными пулемётами и гранатами. Фронт погрузки мал, что задерживало погрузку. За ночь перевезено 18-20 тыс. чел. На той стороне только Мехлис. *(Мехлис на полуострове. – авт.)*

Описывая Крымскую катастрофу Л.З. Мехлис в своих воспоминаниях писал:

«Скорость танков плохая. Ползут как черепахи. Войсковая разведка работает плохо. В 398-й СД не было боевых порядков, идут стадом. В 400-ой СД к 11 апреля ничего не было, кроме винтовок». [46]

Не снимая вины с командования фронтом за халатное отношение к подготовке оборонительных рубежей, всё же стоит отметить, что за несколько месяцев пребывания трёх армий на Керченском полуострове боевые части так и не были доукомплектованы, как личным составом, так и необходимым вооружением. В своих воспоминаниях Я.Я. Вербов также упоминает о недостаточном вооружении армий и дивизий Крымского фронта.

На Крымском фронте вместе с частями 400-й СД сражаются бойцы и командиры 156-й СД, которая через два месяца будет держать подобную оборону на Донском рубеже.

НКО СССР
ШТАБ
Северо-Кавказского Фронта
Отдел Укомплектования
и службы войск

36 СЕКРЕТНО
Экз.№ 2

НАЧАЛЬНИКУ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ПО ПЕРСОНАЛЬНОМУ УЧЕТУ ПОТЕРЬ.

При этом высылаю именные списки на безвозвратные потери личного состава частей 156 стрелковой дивизии, бывшего Крымского фронта на 4.280 человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ:-именные списки с описью на "48" листах.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УК
ПОДПОЛКОВНИК
/ДОБРОНЕВСКИЙ/

ВОЕННЫЙ КОМИССАР ОТДЕЛА
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
/ХОЛКОВСКИЙ/

НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ
СТ.ПОЛИТРУК
/МОРОЗ/

Отп.2 экз.
Исп.Воронин
ВАМ.7.7.42 г.

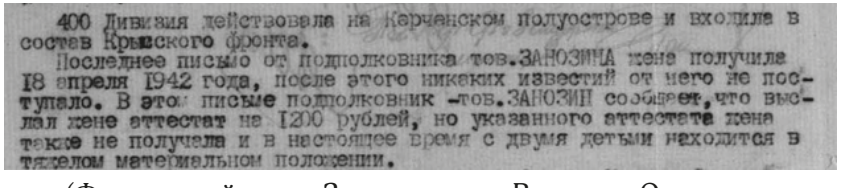
11–13 мая большая часть учебного батальона и комендантской роты 156-й СД пропали без вести. 417-й СП принимал участие в обороне г.Керчи и с.Сараймин (8–17. 05).

530-й стрелковый полк за считанные дни потерял 270 человек, дивизия – 4 280 чел.

В своих мемуарах Я.Я. Вербов вспоминал однополчан из 400-й СД:

– своего заместителя С.П. Литунова; судьба неизвестна.

– начальника штаба подполковника Занозина Михаила Васильевича. Он погиб у мыса Зюк (ст. Багерово). Без отца остались двое малолетних детей.



400 Дивизия действовала на Керченском полуострове и входила в состав Крымского фронта.

Последнее письмо от подполковника тов.ЗАНОЗИНА жене получила 18 апреля 1942 года, после этого никаких известий от него не поступало. В этом письме подполковник -тов.ЗАНОЗИН сообщает, что выслал жене аттестат на 1200 рублей, но указанного аттестата жена также не получала и в настоящее время с двумя детьми находится в тяжелом материальном положении.

(Финансовый отдел Закавказского Военного Округа.
Архив МО № ФО №5/о700 24.08.1942 г.)

– комиссара дивизии Брусиловского.

М.И. Брусиловский.
Снимок сделан 14.04.1942 г.

Брусиловский Михаил Исаевич погиб 16 мая в районе г. Керчь. Согласно списков безвозвратных потерь политотдела 47-й армии, числится как погибший полковой комиссар 320-й СД. Однако на обратной стороне фотографии Брусиловского есть две надписи. Одна – рукой Вербова: «Комиссар 400-й СД». Другая: *«Хорошему боевому товарищу в борьбе против фашистов т. Вербову Я.Я»*. Подпись: М. Брусиловский.

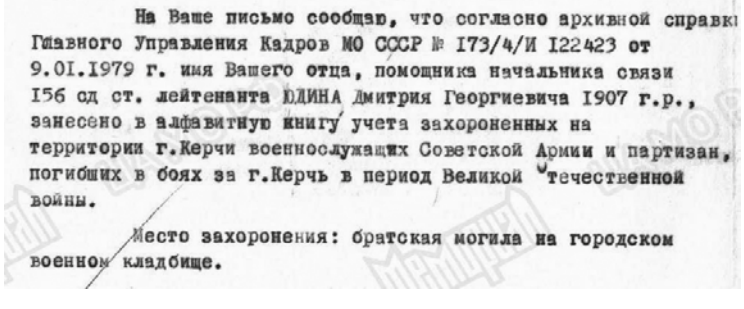
О том, как тесно переплетались судьбы фронтовиков, и как много остаётся белых пятен в военной истории того же Крымского фронта, могут сказать следующие документы и события.

В семейном архиве Я.Я. Вербова есть упоминание о помощнике начальника связи 156-й стрелковой дивизии старшем лейтенанте Юдине Дмитрии Георгиевиче. По данным МО РФ, он погиб на территории г. Керчи. Долгое время считался пропавшим без вести, пока розыском не занялась его дочь, Башная Алла Дмитриевна, получившая ответ о его гибели только в 1979 году.

Д.Г. Юдин. Снимок 1939 года

Подпись на фотографии: *«Бывшему командиру 156-й СД дорогому Вербову Я.Я. в память по Крыму. От Юдина и его дочери. 26.03.1970 г.».*

Где и когда связывала Я.Я. Вербова и Д.Г. Юдина совместная служба, на сегодня остаётся загадкой. Ведь если Юдин служил в 156-й СД вместе с Вербовым, то это могло произойти только на Донском рубеже, но тогда Юдин не погиб в Керчи, как утверждают документы МО РФ.



На Ваше письмо сообщаю, что согласно архивной справки Главного Управления Кадров МО СССР № 173/4/И 122423 от 9.01.1979 г. имя Вашего отца, помощника начальника связи 156 сд ст. лейтенанта ЮДИНА Дмитрия Георгиевича 1907 г.р., занесено в алфавитную книгу учета захороненных на территории г.Керчи военнослужащих Советской Армии и партизан, погибших в боях за г.Керчь в период Великой Отечественной войны.

Место захоронения: братская могила на городском военном кладбище.

Другой факт:

В июле 1942 года к Я.Я. Вербову прискакал неизвестный офицер, лейтенант (ст. л-т), прибывший из части, расположенной за несколько вёрст.

«Я, Рудинская Нелли Ивановна, 1937 года рождения, приехала в хутор Большемечетный (Ростовская область) 5 августа 1955 года. Во время проживания на квартире у тов. Калмыкова Андрея Капитоновича, от хозяйки Калмыковой Анны Сергеевны неоднократно слышала о захоронении офицера Красной Армии в их саду. Они следили и ухаживали за могилкой «неизвестного солдата».

Свидетельница, Нелли Ивановна, которую мы отыскали, запомнила рассказ прежней хозяйки:

«В доме жил командир воинской части, стоявшей в хуторе. Однажды к нему приехал гость – бывший адъютант. Хозяйка приготовила праздничный обед, накрыла стол в саду под развесистой грушей. Судя по разговору при встрече, они вместе воевали в Крыму и давно не виделись, этот офицер числился погибшим. Узнав, что недалеко находится его бывший командир дивизии, офицер решил навестить своего боевого товарища, пока было затишье.

Немцы предприняли очередную атаку, начав из-за Дона обстрел хутора. Первый фашистский снаряд разорвался в саду. Огромный осколок попал тогда в дом: будто ножом отмахнул целый угол. Мелкие осколки, которые до сих пор можно обнаружить в земле, разлетелись по саду. Удивительно, но праздничный стол уцелел – не разбилась ни одна тарелка. Военные, а под грушей их тогда было несколько человек, не получили ни царапины. Все, кроме гостя. Маленький осколок пробил его висок, смерть наступила мгновенно.

Тело неизвестного офицера, как он был, без кителя, похоронили в наскоро сбитом гробу».

Уже после того, как в саду появилась могила, а военная часть передислоцировалась, хозяйка сокрушалась, что не узнала, откуда этот парень был родом, не взяла адрес родных, чтобы сообщить им о его гибели.

Кем по должности и званию был молодой офицер, сегодняшние жители хутора Большемечетного уже не помнят. Кто-то говорил, что офицер связи, другие утверждали, что адъютант Вербова.

При эксгумации останков погибшего офицера поисковики нашли только пуговицы и крючок от галифе, пуговицы от нательной рубахи, пряжку поясного ремня и ключ от врезного дверного замка, очевидно от квартиры.

Эксгумация останков офицера, х. Большемечетный, май 2013 г.

Версия поисковиков ПО «Донской» им. А.Калинина:

Среди документов о безвозвратных потерях 1942-го года удалось найти следующую запись: «техник-интендант II ранга

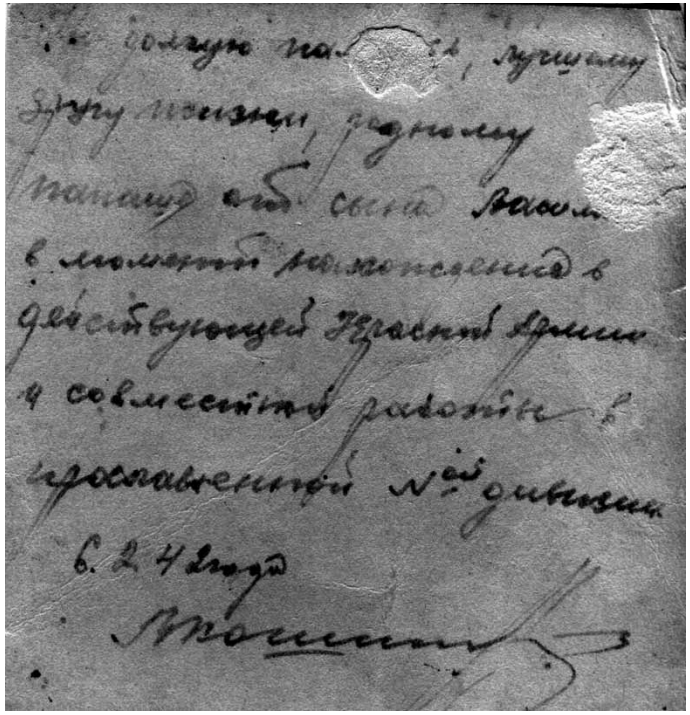
Кошкин Василий, адъютант командира 400-й стрелковой дивизии. Погиб 14.05.1942 г. Год рождения 1918». Данные лаконичные, даже отчества нет, хотя в том же списке значатся убитые, о которых известно больше – например, имена и адреса матерей или жён.

В электронной базе данных МО РФ Василий Кошкин тоже числится в перечне убитых, дата смерти и место захоронения – крымская железнодорожная станция Ак-Монай (после войны – Петрово). Однако среди 162 имён солдат и офицеров на этом мемориале Василий Кошкин не значится.

Могла вкрасться ошибка в запись? Конечно, ведь многие сведения записывали второпях, со слов. О гибели бывшего адъютанта могли сообщить люди, не знавшие или не помнившие его нового места службы. Место захоронения также могли перепутать.

К слову, антропологи, изучавшие останки эксгумированного воина, констатировали, что убитому было от 21 до 25 лет. Кошкин дожил до 24-х. Он или нет? Спросить бы самого Якова Яковлевича Вербова!

В. Кошкин. 06.02.1942 г.



«На добрую память, лучшему другу жизни, родному папаше от сына Василия в момент нахождения в действующей Красной Армии и совместной работе в прославленной №-ой дивизии». Подпись: В. Кошкин.

Кем был этот молодой отважный офицер, выживший в крымских кровопролитных боях, чтобы найти свою нелепую смерть на донской земле? Найти его имя нам пока не удалось.

Из воспоминаний Я.Я. Вербова:

«После потери Керченского и Камыш-Бурунского портов сильно затруднилась эвакуация. Небольшой плацдарм, где скопились войска, техника и тылы, простреливался всеми видами оружия. В воздухе беспрерывно действовала вражеская авиация. Пролив обстреливался артиллерией и был значительно минирован авиацией противника. Эвакуация велась силами Азовской военной флотилии, Керченской военной базы, частично, Новороссийской военной морской флотилией и судами рыболовного флота.

130 рыболовецких судов было мобилизовано для эвакуации. Удалось эвакуировать около 14 000 воинов и около 1500 человек гражданского населения».

Эвакуировать войска приходилось, в основном, ночью, так как днём налёты вражеской авиации, прицельный огонь артиллерии и миномётов препятствовали движению по Керченскому проливу. И всё же, несмотря на огромные трудности, удалось эвакуировать около 120 тыс. военнослужащих, 1,4 тыс. человек гражданского населения, 838 т различных грузов, 25 гаубиц, 47 реактивных установок, 27 миномётов, 14 автомашин.

С.Г. Горшков [15]

По данным Исаева, введённая в прорыв 170-я пехотная дивизия последовала за бригадой Гроддека. Другие дивизии отсекали советские войска, отходившие на Керчь.

16 мая 213-й полк 170-й пехотной дивизии подошёл к Керчи и завязал уличные бои в городе. За передовым полком вскоре последовали основные силы дивизии, и над городом взвился флаг со свастикой. Бои в Керчи в районе горы Митридат, железнодорожной станции, завода имени Войкова продолжались до 20 мая. После исчерпания возможностей к сопротивлению в городе, защитники Керчи ушли в Аджимушкайские каменоломни. В центральных каменоломнях обороной руководил бывший командир 138-й стрелковой дивизии П.М. Ягунов, работники управления фронта И.П. Парахин и Е. Малых. Борьба в изолированных противником пещерах продолжалась 170 дней. Аджи-

мушкай впоследствии назвали «Керченским Брестом». Эвакуация с Керченского полуострова продолжалась с 15 по 20 мая. [4]

«Большинство воинов из отрядов прикрытия погибли, лишь некоторым удалось переправиться на косу Чушка или пробиться в каменоломни. Костяк гарнизона подземной крепости каменоломни составили офицеры 51-й армии и частично 44-й армии, прикрывавшие переправы, части 190-го кавполка, парашютного батальона, 83-й бригады, 72-й кавдивизии и другие, а также раненые и отступающие». Я.Я. Вербов.

«Для переправы орудий через Керченский пролив использовался только так называемый «болиндер» (плоскодонная самоходная баржа), бездействовавший ночью, вследствие чего был упущен шанс спасти значительную часть артиллерии, отошедшей в район Керчи. В итоге на косу Чушка было переправлено только 7 орудий и 7 тракторов 457-го АП РГК и 29 Гвардейских миномётных установок». [16]

«В районе каменоломен располагались пять запасных полков, два батальона фронтовых курсов политсостава, три батальона армейских курсов младших лейтенантов и др. Все они находились в ведении полковника Ягунова. Он был командиром 138-й дивизии.

Подземный гарнизон возглавили Ягунов и батальонный комиссар Парахин. Ягунову была дана команда фронта держаться до прихода частей Красной Армии, что они и сделали.

Крым оказался в глубоком тылу противника. Многие спрашивают: «Почему не было оказано помощи гарнизону Аджимушкая и партизанам?»

Из воспоминаний Вербова.

Часть личного состава соединений и частей Крымского фронта, которая не успела эвакуироваться, продолжала вести самоотверженную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Почти полгода длилась героическая оборона подземных гарнизонов в каменоломнях в районе Керчи. Бессмертные подвиги наших воинов и сражавшегося вместе с ними гражданского населения города стали героической страницей истории Великой Отечественной войны.

Как клятва верности Родине и свидетельство несгибаемой воли советских людей в борьбе с врагом прозвучали в эфире слова радиограммы, переданной из каменоломен: *«Всем! Всем! Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаёмся!»* [15]

Крым ещё со времён царской России имел для нашей страны важное стратегическое, экономическое и политическое значение. По этой причине за Крымский полуостров велись ожесточённые бои в Гражданскую и Великую Отечественную войну.

Из воспоминаний Я.Я. Вербова:

«Борьба за Крым длилась 2 года и 8 месяцев. С двух сторон в бои были втянуты более 2,5 млн. человек с огромным количеством техники. С советской стороны 9 полевых, с количеством до 100 боевых соединений (типа дивизии, бригады), две воздушные армии, Черноморский флот, ряд флотилий, соединения партизан. Со стороны противника: две немецкие армии, румынская армия, три воздушных корпуса, объединённый Черноморский флот Германии и их союзников. На территории Крыма враг потерял больше полмиллиона убитыми и пленными».

Судя по воспоминаниям Якова Яковлевича, последние части 400-й СД переправились с Керченского полуострова не ранее 18 мая.

После неудачной Крымской операции весны 1942 года, полковник Я.Я. Вербов ждал решения сурового трибунала.

Из истории известна директива Ставки ВГК № 155452 от 4 июня 1942 г. с разбором поражения Крымского фронта, которая определила меры наказания командованию фронтом, командармам и представителю Ставки армейскому комиссару Л.З. Мехлису. Он был снят с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления КА со снижением в звании до корпусного комиссара. Д.Т. Козлов был понижен в звании до генерал-майора. С.И. Черняка и К.С. Колганова понизили в звании до полковников. Исключение составил начальник штаба фронта П.П. Вечный, направленный в распоряжение начальника Генштаба.

К сожалению, о судьбе многих командиров частей и соединений Крымского фронта, вышедших с Керченского полуострова, в военной истории упоминаний нет. Возможно, что кто-то из них был виноват в поражении на Крымском фронте, а кто-то и нет. Но не до такой же степени, чтобы стереть их имена из истории Великой Отечественной войны?

Очевидно, по этой же причине нет полных данных о боях расформированной в последующем 400-й СД и её комсоставе.

Как вспоминает Татьяна Вербова:

«Тогда многих участников операции показательно наказали, чтобы было неповадно другим. После фильтрационного лагеря отец сидел без ремня, с сорванными «кубарями», вместе со своими выжившими офицерами штаба и другими командирами частей. Мимо них проходила группа старших офицеров, генералов и среди них С.М. Будённый.

Папа стал красноармейцем в 1918 году, начинал службу в Красной Армии под командованием Будённого.

Когда все встали и поприветствовали шедших, Будённый заметил Якова Яковлевича и спросил: «А ты что здесь делаешь?» Я.Я. Вербов ответил: «Вышел из Крыма, жду решения суда». Будённый знал отца ещё с кремлёвской школы, и очевидно, поэтому забрал его с собой и заступился за него перед судебной комиссией.

Мама и сестра уже «сидели на чемоданах». Так выражались, когда всё необходимое было собрано в маленькие чемоданы на каждого члена семьи, и они ждали, когда за ними придут...

Долго от папы не было известий, и мама, каждый раз возвращаясь с работы домой, ждала звонка в двери. Примерно через месяц папа написал, что его направили в другую дивизию, и он занимается её пополнением».

Как вспоминал Я.Я. Вербов, в Керченской операции отсутствовала должная подготовка, что принесло невероятно огромное количество человеческих жертв.

«Противника сдерживали лишь небольшие разрозненные отряды из наиболее стойких сил 51-й и 44-й армий и остатков танковых частей. Командование фронта направило всех штабных офицеров для развёртывания обороны и сдерживания бегущих. Переправа началась и продолжалась всё время под бомбёжкой авиации, а с 15 мая противник мог вести по переправе артиллерийский и миномётный огонь. Когда часть людей была уже переправлена, внезапно был отдан приказ приостановить переправу, и в течение суток её не было.

Плана эвакуации штаб фронта не имел вплоть до 16 мая, да и в дальнейшем он до конца разработан не был и до войск не доведён. Средства эвакуации также не были своевременно затребованы.

Последующие события показали, что планового, организующего начала, в том числе со стороны представителя Ставки, по сути, так и не было. Командование Керченской военно-морской базы, получив указание об эвакуации частей, само поспеши-

ло преждевременно переправиться на Таманский полуостров в ночь на 16 мая. Ряд других руководящих работников также поторопились перебраться на противоположный берег Керченского пролива. Заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник Черевиченко убыл ещё 13-го, генерал-майор Крупников, помощник командующего по формированиям, и ряд других генералов – 15-го, один член военного совета, Колесов, правда контуженный, был эвакуирован 16-го, другой, Шаманин, убыл 17-го. В этот же день командный пункт фронта переместился на Таманский полуостров в посёлок Кордон Ильича.

Плавсредства, предназначенные для эвакуации, подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбёжкой и артогнём, симулировали аварии. При потенциальной возможности переправлять в сутки 30–35 тысяч человек, 17 мая смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные дни и того меньше. Установленная очерёдность: раненые, материальная часть тяжёлой артиллерии, реактивные миномёты – не соблюдалась. Под видом раненых, признавался Л.З. Мехлис в докладе Сталину, толпы невооружённых, деморализованных бойцов с бою захватывали суда и переправлялись на косу Чушка». [36]

Полные трагизма картины нарисовала в коллективном письме Верховному Главнокомандующему группа политработников 51-й, 47-й и 44-й армий:

«...Мы считаем, что неправильно информировали Вас, как прошли события на Керченском полуострове. В основном, вся техника и транспорт, и склады всех трёх армий остались у врага. 11 мая начали отходить, и до Керчи не было подготовлено ни одного оборонительного рубежа. Всю технику и транспорт никто из командования Крымского фронта не старался рассредоточить. И враг это использовал... в основном, всё разбомбил.

Никакого руководства этим отходом не было, кто куда смог, тот бежал, а в первую очередь генералы. На переправах лежали раненые, и их топтали ногами, не оказывали никакой помощи. Красноармейцы строили плоты на камерах из автомашин, на которых многие тонули, а часть из них унесло в Чёрное море. Отход наших войск не прикрывался ни авиацией, ни полевой и зенитной артиллерией, что дало возможность врагу беспрерывно бомбить отходящие войска уже на Таманском полуострове и в море наши суда. На всей площади переправы и косы было устлано трупами наших бойцов, командиров и политработников. Это всё произошло благодаря предательскому командованию Крымского фронта, иначе считать нельзя...»

Рубцов Ю. В. Л. З. Мехлис – представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (январь-май 1942 года). Геополитика и безопасность. – М.: Арбизо, 1994. № 2, с. 100. [36]

По данным Исаева, с 8 мая Крымский фронт потерял 162282 человека, 4646 орудий и миномётов, 196 танков, 417 самолётов, 10,4 тыс. автомашин, 860 тракторов и другое имущество. На Таманский полуостров удалось эвакуировать около 140 тыс. человек, 157 самолётов, 22 орудия и 29 установок РС.

Немцами в качестве результата операции «Охота на дроф» было заявлено о 170 тыс. пленных, захвате и уничтожении 258 танков и 1100 орудий.

Советские войска были вынуждены эвакуироваться с Керченского полуострова, и в этих условиях изолированный Севастополь был обречён. [4]

В своих воспоминаниях Л.З. Мехлис писал: *«Точных данных о том, сколько... осталось бойцов на Керченском полуострове, нет»*. [46]

В некоторых частях количество пропавших без вести в несколько раз превышало число погибших.

В своих мемуарах Я.Я. Вербов напишет:

«На крымской земле немецко-фашистские захватчики потеряли только убитыми и пленёнными свыше полмиллиона человек. Огромное количество различной техники. О кровопролитных боях на крымской земле нам напоминают более трёх тысяч памятников и братских могил советских воинов».

А семья попавшего в плен не подлежала социальному обеспечению, да и боец или командир, попавший в плен, приравнивался к «врагам народа».

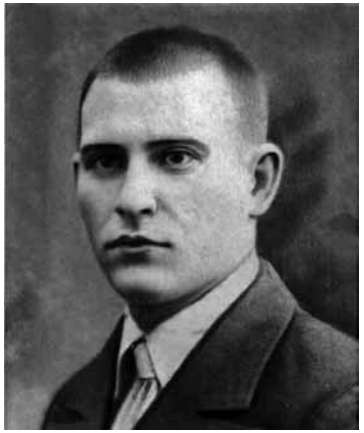
Раненые и истощённые, бойцы и командиры Крымского фронта, попавшие в плен в мае 1942 года, были собранны на территории временного лагеря. Лагерь расположился здесь же, на побережье пролива. Фрицы решили, что в таком состоянии вряд ли кто-то из пленных сможет сбежать и переплыть в холодной воде 4 километровый пролив, и установили по периметру лагеря лишь небольшое охранение.

На такой риск пошли не многое. Из числа сбежавших и переплывших пролив был и наш земляк Леонид Афанасьевич Попов.

Леонид Афанасьевич, уроженец ст. Романовской, был мобилизован 7 июля 1941 года Константиновским райвоенкоматом. После окончания ускоренных курсов Ростовского пехотного училища младший командир сержант Попов Л.А. сдерживал врага на подступах к Таганрогу, где в очередном бою пропал без вести.

По воспоминаниям его супруги Валентины Григорьевны, он дважды попадал в плен, бежал. Один раз ему удалось бежать, переплыв Керченский пролив.

По данным ЦАМО РФ, сержант Попов Л.А. пробыл в лагерях более двух лет. Находился в одном из лагерей на территории Украины (г. Баштаны). В 1944 году освобождён и в составе 147-го фронтового запасного стрелкового полка принял участие в освобождении Венгрии, где был тяжело ранен и отравлен на лечение.



Л.А. Попов

В одних источниках [4] упоминается о героизме армейского комиссара Л.З. Мехлиса и неуверенности командующего Козлова Д.Т., в других [36] – о некомпетентности Мехлиса, на действия которого в июле 1942 года жаловались и на Южном фронте.

В докладе начальника штаба Юго-Западного фронта начальнику Генштаба А.М. Василевскому от 10 июля 1942 года сообщается, что Харитонов и Мехлис забирают транспорт для разоружения отступающих солдат и офицеров. А в 14-м ТК имеется недостаток в автотранспорте и тракторах, не организован подвоз боеприпасов. (Сайт «Дон-2012»).

Если у А.В. Исаева отмечается героизм комиссара Л.З. Мехлиса, мотающегося на «газике» по фронту во время эвакуации, то адмирал Н.Г. Кузнецов в своих мемуарах оценил эти «мотания» иначе: *«... Мехлис во время боя носился на «газике» под огнём, пытаясь остановить отходящие войска, но всё было напрасно. В такой момент решающее значение имеет не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твёрдый порядок и дисциплина».* [33]

А вот свидетельство участника боёв: *«Л. Мехлис считал, что работоспособностью, жестокостью и волюнтаризмом можно решать даже стратегические задачи. Не считаясь с мнением специалистов и должностных лиц, зачастую требуя выполнения поставленных задач через головы прямых начальников, что создавало в работе неразбериху, он сводил на нет инициативу руководителей различных рангов, привносил своим появлением атмосферу подозрительности и нервозности»*. Л.Г. Иванов. [39]

Итог Крымской оборонительной операции мая 1942 года печален, но вывод в истории Великой Отечественной войны сделан: неудачи на Крымском фронте частично компенсировались задержкой большого количества войск Германского вермахта на несколько месяцев и их потерями. Части Красной Армии и флота, сражавшиеся на Крымском фронте, не позволили перенести тяжесть сражений на Ростовское направление и на Кавказ.

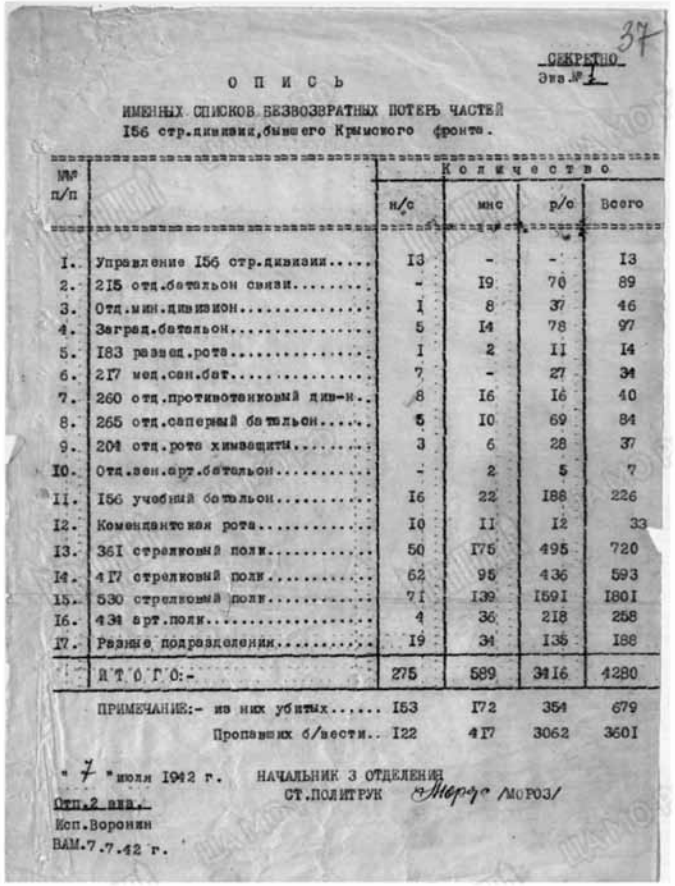
Части 400-й дивизии пополнили 77-ю СД, вошедшую в состав 47-й Армии, которая осталась в обороне Таманского полуострова.

44-я Армия перешла в состав Закавказского фронта, 51-я Армия после пополнения приняла оборону южного берега Дона.

Операция «Брауншвейг» продолжалась. Фашисты стремились уничтожить наши войска южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону и нанести удар по Сталинграду с выходом к Астрахани. В составе группы было 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и миномётов, до 1 тыс. боевых самолётов.

Полковник Я.Я. Вербов и его однополчане по Крымскому фронту из числа бойцов и командиров 156-й СД снова встретятся с прежним врагом, но уже на донской земле в составе 51-й армии, где будут сражаться бок о бок с частями 302-й СД.

29 мая 1942 года, согласно приказа НКО № 04476, Я.Я. Вербов назначен на должность командира 156-й стрелковой дивизии 51-й армии (ком. армии В.Ф. Труфанов) и отправлен в район ст. Ладожской, где формировалась дивизия. Измотанной в боях на Крымском фронте, 156-й СД была приготовлена участь 400-й СД – оборона, прикрытие отступающих войск Красной Армии и – забвение...



37

СЕКРЕТНО
Экз.№ 1

О П И С Ь

ИМЕННЫХ СПИСКОВ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ ЧАСТЕЙ
156 стр.дивизии, бывшего Крымского фронта.

№№ п/п		Количество			
		н/с	мнс	р/с	Всего
1.	Управление 156 стр.дивизии	13	-	-	13
2.	215 отд.батальон связи	-	19	70	89
3.	Отд.мин.дивизион	1	8	37	46
4.	Заград.батальон	5	14	78	97
5.	183 развед.рота	1	2	11	14
6.	217 мед.сан.бат	7	-	27	34
7.	260 отд.противотанковый див-н	8	16	16	40
8.	265 отд.саперный батальон	5	10	69	84
9.	204 отд.рота химзащиты	3	6	28	37
10.	Отд.зен.арт.батальон	-	2	5	7
11.	156 учебный батальон	16	22	188	226
12.	Комендантская рота	10	11	12	33
13.	361 стрелковый полк	50	175	495	720
14.	417 стрелковый полк	62	95	436	593
15.	530 стрелковый полк	71	139	1591	1801
16.	434 арт.полк	4	36	218	258
17.	Разные подразделения	19	34	135	188
	ИТОГО:-	275	589	3416	4280
	ПРИМЕЧАНИЕ:- из них убитых	153	172	354	679
	Пропавших б/вести	122	417	3062	3601

"7" июля 1942 г. НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ
СТ.ПОЛИТРУК /МОРОЗ/

Отп.2 экз.
Исп.Воронин
ВАМ.7.7.42 г.

Безвозвратные потери личного состава 156-й СД на Крымском фронте, 1942 г.

О кровопролитных боях на донской земле в июле 1942 года в автобиографиях и анкетах Вербов упоминает мало. В биографии Яков Яковлевич скромно напишет: «Не закончив формирования, в июне дивизия выдвинулась на занятие рубежа на левом берегу реки Дон. Предстояло занять рубеж у станиц Николаевской, Константиновской и Семикаракорской на фронте протяжённостью в 60 км. Дивизией командовал по октябрь 1942 года».

И далее: *«Принимал участие в битве на Волге в составе 51-й Армии на Сталинградском фронте. В октябре переведён на Закавказский фронт командиром 408-й СД, затем 7-й бригадой в 56-й, 18-й и 47-й армиях Черноморской группы войск под Майкопом, Туапсе, Новороссийском, Горячим Ключом и Краснодаром».*

Что же произошло в июле 1942 года на Донском рубеже?

В семейном архиве мы нашли только одно письмо однополчанина, бывшего артиллериста Кривошеева Тимофея Ивановича, командира 3-й батареи 498-го артполка, председателя совета ветеранов 156-й СД.

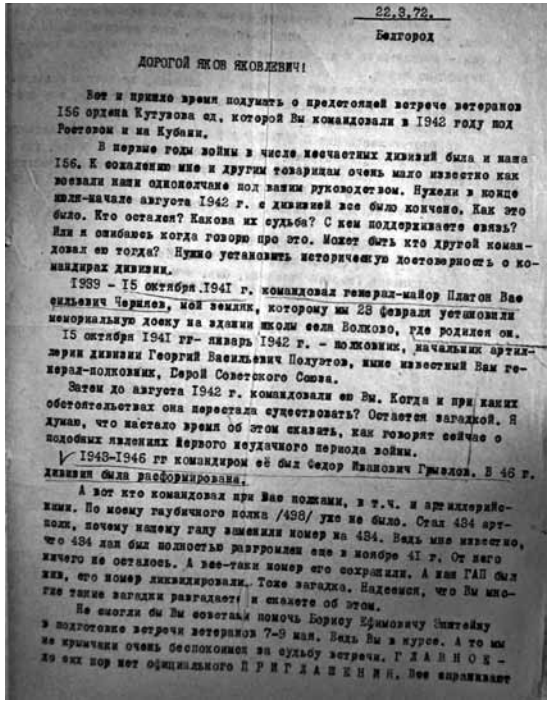
«... В первые годы войны в числе несчастных дивизий была и наша 156-я СД. К сожалению, мне и моим товарищам мало известно, как воевали наши однополчане под Вашим руководством.

Неужели в конце июля – начале августа с дивизией всё было покончено? Как это было? Кто остался жив? И какова их судьба?

Когда и при каких обстоятельствах она перестала существовать, остаётся загадкой. До августа месяца командовали ею Вы. С 1943 года по 1946 год – Ф.И. Грызлов...»

Далее в письме Кривошеев задаёт вопросы о нумерации полков: «Почему произошла перенумерация артполка? Кто были командиры стрелковых и артиллерийских полков?..»

И т. д.



22.3.72.

Белгород

ДОРОГОЙ ЯКОВ ЯКОВЛЕВИЧ!

Вот и пришло время подумать о предстоящей встрече ветеранов 156 ордена Кутузова сд, которой Вы командовали в 1942 году под Ростовом и на Кубани.

В первые годы войны в числе несчастных дивизий была и наша 156. К сожалению мне и другим товарищам очень мало известно как воевали наши однополчане под вашим руководством. Нужели в конце июля-начале августа 1942 г. с дивизией все было кончено. Как это было. Кто остался? Какова их судьба? С кем поддерживаете связь? Или я ошибаюсь когда говорю про это. Может быть кто другой командовал ею тогда? Нужно установить историческую достоверность о командирах дивизии.

1939 - 15 октября 1941 г. командовал генерал-майор Платон Васильевич Черняев, мой земляк, которому мы 23 февраля установили мемориальную доску на здании школы села Волково, где родился он.

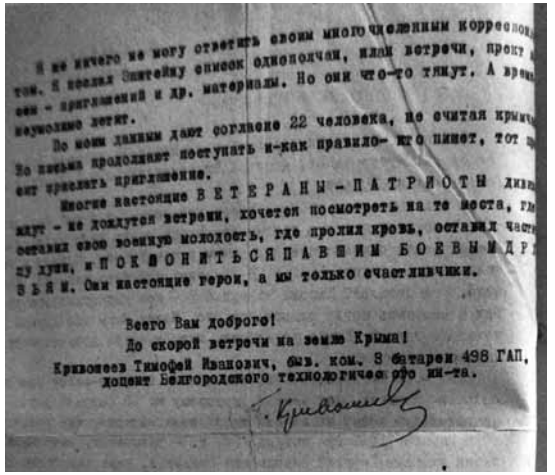
15 октября 1941 гг- январь 1942 г. - полковник, начальник артиллерии дивизии Георгий Васильевич Полуэтов, ныне известный Вам генерал-полковник, Герой Советского Союза.

Затем до августа 1942 г. командовали ею Вы. Когда и при каких обстоятельствах она перестала существовать? Остается загадкой. Я думаю, что настало время об этом сказать, как говорят сейчас о подобных явлениях первого неудачного периода войны.

1943-1946 гг командиром её был Федор Иванович Грызлов. В 46 г. дивизия была расформирована.

А вот кто командовал при Вас полками, в т.ч. и артиллерийскими. По моему гаубичного полка /498/ уже не было. Стал 434 артполк, почему нашему гаду заменили номер на 434. Ведь мне известно, что 434 лап был полностью разгромлен еще в ноябре 41 г. От него ничего не осталось. А все-таки номер его сохранили. А наш ГАП был жив, его номер ликвидировали. Тоже загадка. Надеемся, что Вы многие такие загадки разгадаете и скажете об этом.

Не смогли бы Вы советами помочь Борису Ефимовичу Эпштейну в подготовке встречи ветеранов 7-9 мая. Ведь Вы в курсе. А то мы не крымчаки очень беспокоимся за судьбу встречи. Г Л А В Н О К - до сих пор нет официального П Р И Г Л А Ш Е Н И Я. Все спрашивают



Я не ничего не могу ответить своим многочисленным корреспон... том. Я послал Эпштейну список однополчан, план встречи, проект ... сен - приглашений и др. материалы. Но они что-то тянут. А врем... неумолимо летит.

По моим данным дают согласие 22 человека, не считая крымч... Во письма продолжают поступать и-как правило- кто пишет, тот ... сит прислать приглашение.

Многие настоящие В Е Т Е Р А Н Ы - П А Т Р И О Т Ы див... ждут - не дождутся встречи, хочется посмотреть на те места, гд... оставил свою военную молодость, где пролил кровь, оставил част... цу души, и П О К Л О Н И Т Ь С Я П А В Ш И М Б О Е В Ы М Д Р... З Ь Я М. Они настоящие герои, а мы только счастливчики.

Всего Вам доброго!

До скорой встречи на земле Крыма!

Кривошеев Тимофей Иванович, быв. ком. 3 батареи 498 ГАП, доцент Белгородского технологического ин-та.

Т. Кривошеев

Почему командир дивизии, так часто описывая в своих воспоминаниях бои на подступах к Москве, на Крымском полуострове, в Прибалтике, не упоминает о боях на Дону?

Командир огневого взвода лейтенант Кривошеев Тимофей Иванович за бои на Крымском фронте 28 октября 1941 года был награждён орденом «Красного Знамени». Своему бывшему командиру дивизии полковнику Я.Я. Вербову он задаёт вопросы, на которые до сих пор нет ответов.

Что ответил ему генерал? Почему сам Кривошеев, как председатель совета, не знает ответов на многие вопросы о боях дивизии на Донском рубеже?

Очевидно, и однополчане Я.Я. Вербова, входившие в совет ветеранов 156-й дивизии в 1970-е годы, также не знали ответов на поставленные Кривошеевым вопросы.

В своих воспоминаниях Я.Я. Вербов писал: *«Суровые бои под Сталинградом и на Дону навсегда останутся в благодарной памяти потомков».*

По воспоминаниям дочери генерала, совета ветеранов 156-й стрелковой дивизии давно нет, и найти ответы на многие вопросы нам уже вряд ли кто поможет. И действительно, прошло 77 лет.

Бои 156-й стрелковой дивизии с 17 по 28 июля на Донском рубеже так и остались белым пятном в истории Великой Отечественной войны на многие годы.

Можно понять полковника Я.Я. Вербова, неоднократно пережившего опасные повороты судьбы в своей военной карьере. В одном из печатных крымских изданий о нём пишет Татьяна Акимова: *«В конце 30-х годов в воздухе будто висело неосязаемое, но близкое и тревожное ожидание. По армии прошёлся частый гребень арестов, закончилась такая бурная и блестящая карьера множества командиров. В 1939 году майор Вербов назначен на должность командира 264-го полка 3-й Крымской дивизии и через три месяца убывает в Монголию. Скорее всего, поэтому репрессии обошли его стороной».*

Возможно и так. Ведь вскоре майор Я.Я. Вербов, перескочив через звание, перед Великой Отечественной войной получил звание полковника.

В этот период, по воспоминаниям дочери Якова Яковлевича, Татьяны, несколько семей их родственников попали под жернова репрессий. Талантливых командиров Красной Армии и военспецов забирали и увозили в неизвестном направлении. Страх витал в воздухе над каждой семьёй. Люди перестали общаться со своими родственниками, друзья забыли дорогу в дома «врагов народа». Страх поселился в душах людей.

С началом войны большую часть военных и специалистов отпустили, и они снова занимались военными разработками, командовали частями в армии и на флоте. Этот страх прошедших репрессий надолго останется в памяти людей, узнавших застенки тюрем и лагерей.

Судьба воинской службы Я.Я. Вербова распорядилась так, что он, как и ряд его сослуживцев-командиров, вышедших с Керченского полуострова и уцелевших после решений трибуналов, будет брошен в очередное жерло войны Южного фронта. Они примут участие в героических сражениях на Донском рубеже, станут очередной жертвой выполнения гитлеровского плана «Блау» («Синий»).

Полковник Я.Я. Вербов повторно окажется в центре героических сражений на южном крыле боевых действий Великой Отечественной войны. Командуя недоукомплектованной дивизией, вышедшей с Крымского фронта, в конце июля 1942 года, оставаясь без тылового обеспечения, 156-я стрелковая дивизия будет переведена в состав отступающей 37-й армии на усиление обороны. Оказавшись в мешке танковых и моторизованных частей Германского вермахта, не меняя позиций, практически без связи со штабом армии, она будет прикрывать отход других диви-

зий, как на Крымском фронте 400-я СД. Приняв основной удар противника совместно с 110-й ОККД на Донском рубеже от ст. Николаевской до ст. Семикаракорской, последними снарядами и минами отбивая атаки противника до 28 июля 1942 года, разрозненными группами она будет пробиваться к отступающему фронту. И так же, как 400-я СД, будет забыта в истории войны.

Постараюсь восстановить хронику событий июля 1942 года на Донском рубеже.

Глава 3.

156-я стрелковая дивизия

В связи с продвижением противника к Кавказу, командованием Красной Армии было принято решение по усилению донских рубежей.

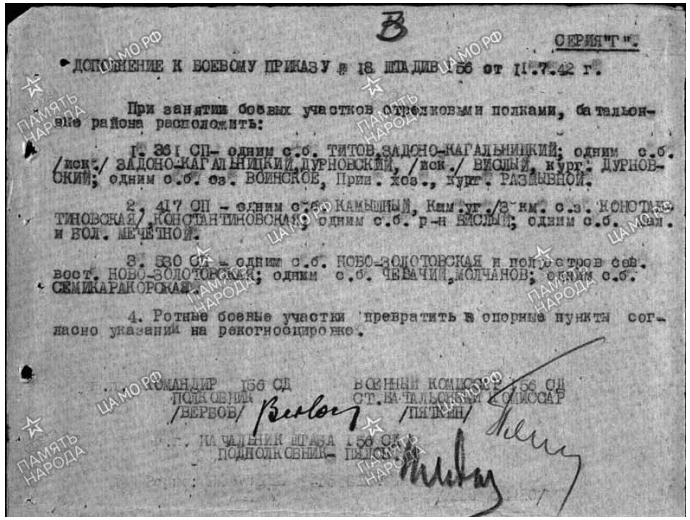
С 17 июня штаб 51-й армии переводится в Мечетинскую, приближаясь к передовой линии обороны. Вошедшие в состав армии новые части (138-я, 156-я, 157-я СД) доукомплектовывались и перебрасывались для занятия отведённых им участков обороны.

С 30 июня командующим 51-й Армии назначается генерал-майор Труфанов Н.И.

На случай вторжения противника в пределы Северного Кавказа, на основании директивы Ставки от 10.07.1942 г., в Генеральный штаб направляется план действий СКФ, которым определяется и распределение сил 51-й Армии, где 1-й рубеж обороны по реке Дон занимают: 110-я КД, 156-я, 157-я и 91-я стрелковые дивизии.

6 июля дивизия выгрузилась на станции Верблюд, западнее Мечетинской, и проследовала маршем к месту дислокации.

Батальоны 361-го стрелкового полка занимают оборону: х. Вислый – озеро Воинское – курган Размывной. Батальоны 417-го СП: х. Камышный – п. Константиновский – х. Вислый – х. Б.-Мечетный. Батальоны 530-го СП: х. Новозолотовский – остров Лучка – х. Чебачий – х. Молчанов – ст. Семикаракорская.



В

СЕРИЯ "Г".

ДОПОЛНЕНИЕ К БОЕВОМУ ПРИКАЗУ № 18 ШТАДИВ 156 от 11.7.42 г.

При занятии боевых участков стрелковыми полками, батальонные района расположить:

1. 361 СП – одним с.б. ТИТОВ, ЗАДОНО-КАГАЛЬНИЦКИЙ; одним с.б. /иск./ ЗАДОНО-КАГАЛЬНИЦКИЙ, ДУРНОВСКИЙ, /иск./ ВИСЛЫЙ, кург. ДУРНОВСКИЙ; одним с.б. оз. ВОИНСКОЕ, Прин. хоз., кург. РАЗМЫВНОЙ.

2. 417 СП – одним с.б. КАМЫШНЫЙ, Кам. уг. /3 км. с.з. КОНСТАНТИНОВСКАЯ/, КОНСТАНТИНОВСКАЯ; одним с.б. р-н ВИСЛЫЙ; одним с.б. Мал. и Бол. МЕЧЕТНОЙ.

3. 530 СП – одним с.б. НОВО-ЗОЛОТОВСКАЯ и полуостров сев. вост. НОВО-ЗОЛОТОВСКАЯ; одним с.б. ЧЕБАЧИЙ, МОЛЧАНОВ; одним с.б. СЕМИКАРАКОРСКАЯ.

4. Ротные боевые участки превратить в опорные пункты согласно указаний на рекогносцировке.

КОМАНДИР 156 СД
ПОЛКОВНИК
/ВЕРБОВ/

ВОЕННЫЙ КОМИССАР 156 СД
СТ. БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
/ПЯТКИН/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 156 СД
ПОДПОЛКОВНИК – ПЯТКИН

12.07.42 года по 51-й Армии выходит боевой приказ № 003 о занятии рубежей обороны с готовностью обороны к 18 июля, а инженерных работ первой очереди – к 1 августа. Штарм 51-й Армии расположить с 15.7.42 в г. Сальске, управление дивизии – Мечетинская, Зимовники.

156-я СД с отдельным танковым батальоном (фронт обороны 50 км) – расположить на южном берегу р. Дон, на участке (иск) Титов, Семикаракорская, с предмостным укреплением на северном берегу р. Дон в районе Константиновская... Ударная группа – один стрелковый полк – в районе конесовхоза № 36, Шаминский, Топилинский.

Но на следующий день, 14.07, согласно дополнения к приказу № 003, танковые батальоны исключаются из состава армии (все танковые части Северо-Кавказского фронта отправляются на усиление Южного и Сталинградского фронтов).

По состоянию на 13 июля части дивизии занимали следующие позиции:

361-й стрелковый полк – х. Титов, х. Задоно-Кагальницкий, х. Дурной;

417-й стрелковый полк – Задоно-Кагальницкий, ст. Константиновская;

1-й и 3-й дивизион 434-го АП (артиллерийского полка) – 2,5 км севернее х. Мечетный;

530-й стрелковый полк – х. Молчановский;

2-й дивизион 434-го АП – х. Ново-Золотовский, х. Чебачий, станица Семикаракорская.

Из воспоминаний начальника штаба 17-го армейского корпуса Ганса Дерра:

«13 июля верховный главнокомандующий отдал приказ следующего содержания.

1-й и 4-й танковым армиям ускоренным маршем выйти в район устья р. Донец, затем повернуть на запад и, двигаясь по обе стороны от р. Дон (1-я танковая армия — севернее, а 4-я танковая армия – южнее его), нанести удар на Ростов, чтобы вместе с продвигавшейся с севера 17-й армией уничтожить главные силы русских, которые, по имеющимся данным, находятся между реками Дон и Донец севернее Ростова.

4-я танковая армия по этому приказу получила задачу по возможности быстрее захватить плацдармы на берегу р. Дон у ст. Константиновской и восточнее её». [17]

В приказе фюрера подчёркивалось: *«Важно заблаговременно захватить переправы через Дон в районе Константиновской и Цимлянской, создать плацдарм на левом берегу Дона»* (ЦАМО, Ф. 500, Оп. 12462, Д. 196, Л. 76).

Таким образом, предполагалось заблокировать выход отступающих войск Красной Армии к Ростову-на-Дону и подготовить донские переправы к переброске основных сил через водный рубеж.

Как бы ни было хорошо и гладко написано в мемуарах маршалов и генералов, в литературе советского периода о героических боях на Донском рубеже в июле 1942 года, но и тогда упоминались ошибки командования, недоработка штабов и недостаточная работа инженерных частей и тылового обеспечения.

Сегодня, благодаря доступности первоисточников – архивов и воспоминаний участников тех боёв, мы можем более подробно узнать и оценить настоящий героизм воинов – защитников донской земли и, вместе с тем, узнать причины поражения советских войск на Дону в 1942 году.

В жарком июле 1942 года к Дону стекаются потоки отступающих частей разбитых армий. Идёт мобилизация населения донских городов, станиц и хуторов на строительство оборонительных рубежей. Дополнительными частями усиливается Донской рубеж в районе Цимлянская – Багаевская. По распоряжению 51-й Армии в ночь на 14 июля 1230-й гаубичный артполк резерва Командования (РГК) перекатами перебрасывается в полосу обороны 156-й СД. Но до 19 июля, из-за отсутствия тракторов и автомашин, в полк не могли подвезти снарядов.

Противник, встречая на своём пути измотанные в боях, недоукомплектованные части Красной Армии, вероломно двигался к Дону. Кольцо окружения вокруг армий Юго-Западного фронта сужалось. Немецкие танки 4-й танковой армии 12 июля вошли в Миллерово, а танки 1-й танковой армии приблизились к Каменску-Шахтинскому.

4-й ТА в 9.30 получает указание направить группу для усиления 29-й моторизованной дивизии, с целью преследования противника в направлении на Цимлянск.

В 12.45 из 4-й ТА поступает сообщение: на основании воздушной разведки установлено, что советские войска из Донецкого бассейна стремятся отступить на юг и юго-восток. Для блокировки отступающих советских войск армия предлагает провести удар танковым корпусом по переправе через Дон в районе Константиновской.

В свою очередь, Ставка Верховного Командования Красной Армии предполагала, что отступающие части Южного фронта смогут организовать оборону на левом берегу реки. В связи с этим 15 июля в 23.00 командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский получил приказ Ставки ВГК об отводе войск за Дон и организации обороны совместно с 51-й армией Северо-Кавказского фронта по левому берегу реки от Верхне-Курмоярской до устья Дона.

Через час поступило дополнительное распоряжение начальника Генерального штаба А.М.: Василевского *«...части 51 армии Северо-Кавказского фронта, расположенные на южном берегу р. Дон, переходят в Ваше оперативное подчинение не с 6 часов 16 июля, а с момента выхода частей Южного фронта на рубеж реки Дон – Ростовского укрепрайона»*. (Сборник 1968 г., с. 234, со ссылкой на архивное дело со старой нумерацией: АМО СССР. Ф. 48-а, Оп. 1640, Д. 26, Л. 425).

Сегодня, анализируя события того периода, можно согласиться с мнением авторов других изданий, что если бы Южный фронт с 16 июля установил контакт с частями 51-й армии и начал совместно готовить оборону по рубежу реки Дон, организуя базы снабжения боеприпасами, систему связи, бросив все свои инженерные части на организацию переправ и укрепление оборонительных сооружений, то фронту удалось бы задержать продвижение немецких войск на более значительный период времени и с гораздо меньшими потерями в живой силе и технике.

В действительности же между службами фронтов всю декаду боёв на Донском рубеже так и не были налажены взаимная поддержка и помощь. Северо-Кавказский фронт сворачивал

свои базы снабжения и уничтожал всё, что не мог вывезти. Южный фронт, растерявший на путях отхода свои тыловые службы, не мог обеспечить доставку боеприпасов к своим войскам.

Что происходило на Донском рубеже за несколько дней до появления противника?

Вот что известно из донесений и воспоминаний ветеранов – участников событий.

Как и в Крыму, должного отношения к строительству обороны не было. А ведь среди командиров и начальников разных рангов было много тех, кто имел отношение к событиям на Крымском фронте. Тот же С.М. Будённый, Л.З. Мехлис, мелькающий в донских степях, и др.

Неужели крах Крымского фронта не стал уроком для командования СКФ, ЮФ, да и для Генштаба?

Судя по действиям командования фронтов и отдельных дивизий, факт провала Крымской весенней наступательно-оборонительной операции 1942 года не привлёк особого внимания к организации обороны и обеспечению войск вооружением. В свою очередь, судя по архивным документам, командарм 51-й армии Н.И. Труфанов предлагал командованию фронта переформировать части в обороне, усилив второй и третий эшелоны. Да и сапёрным частям отдавались распоряжения о создании глубокоэшелонированных оборонительных рубежей. Но в результате оказалось, что большая часть этих распоряжений остались на бумаге. В июльской суматохе последних дней перед выходом немецких и румынских частей к Дону, проконтролировать выполнение данных приказов и распоряжений, очевидно, было некому.

Местные старожилы в беседах упоминали, что обороны на Дону практически не было. В основном, восстанавливали прежние траншеи, рвы, вырытые в 1941 году и повреждённые весенним паводком. Новые переправы (за два, три дня перед выходом

немцев к Дону), изготавливали наспех из подручных средств (винных бочек, ломали храмы, амбары и прочие деревянные строения). Новых окопов, валов и рвов не копали, дотов и дзотов не устанавливали. Кое-где на буграх вырывали неглубокие землянки, оборудовав их под огневую точку. Полос заграждений и минных полей не было.

70 лет спустя, в 2000-х годах, проходя по линиям обороны Донского рубежа – змейкам окопов, разбросанным стрелковым ячейкам – невольно удивляешься: кому они были вырыты в голой донской степи? Да ещё порой без надлежащего прикрытия артиллерии и авиации! (Судя по воспоминаниям участников событий и архивным документам РККА и Германского вермахта).

Оборона 156-й дивизии в донской степи. 2017 г.

Из архивных документов и воспоминаний:

«Начальником инженерного управления Южного фронта полковником Прошляковым 14 июля было приказано 35-му ОМПМБ организовать паромную переправу войск на левый берег Дона в районе Мелиховской и Константиновской.

Личный состав 3-й понтонной роты в районе Константиновской работал хорошо, но, по нераспорядительности командования роты, один 16-тонный паром большой площади был потоплен, бросив пятно на блестяще выполненную батальоном задачу.

Службы батальона, особенно продовольственного снабжения личного состава, работали плохо».

Командир 35-го омпмб – майор Номинас,
комиссар – старший политрук Сесипатров,
адъютант – старший лейтенант Ковалев.
(ЦАМО, Ф. 35 ОМПМБ, Оп. 176230, Д. 4, Л. 34)

15 июля авиация противника нанесла первый массированный бомбовый удар по позициям Донского рубежа.

«Севернее Каменска, вплоть до Миллерово, шла сплошная неразбериха боёв, в ходе которых части противника, разрозненные и зажатые между наступающей с запада 1-й танковой армией и наступающей с севера 4-й армией, пытаются группами прорваться в разных направлениях. В то же время 24-я танковая дивизия и дивизия «Великая Германия» быстро продвигаются к востоку из этого опасного района к Дону, почти не встречая серьёзного сопротивления». Ф. Гальдер. [18]

16 июля 1942 года происходит очередное усиление донского рубежа в обороне 51-й армии, в её состав из 47-й А направлются 151-й и 133-й ОЗАД и 18-й ГМП. (Оперативная сводка Север-Кавказского фронта (СКФ) №57 от 16.07.42 г.).

В этот же день, на Южном фронте, согласно директивы фронта № 0394, 37-я армия РККА отводит свои части за Нижний Дон. Хотя ещё на 11.07 армия потеряла связь в управлении. На подходе к Дону от армии остались разрозненные группы.

На участке 156-й стрелковой дивизии 51-й А строится мост в районе Кочетовской и Семикаракорской, который так и не был достроен до подхода противника.

(ЦАМО, ф. 51-й А, оп. 9837, д. 45, л. 137-141).

В этот же день в Горловке проходит совещание группы армий «А». Присутствовали от группы армий: командующий, начальник штаба, первый офицер генерального штаба, офицер связи с авиацией, генерал-полковник Руофф командующий 17-й армией, генерал Миллер начальник штаба 17-й армии, генерал-полковник Клейст командующий 1-й танковой армии, генерал-полковник Гот главнокомандующий 4-й танковой армии, полковник Лангор заместитель начальника генерального штаба 4-й танковой армии; генерал-майор Кортен начальник штаба 4-го воздушного флота. Обсуждается операция форсирования р. Дон.

Генерал-полковник Гот сообщает, что пехотная дивизия «Великая Германия» ещё сегодня достигает Константиновской. 29-я моторизованная дивизия, возможно, уже находится в Цимлянской. Он хотел бы направить по одному корпусу на Константиновскую и Цимлянскую и просит разрешения о том, чтобы после форсирования Дона наступать немедленно дальше на юг или на запад.

Решено:

1-й ТА форсировать р. Северский Донец в районе Каменска, затем – устье р. Быстрой с направлением на Шахты.

4-й ТА 16-ой МД захватить участок между устьем р. Быстрой и устьем р. Северского Донца и перейти в подчинение 1-й ТА.

МД «Великая Германия» форсирует Дон в районе Константиновской, 3-я и 23-я ТД (40 ТК) – в районе Цимлянской.

29-я МД и 24-я ТД (48 ТК) – южнее Дона продвигается в зависимости от обстановки.

3-я МД 4-й ТА быстрым маршем следует за подвижными силами.

17 июля немцы отметили, что *«на фронте наступления 1-й танковой армии командование Красной Армии потеряло управление войсками, имеет место сильное перемещение соединений»*. (ЦАМО, ф. 500, оп. 12462, д. 196, л. 112).

На фронте 48-го танкового корпуса пехотная дивизия «Великая Германия» захватила высоты северо-восточнее Константиновская. Гитлер приказывает, что 1-я и 4-я танковые армии должны продвигаться севернее Дона на Ростов, если в районе Константиновская и Цимлянская при форсировании Дона будет противопоставлено сильное сопротивление противника.

В состав 156-й СД из резервов Главного Командования прибывают 25-й гвардейский миномётный полк в составе 23 установок М-13 и два дивизиона 1230-го гаубичного артполка (12 - 152 мм орудий). Не на каждый участок обороны донских рубежей и не в каждую дивизию поступило подобное подкрепление из резерва командования. Очевидно, понимали важность данного направления, серьёзность создавшегося положения и ответственность Я.Я.Вербова на данном участке обороны. Это всё говорит о доверии со стороны командования фронтом к Вербову Я.Я., что он сумеет правильно организовать оборону и задержать наступающего врага. Подразделения артиллеристов ещё не раз покажут фрицу силу грозного советского оружия в двадцатых числах июля.

По данным архива МО РФ 500 сабель 5-го КК с боями вышли на правый берег Северского Донца в районе 3-го Гвардейского стрелкового корпуса. По спискам потерь, на берегу Дона у п. Константиновского, в районе Зимовной погибает зенитный расчёт 5-го КК и несколько бойцов пропали без вести.

По воспоминаниям старожилов, колонна кавалеристов организованно переправилась на переправе в районе х. Ведерников.

19 июля элитная мотопехотная дивизия вермахта «Великая Германия», переправившись через Северский Донец у хутора Бронницкий, силами одного мотопехотного полка и мотоциклетного батальона нарушила плановый отход войск 9, 24 и 37-й армий, остававшихся в районе между городом Шахты и рекой Северский Донец, превратив отход в паническое бегство. Рассекая массы отступающих войск, «Великая Германия» за сутки прошла около 25 км, взяв в плен в этом районе 780 человек из 73-й СД (471-й стрелковый полк), 2 100 – из 74-й СД, обеспечивавшей прикрытие переправы трёх советских армий через Дон, 1 200 – из 295-й СД, 800 – из 5-го кавкорпуса, ещё 8 500 – из прочих частей, включая тыловые и сапёрные.

Этот факт ясно характеризует неспособность этих дивизий, после переправы на левый берег реки Дон, встать в оборону. Хотя у частей, окружённых у хутора Пухляковский, был захвачен приказ 24-й армии о переходе к обороне на южном берегу Дона (NARA, T315, roll 2282, 159, 160). [11]

По боевым донесениям, наградным листам и спискам потерь, части 37-й армии переправлялись через Константиновскую переправу и переправы Дона и Северского Донца Раздорского района и уходили в тыл 156-й СД и 110-й ОККД.

По военным картам и сводкам советских фронтов, в июле 1942 года донскую оборону напротив Костиногорского держал 530-й стрелковый полк. В районе посёлка Константиновского – первый батальон 417-го (СП) стрелкового полка. Второй и третий батальоны стояли во втором эшелоне за х. Вислый. 361-й СП – напротив х. Кастырочного (в районе Задоно-Кагальницкой МТС).

19.07 на донском рубеже занимает оборону 91-я СД, прибывшая без двух батальонов, двух дивизионов 321-го АП и тылов. 302-я и 157-я стрелковые дивизии продолжают переброску частей с железной дороги. План перевозок по железной до-

роге 138 и 91 сд срывается, вследствие того, что Сталинградский фронт не принимает эшелоны, предназначенные для него. В район Пирожка, напротив ст. Николаевской, прибыл 2-й батальон 503-го СП 91-й СД, где позднее в районе Пирожка и Дубенцовской МТС произошёл первый прорыв обороны советских войск танковыми частями 3 Pz (3-й ТД) и 23 Pz (23-й ТД), (в обход с флангов 2-го батальона 503-й СП).

Напротив ст. Мариинской оборону держал 1-й батальон 503-го СП 91-й СД.

Схема обороны 156-й СД на 17.07.1942 г.

В состав стрелкового полка 156-й СД входили три стрелковых батальона, миномётный батальон, взводы конной и пешей разведки, батареи 76-мм и 45-мм орудий, рота автоматчиков, комендантский взвод, санрота, рота ПВО, рота связи, рота ПТР, транспортная рота, сапёрное подразделение, ветлазарет, взвод химзащиты и, возможно, другие подразделения.

Первый дивизион 434-го артполка занимал оборону за Доном, юго-западнее посёлка Константиновского. На южном берегу, за переправой, расположилась миномётная рота, взвод ПТО, взвод ПТР. Юго-восточней, за лесным массивом – отдельный миномётный дивизион.

Выше п. Константиновского, от перекрёстка дороги на х. Лисичкин и западнее, на курган Камышный, и далее до полевого стана, до МТС, заняли оборону первый батальон 417-го СП, взвод противотанковой артиллерии, второй взвод ПТО, рота ПТР, вторая рота ПТР 260-го отдельного противотанкового дивизиона и миномётная рота. Судя по военным картам РККА, весь район посёлка защищал первый батальон 417-го СП.

Рассмотрим, что происходило на правом берегу Дона при подходе противника к рубежам 156-й СД. Из боевых донесений и разведданных следует:

К утру 15 июля в Константиновской скопилось свыше 1000 автомашин отходящих тылов Южного и Юго-Западного фронтов. На Константиновской переправе мост ещё не закончен. Имеется паром грузоподъёмностью 6 тонн и 7 барж. (ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д.45, л. 90; ф. 48а, оп. 3808, д. 72, л. 29). *(На 17 июля осталась одна баржа. – авт.)*

По ряду документов и воспоминаниям командиров частей 51-й Армии, к началу боёв дивизии и армии, стоящие на Донском рубеже в июле 1942 года, доукомплектованы не были, испыты-

вался недостаток как в личном составе в подразделениях, так и в орудиях, миномётах, стрелковом оружии и боеприпасах.

Подразделения 530-го стрелкового полка 156-й СД вышли на оборонительный рубеж 15 июля и уже 16 июля вступили в бой с частями 29-й моторизированной дивизии противника, усиленной танками 24-й ТД. Тылы и службы не были способны обеспечить части боеприпасами. (ЦАМО, ф. 96-а, оп. 1711, д. 7-а, л. 234).

16 июля в полосе обороны 156-й СД из отступающих частей и соединений переправлено: личного состава 3000 человек, (в т.ч. раненых 350), автомашин – 400, ПТР – 16, орудий разных калибров – 50.

Разведрота дивизии вела разведку в направлении х. Лисичкин – ст. Тацинская. [11]

На начальный период вышедшая из Крыма 156-я СД имела в своём составе 3082 чел., 320-й СД – 1300 чел. Пополнялись они за счёт маршевых рот, выздоравливающих из госпиталей и запасных стрелковых полков.

17 июля авангард немецких дивизий вышел к Дону. К началу боевых действий 156-я стрелковая дивизия имела 8706 чел. личного состава, автомашин – 34, конского состава – 892, винтовок – 7346, автоматов – 740, станковых пулемётов – 81, ручных пулемётов – 180, полевых орудий – 44, противотанковых орудий – 30, миномётов – 222, противотанковых ружей – 287, раций – 23. (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 26, д. 97).

Из боевого донесения № 49 156-й стрелковой дивизии:

«16 июля авиация противника с 6.00 бомбардировала ст. Константиновскую и переправу, ст. Семикаракорскую, хутора Вислый и Большемечетный.

На переправе у ст. Константиновской скопилось несколько тысяч автомашин с грузом, пехотой и артиллерией. Пропускная способность двух паромов – не более 200 машин с грузом в сутки. Противник ежедневно бомбардирует скопление наших войск и автомашины, у переправы имеются несколько сотен жертв и потери материальной части».

(ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 125,126).

По другим данным, на 17 июля у переправ скопилось более 3000 машин и несколько тысяч гужевых повозок. И весь этот транспорт, орудия, вооружение необходимо было укрыть от вражеской авиации, чтобы не стать мишенью для «Юнкерсов». Если ещё учесть, что к Дону тянулись людские потоки отступающих, беженцев, колхозники гнали гурты скота и табуны лошадей...

По воспоминаниям старожилов, по направлению к Дону стояли, не шли, а стояли гужевые повозки в пять колонн. И это только по одной улице (сегодня ул. Ленина)!

Мимо колонн шли отступающие войска. Бурные, широкие людские потоки и автомобильные колонны пополнялись из 5–6 более мелких колонн, которые тянулись по профилям, полями и балками от ст. Николаевской, Тацинской, Морозовской. И всё это – под беспрерывной вражеской бомбёжкой.

Тех, кто погибал на берегу и в посёлке, хоронить было некогда. Хоронили в воронках, наскоро присыпав ещё тёплым от взрыва и палящего солнца грунтом. Других хоронили местные жители. Раненых, умерших от ран, в большей части хоронили за зданием госпиталя, если позволяла территория (за зданием поликлиники). Тела других павших и умерших хоронили на поселковом кладбище, но больше на пустырях посёлка (у Михайловского храма), в балках (Фоминой, Каменой) и в частных дворах, оставляя безымянные могилы на десятилетия.

Из воспоминаний Валентины Николаевны Клёновой:

«Папа ушёл на фронт, а мама работала завхозом в школе механизации. Когда папа ушёл на фронт, мы перешли жить к дедушке с бабушкой на ул. Баумана, дом № 4.

В один из летних дней 1942 года я с братьями пошла за водой к колодцу, который находился под горой. Когда набрали воды и стали подниматься, увидели низко летящие самолёты. Они летели очень низко, потом начали бомбить. Мы в испуганном состоянии бежали домой, видели клубы дыма, разрушенные соседские дома. Вот тогда мы поняли, что такое война.

Первый раз немцы начали бомбить станицу Константиновскую в 3–4 часа дня. Наши войска отступали, на улицах было большое скопление войск и техники. Фашисты бомбили до захода солнца.

За ночь мама и все родственники выкопали окоп в соседнем дворе у тёти Поли, в конце огорода над балкой. Рано утром нас, всех детей, привели к окопу и сказали, что если будут лететь самолёты, чтобы мы прятались в окоп. А сами стали готовить завтрак.

Немецкие самолёты начали бомбить в 7–8 часов утра, без перерыва. Одни улетают, другие уже бомбят.

К нам во двор заехала большая, крытая брезентом машина и легковая, которую называли «бобик». Это эвакуировался военкомат из какого-то города. Возле двора остановилась санитарная машина.

В 8 часов утра немец начал бомбить, несколько солдат спрятались в нашем окопе и стали наблюдать в бинокль, куда летят немецкие самолёты. Фашисты, очевидно, заметили наблюдателей и сбросили несколько бомб на наш окоп. Одна бомба упала в трёх, другая в пяти метрах от окопа. Нас засыпало землёй с дымом и сильным запахом гари. Одна бомба попала в угол флигеля, одна в машину, под которой прятались шофёры и женщина-врач. Их всех убило.

К ночи немец перестал бомбить, военные похоронили своих убитых и взяли у нас адрес. Мама, бабушка, дедушка и тёти с детьми, собрав немного съестного, повели нас в х. Куликовку.

Когда спустились под гору и пошли к хутору Ведерников, где сегодня находится гидроузел, увидели ужасное зрелище. Много убитых наших солдат, разбитые машины, убитые лошади. Всё горит, стоны раненых. Солдаты переправляются через Дон на плотах, на брёвнах, зовут о помощи...

Когда мы ушли за хутор Ведерников, солнце скрылось за горизонтом. Смотрим, очень низко летит самолёт-разведчик «рама». Мы попадали в бурьян. «Рама» улетела, и через несколько минут прилетели другие самолёты и начали строчить из пулемётов по отступающим солдатам. Мы отбежали от них и спрятались в канаве, заросшей камышом.

Когда мы убегали из станицы, взрослые держали нас за руки, боясь потерять. А мы, детвора, потеряли свои сандалии и бежали по бурьяну босиком, но не плакали и не просили кушать. От страха мы прижимались к маме. Она укрывала и согревала нас своим телом. И мы понимали, что такое война. Украденное фашистами детство, голодная раздетая юность не забудутся никогда!

Мы хотели учиться и быть грамотными. Мы тогда думали только об одном – съесть бы кусок настоящего хлеба!

Помню лепёшку, наполовину состоящую из толчёной сухой травы, и корень солодки, который тогда для нас был и сахаром, и конфетой.

Помню тех солдат-освободителей, которые, не жалея своих жизней, защищали нас от фашистов и остались вечно молодыми лежать на полях сражений. Светлая им память!..»

Из воспоминаний Александры Петровны Пономаревой (Романовой):

«Началась война. Осенью мы пришли в школу, а тут всё битком забито эвакуированными. Этих людей вывозили баржами.

Занятия в школе проводились в две смены.

Когда прилетели первые три вражеских самолёта, мы были дома. Это случилось перед самым вечером: солнце было низко, но ещё не село. Самолёты облетели кругом, сбросили бомбы, но ничего не повредили. В следующий налёт немецкая бомба упала выше нас и разнесла наш флигелёк.

Фашисты уничтожили переправу, и отступающие красноармейцы ринулись в сады, а там – страшное дело! Много машин, люди прячутся под вербами, по кустам. Кто мог, плыл, а кто не умел, тот переправлялся на досках.

В один день был такой буран, дождь и гроза! Солдаты поплыли, не видя направления, плыли и тонули.

В июле пришли немцы и начали лазить в лесу по машинам. Потом пригнали пленных, и заставили их разбирать эти машины.

Осенью начался холод, никто не знал, что делать. Ни тракторов, ни скота, ни лошадей – всё эвакуировали. Скот доярки погнали на Урал. Урожай 1942 года был хороший, комбайны скосили, обмолотили. Бурты хлеба лежали под открытым небом, но никто даже не пошёл за ним с мешками. Вот Сталин воспитал! В карман положишь – и то уже 10 лет!

Когда гнали скот, коровы на буртах объедались, там и умирали.

На трудодни тогда деду дали семечки. А бурты семечек и хлеба остались лежать. Никто не пошёл! Бурты пропали! А теперь бы оставили? К утру бы ничего не было!..

Когда в июле пришли немцы, мне было 15 лет, я уже командовала сверстницами. Наберу девчат и пошли за яблоками, грушами. На верховые сады мы не ходили – там немцы разбирали машины, ходили на низовые сады, к Костиным горам.

За Доном, на острове у нас было четыре сада. Осенью 1942 года переправились мы на остров и пошли на Прохоровские сады. Там, где раньше была ферма коневодства, там был и Прохоровский сад, Николая Петровича, сад нашей родственницы и нашей

тётки. Тогда там леса не было, там был колхозный огород. А в сторону станицы были сенокосы, вся середина острова, на весь колхоз хватало.

Пришли туда за яблоками, а там наши солдаты раздетые, голые, это те, кто переплыл Дон. Просят: «Да принесите хоть какую-нибудь рубашонку, да старенькие брюки».

Немец не пришёл к нам в хутор, прошёл выше по профилю, на Сталинград. У нас в хуторе сразу появились атаман и полицаи. Атаманом был папин друг и кум, подлец, ни разу не заступился за маму, только издевался над нами. Полицаи были те, кто бросил фронт и пришёл домой. Ещё у нас была Маечка, она жила в Ростове, а её муж, гад, над ней издевался.

Полицаями были свои: Василий Тихонов и его сын Сашка. Они бросили фронт, пришли и скрывались тут. Зимой в подвале, а после по балкам, по садам скрывались. Их поймали, приехала милиция, забрали Васю, Сашку и Федота. Они сидели тут, в Константиновской милиции, а как налетели немцы и стали бомбить, тогда Тихоновы и пришли. Сначала в садах переждали, там было что поесть.

Было ещё несколько, якобы раненых, самострелы. Все примкнули к атаману: то у прежней власти были, и опять у власти. Издевались над нами полицаи...

А на Дону сколько солдат-утопленников к берегу прибивало!

Одного прибило к берегу. Мы решили: давайте, девки, прикопаем человека, что же птицы глаза выклёвывают. У этого солдата нашли в кармане фотокарточку. На ней, видно, жена и дочка, а на обороте написано, даже вода не размыла: «Люби нас, Володя, крепко и не забывай». Кто он такой? Откуда он? Знают ли родные, как он погиб и где его могила? Конечно, напишут родным, что пропал без вести. Прикопали, присыпали землёй – и готово... Война – это ужас!

Немцы возили нас на профиль. Профиль очищать там, где и сейчас, от моста и выше, раньше здесь дорога была. Осенью были

дожди, грязь до снега. Мы ездили на лошадях, счищали снег. Немец ходит и говорит: «Матка, матка, нихт, нихт!» Медленно, мол, но делайте дело до конца...

Так вот и жили».

Не все верили, что война на пороге, часть людей до последнего думали, что немец не пройдёт через Дон.

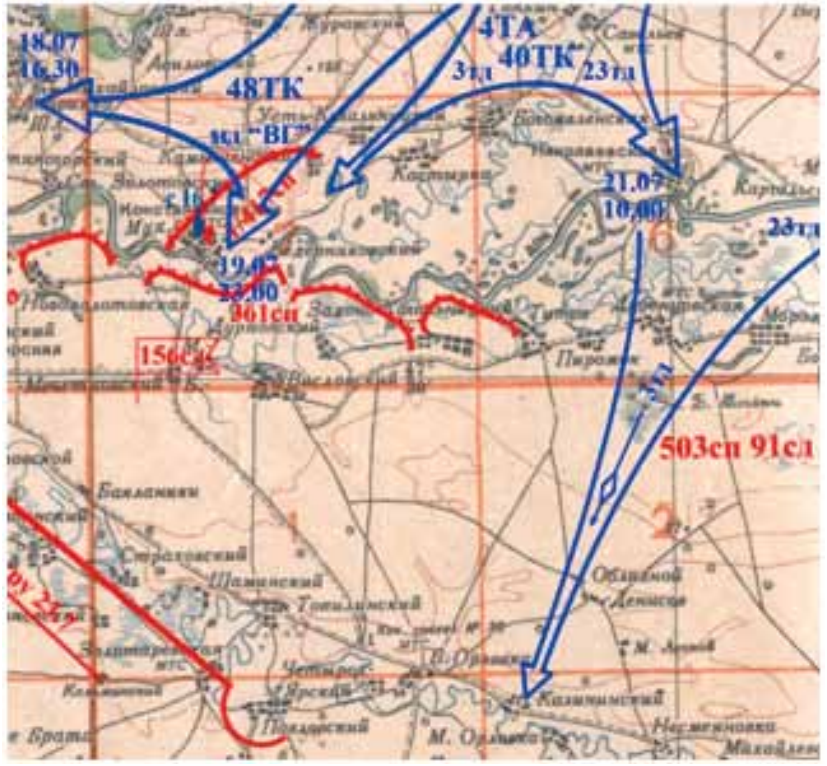
«Когда мы переправились через Дон, и всё же дошли до своих родственников в хутор Задоно-Кагальницкий, то многие не верили нам, что в Константиновской идёт война и надо рыть окопы, спасаться от бомб и снарядов. Некоторые хуторяне ещё считали, что война остановится перед Доном». Т.Н. Чихиркина.

17.07.42 г. заместитель начальника штаба 4-й ТА в 18.25 сообщает, что МД «Великая Германия» достигла участка Дона в районе Константиновской и что южный берег занят крупными советскими частями *(156-ой СД – авт.)*. Он получает указание начальника штаба группы армий, что форсировать Дон можно лишь при незначительном сопротивлении русских, и что вся 4-я ТА, за исключением 29-й МД, должна наступать севернее Дона. Генерал-полковник Гот высказывается против этого нового приказа и настойчиво подчёркивает, что в более позднее время будет вообще труднее форсировать Дон, после того как отступающим советским войскам будет предоставлена возможность укрепиться для занятия обороны на южном берегу.

Однако, после нового доклада фюреру генерал-полковник сообщает, что теперь дан приказ с танковыми армиями севернее Дона наступать на Ростов, исключением из этого распоряжения является 29 моторизованная дивизия. Пехотная дивизия «Великая Германия» должна срочно захватить предмостное укрепление через Донец. [11]

У немцев тоже не всё так гладко, при смене штабквартиры, командующий армиями жалуется на плохую связь со штабами

армий: группы армий слишком поздно сформированы в Германии и они не были – своевременно обучены и подготовлены.



18 – 21.07.1942 года

В начале 2000-х я опрашивал старожилов х. Ведерников. И свидетели тех событий рассказали мне такой эпизод:

«Когда началась бомбёжка переправы х. Ведерников, мы семьёй ушли к родственникам в х. Камышный.

18 июля, за день до оккупации посёлка Константиновского, со стороны ст. Николаевской к хутору подъехали немецкие

мотоциклисты. На окраине хутора стояли несколько десятков гужевых повозок с солдатами – очевидно, отступающий обоз. Все они были вооружены винтовками и при появлении немцев спрятались за повозки.

Внезапно из хутора выехал красноармейский конный разъезд, очевидно, разведчики, и завязалась перестрелка. Одного всадника немцы ранили, кавалеристы отступили к Дону, а немцы уехали к профилю и остались там в ожидании.

Раненый очень сильно кричал, и, видя людей около обоза, звал на помощь. Но мы и обозники боялись выйти на открытую местность, боялись, что немец увидит, вернётся и всех расстреляет.

Через два часа немцы уехали, и мы, не выдержав стонов и криков о помощи, привели раненого кавалериста к повозкам, где его перевязали. Ночью его забрали свои сослуживцы, переплывшие на лошадях через Дон».

Возможно, это была конная разведка 156-й СД, возможно, кавалеристы 5-го КК. А, может, и из 110-й ОККД. Сведений об этом нет.

На рубеже обороны 156-й СД группа автоматчиков противника при поддержке шести танков пыталась прорваться в сторону Константиновской. Их атака была отбита. Но данный рубеж обороны был потерян по вине командира батальона, удерживающего оборону у посёлка.

«В ночь с 17 на 18 июля в этой дивизии исключительная растерянность и трусость была проявлена со стороны командира первого батальона 417-го СП.

17 июля в 24.00 командир первого батальона получил донесение о том, что группа танков противника, численностью 70 штук, обошла его правый фланг и вышла в тыл. Вместо того, чтобы проверить данные, он дал приказ на отступление.

Подразделения, не имея никакого соприкосновения с противником и информации об истинном положении дел, получив приказ, отходили неорганизованно. Ночью люди бросали оружие, и вплавь, кто как мог, переправлялись через Дон. Командование полка узнало обо всём только утром 18 июля. Полученные сведения не позволили задержать батальон на своём боевом участке.

Проверкой, проведённой командиром дивизии, установлено, что на участке первого батальона никаких танков и автоматчиков на позиции не было. На позиции участка первого батальона выдвинут 2-й батальон, а остатки первого батальона, в количестве около 50 человек, переведены на левый берег Дона. Дело политрука стрелковой роты, допустившего на своём участке панику, будет разбираться. Командир 1-го батальона освобождён от должности и передан суду Военного трибунала.

Военком 417-го стрелкового полка, прибывший в момент паники 17 июля в 24.00, возвратившись с места событий, докладывал о стойкости батальона».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 783, д. 24; из политдонесения 51-й Армии).

К сожалению, как в дальнейшем будет указываться в донесениях 156-й СД, «оборону у посёлка держит «*усиленный батальон» (2-й батальон – авт.)*, который уже не сможет занять прежних позиций, ввиду стремительного наступления войск противника. А усилен он будет, очевидно, бойцами первого батальона 417-го СП, которые не успели отступить за Дон, а также бойцами и командирами из числа отступающих частей.

В это же день (17 июля), по воспоминаниям Ф. Гальдера, передовые подразделения вышли на перекрёсток дорог Шахты – Тацинская – Цимлянск:

«17.07. Пехота следует вплотную за подвижными соединениями. 4-я танковая армия, силами дивизии «Великая Германия» и 29-й моторизованной дивизии, вышла к р. Дон восточнее устья р. Донца. Никаких мостов.

Противоположный берег занят противником. При движении вдоль р. Дон 6-я армия не встречает сопротивления. 48-я танковая дивизия «Великая Германия» захватила высоты северо-восточнее Константиновской.

Немецкие части 16-й дивизии ведут трудные бои с советскими частями и танками и не могут продвинуться через р. Северский Донец без ввода дополнительных сил и контратаки в сторону р. Дон (в том числе на Константиновск – авт.) для овладения донскими переправами». Ф. Гальдер [18]

Даже начальник генштаба германских войск Гальдер в своих мемуарах упоминает об обороне на Донском рубеже Раздорского и Константиновского районов, в том числе бойцами и командирами 156-й СД.

17 июля панику создали танкетки и немецкий десант, который высадили немецкие транспортные самолёты в районе хуторов Таловского и Журавского. Об этом десанте есть упоминание местных жителей:

«За день до прихода немцев в п. Константиновский мы с мамой и ещё многие жители посёлка прятались от бомбёжки в Каменной балке. И нам навстречу попалась группа красноармейцев во главе со старшим сержантом (по три треугольника на петлицах).

Как раз в это время над нами медленно пролетал немецкий транспортный самолёт и сержант заметил: «Будет выброшен немецкий десант». И он скомандовал солдатам: «А ну, пошли, ребята, поймаем этих гадов!

И правда, через некоторое время они вернулись и рассказали взрослым, что убили 17 немецких десантников и покидали их трупы в старый колодец над Таловкой».

Из воспоминаний Н.Н. Михайлова.

Хотя возможно, что и передовой отряд 4-й немецкой ТА, вышедший к Дону, могли видеть бойцы первого батальона 417-го СП. Об этом есть упоминание у Г. Дерра:

«17 июля заместитель начальника штаба 4-й танковой армии в 18.25 докладывал, что моторизованная дивизия «Великая Германия» достигла участка р. Дон в районе ст. Константиновской». (В районе ст. Николаевской – авт.)

Из воспоминаний того же жителя п. Константиновского Н.Н. Михайлова:

«Поднявшись из х. Таловского на бугор, я увидел, как по степи, севернее станицы, поднимая клубы пыли, мчится армада немецкой техники в сторону Северского Донца. Такого количества разной техники я ещё никогда не видел».

Из донесений 156-й СД: В 20.00 1/417СП 156 СД:

«В районе Камышенской (хутор Камышный – авт.) имел соприкосновение с мелкими разведгруппами противника с одним орудием, пытавшимися разведать район Константиновская».

Из архивных документов 156-й СД:

«Находившиеся в станице Константиновская ЭГ-1596 и ЭГ-2094 Южного фронта сгорели при бомбёжке, большинство раненых успели эвакуировать и отправить их через Б. Орловку на Пролетарск и Сальск».

Из этого донесения следует, что большинство раненых эвакуировали с учётом всех находящихся в посёлке на момент бом-

бёжки госпиталей. Однако, из воспоминаний местных жителей известно, что в эти дни не всем раненым удалось избежать гибели от вражеской авиации. А судя по отчётам, объяснительным и воспоминаниям работников госпиталей, поимённый учёт оставшихся на левом берегу, сгоревших заживо и погибших от ран и бомбёжки в последний день обороны 19 июля в ряде случаев не проводился.

Из воспоминаний очевидцев:

«Обгоревшие раненые, оставляя кровавые следы, ползли через дорогу к соседним зданиям, чтобы укрыться от огня в холодных подвалах. До позднего вечера из завала догорающего госпиталя слышались крики о помощи и стоны. Как это было всё ужасно...

После освобождения Константиновска от оккупантов, весной 1943 года начали разбирать старые разрушенные здания. Под развалинами сгоревшего здания, где в июле 1942 года располагался госпиталь, находили десятки обгоревших тел погибших бойцов Красной Армии...

При очередной бомбёжке разбомбили двухэтажный госпиталь. Какие оттуда были крики – жуть!». А.Я. Филимонова.

«Моя мама (Кикичева Зоя) и её подруга (Маргушина Маша) помогали переносить раненых из госпиталя (ныне бывшая лечебница по ул. 9 Января) на понтонную переправу, девчонкам было по 17 лет...». Наталья Маленкова.

Согласно политдонесения ФЭП 34 № 20/1 от 23.07.42 г.:

«ЭГ-1595 расположен в станице Константиновской. Начальник госпиталя – Митлен Зиновий Михайлович, комиссар госпиталя – Павленко Яков Федорович. При расследовании установлено: по заявлению санитара, в госпитале осталось до 50 человек тяжелораненых, и, уже будучи на переправе, он слышал оружейные и пулемётные выстрелы в Константиновской.

При личной беседе с военврачом 3-го ранга, т. Тютюников Георгий Григорьевич заявлял, что с 16 на 17 июля ночью весь личный состав выехал, в госпитале осталось около 30 человек тяжелораненых. Вывод: следует считать, что командование госпиталем оставило около 50 чел. тяжелораненых и своевременно не эвакуировало их, несмотря на то, что в их распоряжении ещё было достаточно времени – примерно около суток. Командование ЭГ на 200 человек обслуживающего персонала имело полную возможность забрать их автотранспортом, гужевым транспортом или даже на носилках перенести до переправы и переправиться с ними, что командованием не было сделано».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 783, д.10, л.437).

Если к 15-16 июля к переправам вышло несколько тысяч машин и повозок, тысячи отступающих и эвакуирующихся, то сколько же было техники и народа на 17-18 июля, когда из числа переправ осталась одна баржа?!

На основании устного приказания начальника инженерных войск Южного фронта 35-го омпмб, имеются паромные переправы в х. Ведерников на двух паромах, которые сняты 17.07.42 г. при выходе противника на правый берег р. Дон.

«В хуторе Ведерников в 1942 году боёв не было. В Константиновской был мост, а здесь монтировали переправу на понтонах. А на переправах донская вода кипит, река в огне, стоны раненых. Работают пилы, звенят топоры, всё идёт на постройку плотов: снимаются калитки, заборы, доски. Слышны команды: «Скорее, скорее!»

Загрузив найденную повозку с лошадьми, под утро следующего дня мы отправились в Куликовку. Придя в хутор, мы узнали, что немец взял хутор Ведерников, атакует посёлок Константиновский и уже на подходе к Куликовке». В.П. Базарнова.

Из воспоминаний Т.Н. Чихиркиной:

«Недалеко от нас жил перекатчик (бакенщик). Он рассказывал, что на картах у военных была нанесена переправа через Дон у посёлка Константиновского и около хутора Ведерников. На самом деле, переправа у посёлка была разобрана ещё до прихода войск. Возле переправы скопилось много техники, и при появлении вражеской авиации водители стали угонять машины в балки и в луг. Там немец бомбил их большими бомбами. Бомбёжка повторялась через каждые 15 минут. После бомбёжки в огромных воронках, в воде барахтались вперемежку раненные лошади и люди, вода в воронках от крови была бурой. Кругом стояли стоны и крики о помощи».

Из авиосводок 4-й ВА:

Авиация противника продолжает бомбардировать ст. Константиновскую и переправы. 18.7.42 г. потоплено три катера, одна баржа. В Константиновская взорван склад боеприпасов. По донесению 110-й КД на участке 156-й СД в районе Чебачий подвергается усиленной бомбардировке авиацией противника. В районе Камышиного замечены отдельные группы автоматчиков противника.

«Первый раз Константиновскую немец бомбил в полдень, потом к вечеру, – вспоминает житель г. Константиновска Александр Никифорович Кирьянов. – Помню, после первой бомбёжки побежали мы, местные пацаны, к берегу, где раньше видели много командиров. А там – одни воронки, и на уцелевших деревьях – разорванные части человеческих тел, всё кругом в крови. Страшная картина... Видимо, при отступлении они прятались в прибрежных зарослях, а тут – бомбёжка, вот они и схоронились за деревья. А фашист, гад, угодил бомбами прямо в гущу людей. Страшно!»

18.07 в 22.55 немецкой 4-й танковой армии даётся распоряжение о подготовке к захвату предмостного укрепления через р. Северский Донец пехотной дивизией «Великая Германия». Для подготовки наступления на запад *(на Ростов-на-Дону – авт.)* 16-й моторизированной дивизии приказано как можно скорее подойти к р. Дон с фронтом на запад. Ф. Гальдер. [18]

«Начальнику инженерных войск Южного фронта.

Исх. № 0384, штаб 85-го понтонного батальона.

27.07.42 г, 14.00.

17 июля 1942 г. 85-й ОПМБ получил задание организовать паромную переправу на р. Дон в районе станицы Мелиховской. Несмотря на проливные дожди, что вызвало бездорожье, батальон в полном составе из х. Усть-Быстрянский двинулся к указанному месту переправы. По пути следования батальона колонну трижды атаковывала вражеская авиация, но благодаря умелой организации обороны, материальная часть и личный состав были спасены, получены только две пулевые пробоины в полупонтоне.

От ст. Константиновской до ст. Мелиховской наши войска переправляются на южный берег р. Дон (в основном, автомашины и люди, в большинстве – без оружия). Все переправы происходят паромами, мостов нет, под полной погрузкой работало 3 парома и 4 пристани...». Майор Игнатенко.

(ЦАМО, ф. 85-й миб, оп. 88432, д. 17, л. 185-183).

Из боевого донесения 51-й армии за № 56:

«156-я стрелковая дивизия прочно удерживает х. Титов.

Артиллерия 156-й СД в затруднительном положении – из-за отсутствия автомашин и тракторов».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 18, л. 187; ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 169–198).

Отступающие армии прикрывал 14-й танковый корпус генерал-майора Радкевича Н.Н., сильно потрёпанный в боях под Миллерово и Чертково.

Корпус передан в подчинение командующего 37-й армией, неоднократные попытки которого установить связь с 14-м ТК успеха не имели.

(ЦАМО, ф. 14-й ТК. ф. 3432, оп. 1, д. 1, л. 76-78).

После боёв под Тарасовкой, Каменском и Чертково часть техники отдельных танковых бригад (136-я, 137-я и 138-я) 14-го ТК выходят к Дону у ст. Николаевской и п. Константиновского, следуя за частями 37-й армии.

С 10 по 14 июля 1942 года многие боевые машины 138-й танковой бригады были взорваны из-за отсутствия горючего и неисправностей техчасти машин, во избежание использования их немецкими танкистами. Ряд танков, выходящих из боёв, ушли в неизвестном направлении, и судьба их экипажей осталась неизвестна. *(Это говорит об отсутствии связи между экипажами машин – авт.).* Около 10 автомашин погибли от бомбёжки на Николаевской и Константиновской переправах.

Из материалов: «О закреплении техники». Приказ 138-й т. бр. № 09 от 04.06.42 г., Мин. Воды. ф. 138-й т. бр. (ф. 3212, оп. 1, д. 2, л. 1–6,л. 13–20.)

Согласно июльского плана обороны 51-й армии Северо-Кавказского фронта, командую¬щий фронтом С.М. Будённый поставил армии задачу: в случае попыток про-рыва противника на ростовско-сальском направлении, оборонять берег р. Дон во взаимодействии 156-й СД и 14-го ТК (резерв СКФ).

(ЦАМО, ф. 51 А, оп. 9837, д. 40, л. 1–10).

А ведь до 2014 года информации о том, что танкисты вели героические оборонительные бои на Донском рубеже практически не было, пока ПО «Донской» им. А. Калинина совместно с С.А. Заярным не опубликовали материалы об этом. В своих мемуарах генерал И.А. Плиев упоминает: *«51-я армия до 28 июля не имела ни одного танка».* [48] Но они были на том же Донском рубеже.

18–19 июля танкисты 14-го ТК ведут бои у п. Константиновского, ст. Николаевской, ст. Цимлянской.

На 26 июля отмечает, что после 150 км марша в район сосредоточения, не имея времени для просмотра материальной части, с полузаправкой горючего, корпус вступил в бой с противником, имея задачу задержать продвижение противника и дать возможность отойти армиям за р. Северский Донец. Противник задержан на 1–2 суток, но не разгромлен и не отброшен назад по ряду причин. Негодное плохое вождение войск и управление, особенно в бою. Ни одна бригада, за исключением 138-й, не донесла о месте прохождения маршрутов. Командование 21-й мотострелковой бригады потеряло управление и, двигаясь по своему маршруту, мешало движению 138-й и 139-й танковым бригадам.

138-я бригада вступила в бой с 3-й танковой дивизией противника, не сообщив в штаб корпуса и соседям, что лишило возможности направить усилия корпуса на разгром врага.

Радкевич отмечает трусость и лживые приказы командиров. Элемент трусости проявился в невыполнении приказа командиром роты 136-й т. бр. по разведке противника в районе Малой Орловки. Задача не выполнена. Свои танки принимались за танки противника.

Несмотря на эти недочёты, усугубившиеся недостаточной воинской дисциплиной, а иногда и преступной безответственностью, в частях корпуса имеется масса командиров и комиссаров и особенно бойцов, героически сражавшихся с врагом.

Так, погиб смертью храбрых командир 138-й т. бр. Труфанов, тяжело ранен военком бригады полковой комиссар Колосов. (ЦАМО, ф. 14 ТК (ф. 3432, оп. 1, д. 1, л. 9–13)

Командир 138-й отдельной танковой бригады полковник А.И. Труфанов погиб на Константиновской переправе 19.07.1942 г.

Памятник на берегу Дона г. Константиновск, на места переправы июля 1942 г.

А.И. Труфанов

Говоря о 37-й Армии, в подчинение которой будет переведена 156-я СД, надо учитывать и то, что ещё 11 июля штаб 37-й армии потерял без вести значительную часть работников тыла. Из-за постоянной смены месторасположения войсковых частей была потеряна связь армейских тыловых служб с ними, и заявки воинских частей по обеспечению продфуражом, боеприпасами, ГСМ не выполнялись. Только после переправы через Дон,

штабом управления тылом направлены во все действующие дивизии работники для установления связи. (ЦАМО, ф. 228, оп. 722, д. 50, л. 155).

На 18 июля 37-я армия ещё имела 15774 человека личного состава. 275-я и 102-я стрелковые дивизии 24-й армии должны были занять оборонительные рубежи в районе Апаринского, Усть-Быстрянской, Рубежного, но из-за отсутствия транспорта совершали марш в пешем строю. И только к утру 19 июля подходили к Керчику. В наступление на Бронницкий пошёл только один полк 102-й СД, состоящий из групп комсостава и мелких подразделений.

Из воспоминаний очевидцев, группы комсостава после прорыва танковых и моторизованных частей противника, через переправы Северского Донца отступали к Дону в надежде соединиться с частями 156-й СД. Практически без оружия, без техники они группами уходили к реке, но мало кому удавалось преодолеть водную преграду: тонули, раненые попадали в плен.

19.07.42 г. части 16-й моторизованной дивизии 4-й немецкой танковой армии, после боя с разрозненными советскими частями, достигли р. Северский Донец в населённых пунктах Потаповский, Почтовый, Кременской. С западного берега наблюдалось заметное сопротивление.

Пехотная дивизия «Великая Германия» расширила предмостное укрепление против советских танков в районе пункта Бронницкий. Дивизии мешают форсировать р. Северский Донец крупные контратаки советских войск со стороны Константиновской *(сто пятьдесят шестая стрелковая дивизия Я.Я. Вербова – авт.)*, которые были отбиты, но стоили большого, ценного времени. [18]

В своём дневнике за 19 июля начальник немецкого генштаба Гальдер второй раз упоминает упорные бои и потерянное дра-

гоценное время, которое 16-й МД и 4-й ТА потеряли в боях с частями 156-й СД на Константиновской земле. А на родной земле командование и историки забыли героизм этих бойцов и командиров.

«Нам казалось, что идут две армии. Все бойцы были уставшие, голодные. По многим было видно, что идут они издалека. Отчаявшиеся на благополучное преодоление Дона в станице, они брели правым лесистым берегом реки в надежде на обнаружение моста или парома. Здесь когда-то знаменитые Прохоровские, Романовские, Поповские сады вперемешку с редколесьем укрывали отступающих от вражеской авиации. Видимо, их командиры не знали, что деревянные мосты, построенные летом из разобранных деревянных церквей х. Апаринского и х. Золотовского, были недавно разбиты немецкой авиацией. Подойдя к хутору и узнав, что дальше мостов нет, а впереди и сзади – немцы, некоторые в отчаянии кидались в воду, пытались плыть и тут же тонули. Другие, несмотря на протесты жильцов, снимали калитки, изгороди, разбирали деревянные перекрытия разрушенных домов – всё, что могло удержать на воде, и переправлялись через Дон. До войны при хуторе была рыбацкая артель, но все лодки забрали первые отступающие, и назад, конечно, на них никто не приплыл.

И даже когда в хуторе появились первые немцы, наши солдатики ещё несколько дней шли по ночам, заходили в хаты и просили хлеба. Помню, ночью стучится в двери солдатик, а мы закрылись, боимся. Он обошёл вокруг хаты и во двор к нам: «Мы там лежим над Доном, тётя, дай нам хлеба!» А мать только замесила хлеб. А где же было его столько взять, ведь всем хотелось помочь, всех накормить, но мать не успевала печь хлеб и раздавать отступающим. Казалось, им не будет конца. Мать им говорит: «Ребята, завтра утром хлеб будет готов, приходите, я его вам отдам». А солдатик: «Мать, дай нам поесть сегодня, завтра нас здесь уже не будет...». А.П. Пономарёва.

«Паромные переправы Н2П, прибывшие на подмогу старым донским переправам, не успевали переправлять сотни раненых и беженцев, десятки единиц военной и гражданской техники и отступающие регулярные войска РККА. На переправу тянулись длинные очереди». Н. Шевченко.

«...Через Дон переплыл боец Красной Армии, абсолютно голый, только брючной ремень был на теле, а на ремне – какая-то сумочка. Может, в ней были документы? Постояв несколько минут, он упал замертво. Мы думали, устал и уснул. А он умер – видимо, от разрыва сердца. Так его в этом виде с документами и захоронили здесь же, на берегу, обвалив край крутого склона. Ведь в станицах и хуторах был уже немец...»

«Был конец июля, мы, подростки, купались в Дону, бои прошли, только кое-где на окраине станицы из леса стреляли. Ребята постарше купались и ныряли с поваленного дерева, а я купалась возле берега. Нырнула и вижу, что-то большое поднимается со дна, вынырнула, а это солдат утопленник. Я чуть не утонула, от страха нахлебалась воды, хорошо ребята были рядом, вытащили...

Тогда много убитых плыло по реке». Е.К. Ожогина.

Согласно архивным документам, воины 156-й стрелковой дивизии при прорыве противника на территории соседних дивизий справа и слева не только продолжали держать оборону до последних чисел июля, но неоднократно пытались атаковать противника и занять прежние оборонительные рубежи на правом берегу Дона.

Из хроники событий:

19.07. Из донесения начальнику штаба Северо-Кавказского фронта штарм 51-й армии:

«Передовой отряд 156-й СД, усиленный батальоном, после шестичасового боя с противником оставил н/п Константиновскую. Силы противника составляют до двух батальонов пехоты, до 40 танков, 200 автомашин с артиллерией и миномётами».

19 июля 1942 года в 14.00. ст. Константиновская противником ещё не занята. В ней находится много наших разрозненных частей 38-й общевойсковой армии и 8-й сапёрной армии.

Константиновская обороняется одним стрелковым батальоном 156-й стрелковой дивизии 51-й армии, которая имеет соприкосновение с мелкими группами противника.

Константиновская имеет один паром, баржу и лодки. Также имеется подготовленный наплавной мост на южном берегу, но его нельзя навести из-за отсутствия катера или водного буксира.

Справа от 156-й СД обороняются 302-я и 91-я СД, и слева – 110-я КД. Войск противника на форсировании не наблюдается.

На участке 156-й СД за 19 июля к 16.00 от Константиновской до Мелиховской наши войска переправляются на южный берег р. Дон (в основном, автомашины и люди, в большинстве без оружия). Переправы осуществляются паромами, мостов нет.

(По оперативной разведывательной сводке 4 воздушной армии. Майор Игнатенко. ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 8, л. 262).

В 19.00 одиннадцать немецких танков вышли севернее 3 км Константиновской и вели огонь по боевым порядкам наших частей.

С 20.00 до 23.00 в Константиновской шли уличные бои с прикрывающим батальоном 156-й СД. В результате боя было подожжено 4 танка противника. Наша артиллерия по подходящим колоннам автомашин и танков вела огонь, наблюдались взрывы машин в колонне.

К утру 20 июля прикрывающим батальоном 156-й СД Константиновская была оставлена.

В ночь на 20 июля в полосе 156-й СД переправились: среднего командного состава – 355, младшего комсостава – 175, рядового состава – 307 человек, всего 907 человек, из которых 175 оставлено 417-й СП. Машин – 70, РС – 16, две зенитных пушки, 4 зенитных установки на машинах. (ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 166–169).

Штабом Северо-Кавказского фронта была поставлена задача штабу 51-й армии на облёт 19 июля р. Дон, которая не была выполнена. Облёт производился по штабам 91-й, 156-й стрелковых дивизий, 110-й кавдивизии и ВПУ Зимовники. Вдоль берегов р. Дон облёта не произведено. (Из авиосводок 4-й ВА).

Из воспоминаний нашего земляка, Героя Советского Союза А.А. Свиридова:

«Через Дон переправлялись под покровом темноты на всех доступных нам средствах: плотах, вязанках хвороста, бочках и даже на телеге без колёс». [25]

За 19.07 на переправах Константиновская, Кочетовская, Семикаракорская переправлено людей 3600 человек, из них 100 раненых, лошадей – 1050; автомашин – 314, тракторов – 13, повозок – 400, тяжёлых орудий с передками – 6, орудий 76 мм – 4, зенитных – 4, миномётов 122 мм – 4. (ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 177–178)

Отступали группами, одиночки, частями и соединениями. Так, части 15-й ГСД (командир генерал-майор Василенко) 28-й Армии, совершив с 8 июля с боями 300 км марш из района Всесвятка, Ивановка, Иосово, 17.7.42 г. переправились через р. Дон и 19.7.42 г. сосредоточились в глубоком тылу 51-й Армии в районе Наговско-Ребричанский.

(ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 49, л. 610)

Заместитель командира дивизии полковник М.И. Мартынов в эти дни погиб от вражеской бомбёжки на переправе п. Константиновского.

Сколько людей погибло здесь, на Донском рубеже, одному Богу известно.

«Сколько раз за день мы прощались с жизнью! Многие отступающие не умели плавать и тонули сотнями. Кругом раздавались крики о помощи. А кто мог им помочь, когда лодки шли переполненные людьми...». Т.Н. Чихиркина.

«Погрузка на паром шла с улицы им. Фрунзе. На паром становились три автомашины и одна-две повозки. Фашистские самолёты бомбили переправу целыми днями, погибшие плыли по Дону, как осенние листья». Г.С. Дмитриев.

«Константиновская и район переправы окутаны дымом. Всё новые и новые группы бомбардировщиков пикируют на переправу. Вода бурлит. Лодки и прочие плавсредства, на которых переправляются беженцы и войска, разлетаются в щепки. Дон кажется огненным...». С.В. Яцковский.

«Переправ на Дону было много разных. Одна была – мост на бочках, но её почти сразу разбомбили. Переправлялись кто на досках, кто на плотах, рубили и спиливали деревья.

Сколько техники было брошено! Весь берег заставлен машинами...

А немец, как по расписанию, начинал бомбить с утра и до позднего вечера. Налетят со стороны Ростова 25 «юнкерсов», и давай полоскать по переправам! И так несколько дней». Г.П. Синявцев.

«Никто не ожидал первой бомбёжки. Население станицы жило обычной мирной жизнью, не зная о тяжёлых последствиях.

Недалеко от нас находился детский садик. При первых разрывах бомб молоденькая воспитательница, наша соседка, начала прятать детей. Детей она спасла, загнав в помещение садика, а самой осколком от бомбы оторвало голову. И у меня на глазах мать воспитательницы, в горячке подняв обезглавленное тело дочери, побежала его прятать. Ужасная картина осталась в моей памяти навечно. Это были первые жертвы станицы...». Н.Н. Михайлов.

«У ст. Константиновской скопилось множество полуторок и трехтонок. Там же образовался громадный табор из запряжённых подвод и фур, стад крупного рогатого скота и табунов лошадей, ожидавших переправы.

Наплывной мост на плашкоутах, наведённый сапёрами, методично разбивали немецкие бомбардировщики. Интенсивность бомбардировок нарастала. В дневное время над переправой кружили «Юнкерсы» и «Мессеры», без отдыха поливая свин-

цом сапёров и прицельно сбрасывая бомбы на уже наведённые секции моста. Многие наши бойцы и командиры, не рискуя воспользоваться переправой, уходили вверх или вниз по течению, в надежде переправиться там.

Плоскодонок у местных жителей было мало. Приходилось разбирать, несмотря на протесты, сараи и даже дома, повреждённые бомбежкой. Однако немцы не дремали, и на бреющем полёте обстреливали из пулемётов всё, что плыло по реке...». [29]

В обороне Донского рубежа на территории 156-й СД принимали участие и катера Азовской флотилии. 17-19 июля три бронекатера, четыре СКА отдельного Донского отряда обеспечивают переправу в районе Константиновская и ведут разведку в районе Семикаракорской.

14 июля отряд бронекатеров (№ 201, 202, 205) под командованием капитан-лейтенанта С. П. Шулика вышел в район станиц Константиновской и Курмоярской. Эти силы флотилии через несколько дней оказались в центре интенсивных боевых действий, так как противник, развивая наступление, 21 июля вышел к Дону, а через два дня прорвал фронт 56-й армии. Помогли переправлять части 37-й Армии. Под давлением вражеских войск части армии отошли на левый берег реки, а 24 июля были вынуждены оставить Ростов. [15]

Данные о противнике на 20 июля:

40-го ТК 4-й ТА: одна передовая часть 3-й ТД достигла Константиновской, передовые части 23-й танковой дивизии Николаевская.

48-го ТК 4-й ТА: передовые части дивизии «Великая Германия» в 6 км восточнее Мокрого Лога, предмостное укрепление в районе Базки, продвигаются на Шахты.

В этот же день в 10.00 в Константиновскую вошли 21 автомашина, 2 танка и 30 человек, в 11.30 ещё 6 танков, 6 автомашин с прицепами – малокалиберными орудиями.

В 11.50 противник обстреливал левый берег р. Дон из миномётов. Авиация противника по 2–4 самолёта в течение суток производила усиленную разведку наших боевых порядков.

В 24.00 телеграммой 00515/ОП маршал С.М. Будённый обращается в Ставку ВГК за решением о подчинении Южного фронта Северо-Кавказскому фронту.

«Командующий Южным фронтом потерял управление войсками, я был вынужден 20.07.42 подчинить себе командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Малиновского, в целях использования его авиации для задержания противника севернее р. Дон и этим самым помочь Малиновскому организовать управление. Малиновского с трудом разыскал в Кривянской (5 км юго-восточнее Новочеркасск). Для координации действий воздушных сил обоих фронтов я также подчинил себе генерал-майора Вершинина (командующего 4-й ВА). Приказал генерал-майору Горюнову (командующему 5-й ВА) объединить действия авиации двух фронтов – Южного и Северо-Кавказского, во взаимодействии со Сталинградским фронтом, и общими силами бить подходящего противника на реках Дон и Сев. Донец». (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 44, л. 69).

19.07. Оперативная сводка № 60 штаба СКФ:

10 танков противника. До роты автоматчиков ведут бой в районе обороны 156-й СД. В 20.00, прорвав оборону, противник занял юго-восточную окраину ст. Константиновской. Переправа взорвана.

20.07. Оперативная сводка № 66 штаба СКФ:

2/417 СП (2-й батальон 417-го стрелкового полка), с 16.00 до 19.30 19.07 вёл бой с танками и автоматчиками противника в районе ст.Константиновская. По решению командира 156-й дивизии, остатки батальона с 02.20. 20.07 начали переправу на

южный берег р. Дон, для занятия обороны в районе Сестрова (1,5 км юго-западнее ст.Константиновская). Огнём нашей артиллерии уничтожено два танка противника.

21.07. Оперативная сводка № 62 штаба СКФ:

51-я армия ведёт бои с передовыми частями противника на участках ст. Цимлянской, ст. Константиновской. Передовой отряд 156-й СД (усиленный батальон) после шестичасового боя с противником оставил ст. Константиновскую, потеряв до 50% личного состава и 8 орудий. В 22.00. 20.07 группа автоматчиков противника заняла ст. Николаевскую, до двух батальонов и 40 танков овладели ст. Константиновской.

Первые бойцы и командиры 156-й СД попадают в плен с 19 июля.

Лейтенант 417-го стрелкового полка Виктор Нестерович Хутунашвили попал в плен в ст. Константиновской и погиб в концлагере 29 апреля 1943 года.

Пленные: заместитель политрука Антонов Н.Н. и сержант Васильев И.Н., красноармейцы 417-го СП: Гарбузов П.А., Медведев М.А., Рябинин А.А., Раджабов Д., Вехрушев А.В. (28.07., ст. Контантиновская) дождались освобождения из плена и продолжили свой боевой путь.

22.07 – сержант 530-го СП Крюков А.С., 23.07 – красноармеец 64-го транспортного батальона Исраплян Г.К, 25.07 в ст. Константиновской – Гребенщиков И.П., 28.07 в районе Маныча: кр-ц Киселев П.И., л-т Пчиатлук Г.М.; под Ростовом-на-Дону: 28.07 – ст. сержант 417-го СП Сагадан С.Т., кр-ц учбата Никишкин А.И. л-т 417-го СП Жеребцов Н.И. (27.07) – р. Маныч. Артиллерист Сапранов Г.П., разведчик Трущёбин А.С. попал в плен 28.07 в Сальских степях, сержант 361-го СП Хисамутдинов К.Ф. пленён в окружении в ст. Пролетарской, мл. командир Саломатин Ю.А. пленён 29.07. в г. Ростове-на-Дону, связист Шанин Ф.Ф. 30.07 под Ростовом-на-Дону, и т. д.

«Командиру 156-й дивизии командование 51-й армии поставило задачу подготовить план освобождения ст. Константиновской и передать на утверждение к 8.00 21.07.42 г.»

(ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 207).

По боевому донесению 51-й армии № 52 от 20.07, 156-я дивизия вела бои с противником в районе Константиновской, бой с танками на участке 2-го батальона 417-го стрелкового полка.

Из боевого донесения 51-й армии за № 56:

«... В районе Константиновской переправившийся на южный берег р. Дон противник был частично уничтожен, частично отошёл на северный берег реки. 156-я стрелковая дивизия прочно удерживает х. Титов». (ЦАМО, Ф. 51А, Оп. 9837, Д. 45, Л. 169-198).

Артиллерия 156-й СД в затруднительном положении – из-за отсутствия автомашин и тракторов. (ЦАМО, ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 142–144).

24-я армия, которая по директиве штаба Южного фронта от 20 июля должна была занять оборону от Новозолотовской до устья реки Маныч, прочно прикрыть южный берег Дона не могла и не успевала. В справке-докладе 22 июля командование объединением сообщило: *«Частями и соединениями армии рубеж обороны по левому берегу реки Дон ещё не занят, этот рубеж защищают 156-я СД и 110-я КД».*

Все, выходящие на левый берег Дона войска армии, сосредоточивались в районе Малая и Большая Орловка, х. Комаров (30 км восточнее Дона). (ЦАМО, ф. 224, оп. 760., д. 46., л. 555).

Немцы лукавят. 22.07 Командующий 4 танковой армии информирует в 10.40 начальника штаба группы армий о том, что он получил приказ об отдаче 3 танковой дивизии группе армий «Б»,

но сообщает что эта дивизия со всеми частями введена у Дона и было бы невозможно, в настоящее время снять её, так как она в районе ст. Николаевской и с частями в районе Константиновской уже переправилась через Дон для создания предмостных укреплений. А на следующий день, когда вопрос решён о передаче в группу армий «Б» 24-й ТД, докладывают, что в районе Константиновской существенных боевых действий 23.07 не было.

Если 3-й ТД действительно удалось захватить мост в ст. Николаевской и выйти на противоположный берег, то в районе ст. Константиновской у них этот манёвр не вышел, да ещё и получили порцию реактивных снарядов, о чём они скромно умолчали и в этот, и в последующие дни.

3-я танковой дивизии после форсирования Дона в районе Николаевской удалось продвинуться дальше на юг и создать предмостное укрепление через участок Сал в районе Орловки и захватить в невредимости 8-тонный мост, который должен быть усилен до 16 тонн. Военный мост через Дон в районе ст. Николаевской был прерван на несколько часов прямыми попаданиями бомб. После восстановления моста, разбив надвое оборону 91-й СД, они начали окружение частей 156-й СД.

После прорыва обороны у ст. Николаевской 503-й СП 91-й СД не выдержал натиск противника. Пятая стрелковая рота покинула рубеж без приказа, ушла в сторону х.Карнаухова. Часть второго батальона вышла через х. Титов и вошла в состав 156-й СД, другая часть в направлении на х. Пирожок (урочище Бол. Мочаки). Противник, пройдя окружным путём, вышел от кургана Разрытый – Дубенцовская, 30 танками вышел в 7.00. 24.07 к х. Морозов.

23.07. Оперативная сводка № 64 штаба СКФ:

В районе ст. Константиновская противник уничтожен и его остатки отброшены на северный берег р. Дон.

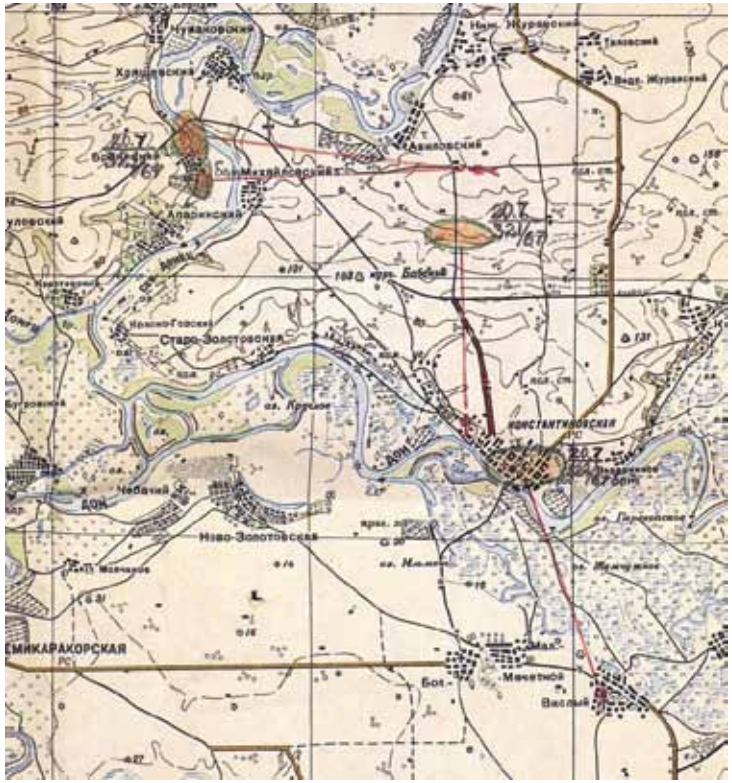


Схема нанесения залповых ударов реактивными установками по группировкам противника. 20.07.1942 г.

В 23.20 был произведён один полковой залп (386 мин М-13) в составе всех дивизионов 25-го ГМП, включая и приданный 322-й ОГМП (6 км восточнее станицы Семикаракорская), по ст. Константиновской, где находилось до 130 автомашин, 35 танков, до двух батальонов пехоты, две миномётные батареи и до роты автоматчиков. По данным группы разведки 156-й СД залпом уничтожено и подбито до 15 танков, 60 автомашин и до батальона пехоты противника. [11]

Из воспоминаний гвардейца-минометчика В. Караичева:

«Нашему 25-му гвардейскому миномётному полку прославленных «Катюш» (командир М.М. Родичев) был дан приказ погрузиться и прибыть в донские степи. 223-й и 224-й дивизионы пошли через Новошахтинск, Шахты, Багаевскую до ст. Константиновской. У Константиновской немецкие войска должны были переправиться на левый берег.

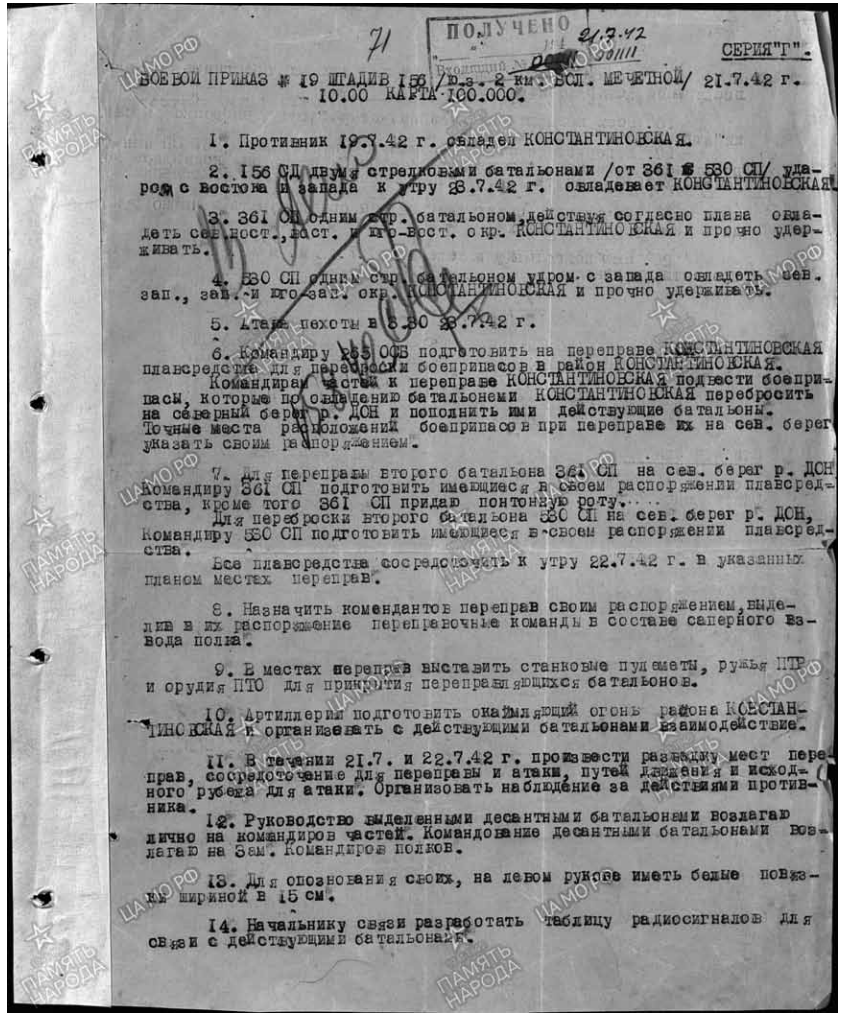
Чтобы сорвать намеченную переправу через Дон, командир полка принял решение дать полковой залп по Константиновской. К полку примкнули 32 «Катюши» из 114-го (14-го) отдельного гвардейского минометного морского дивизиона. Выстроившись в один ряд, по сигналу красной ракеты, в полночь прозвучала команда: «Пли!»

Это было неповторимое зрелище. 512 снарядов (более 20 установок), за какие-нибудь 20–25 секунд обрушились на головы немцев. Этот момент отдельной строкой вошёл в историю боевой славы полка.

Два батальона вражеской пехоты были полностью ликвидированы, повреждены танки и уничтожена артиллерия противника. План немцев захлебнулся. Советские войска успешно форсировали реку». [24]

22.7.42 г., в 15.00 дан залп 223-го ОГМД 25-го ГМП по скоплению танков, автомашин и пехоты противника в станице Константиновская, цель накрыта. В 15.30 противник на лодках перебросил через переправу до 60 автоматчиков с ротными миномётами, немцы уничтожены.

А днём раньше, 21 июля, в подразделения дивизии поступил приказ № 19 штадива 156-й СД о готовности на 23.07 прорыва обороны противника и освобождения посёлка Константиновского.



71

ПОЛУЧЕНО 21.7.42

СЕРИЯ"Г".

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 19 ШТАДИВ 156 /в.з. 2 км. ЮСП. МЕЧЕТНОЙ/ 21.7.42 г. 10.00 КАРТА 100.000.

1. Противник 19.7.42 г. овладел КОНСТАНТИНОВСКАЯ.

2. 156 СД двумя стрелковыми батальонами /от 361 и 530 СП/ ударом с востока и запада к утру 23.7.42 г. овладевает КОНСТАНТИНОВСКАЯ.

3. 361 СП одним стр. батальоном, действуя согласно плана овладеть сев.-вост., вост. и юго-вост. окр. КОНСТАНТИНОВСКАЯ и прочно удерживать.

4. 530 СП одним стр. батальоном ударом с запада овладеть сев. зап., зап. и юго-зап. окр. КОНСТАНТИНОВСКАЯ и прочно удерживать.

5. Атака пехоты в 8.30 23.7.42 г.

6. Командиру 255 ОСБ подготовить на переправе КОНСТАНТИНОВСКАЯ плавсредства для переброски боеприпасов в район КОНСТАНТИНОВСКАЯ.

Командирам частей к переправе КОНСТАНТИНОВСКАЯ подвести боеприпасы, которые по овладению батальонами КОНСТАНТИНОВСКАЯ перебросить на северный берег р. ДОН и пополнить ими действующие батальоны. Точные места расположений боеприпасов при переправе их на сев. берег указать своим распоряжением.

7. Для переправы второго батальона 361 СП на сев. берег р. ДОН Командиру 361 СП подготовить имеющиеся в своем распоряжении плавсредства, кроме того 361 СП придаю понтонную роту.

Для переброски второго батальона 530 СП на сев. берег р. ДОН, Командиру 530 СП подготовить имеющиеся в своем распоряжении плавсредства.

Все плавсредства сосредоточить к утру 22.7.42 г. в указанных планом местах переправ.

8. Назначить комендантов переправ своим распоряжением, выделив в их распоряжение переправочные команды в составе саперного взвода полка.

9. В местах переправ выставить станковые пулеметы, ружья ПТР и орудия ПТО для прикрытия переправляющихся батальонов.

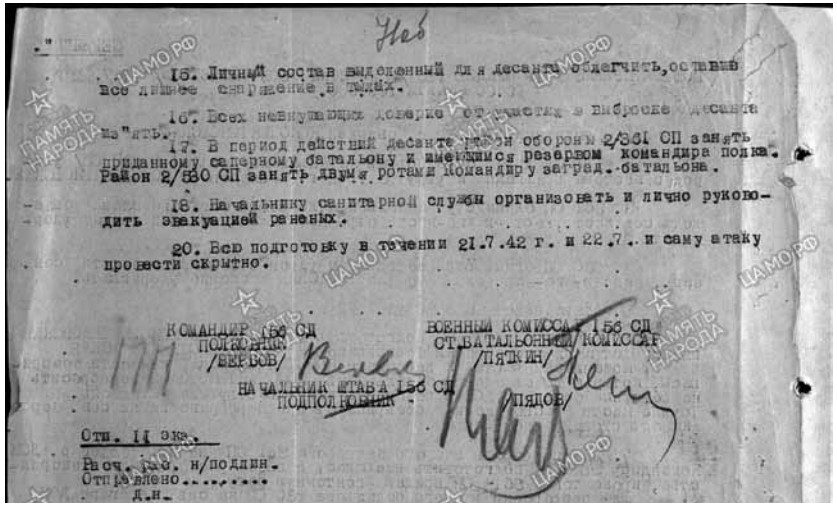
10. Артиллерии подготовить окаймляющий огонь района КОНСТАНТИНОВСКАЯ и организовать с действующими батальонами взаимодействие.

11. В течении 21.7. и 22.7.42 г. произвести разведку мест переправ, сосредоточение для переправы и атаки, путей движения и исходного рубежа для атаки. Организовать наблюдение за действиями противника.

12. Руководство выделенными десантными батальонами возлагаю лично на командиров частей. Командование десантными батальонами возлагаю на Зам. Командиров полков.

13. Для опознования своих, на левом рукаве иметь белые повязки шириной в 15 см.

14. Начальнику связи разработать таблицу радиосигналов для связи с действующими батальонами.



15. Личный состав выделенный для десанта облегчить, оставив все лишнее снаряжение в тылах.

16. Всех невнушающих доверие от участия в выброске десанта из"ять.

17. В период действий десанта район обороны 2/361 СП занять приданному саперному батальону и имеющимся резервом командира полка. Район 2/530 СП занять двумя ротами Командиру заград. батальона.

18. Начальнику санитарной службы организовать и лично руководить эвакуацией раненых.

20. Всю подготовку в течении 21.7.42 г. и 22.7. и саму атаку провести скрытно.

КОМАНДИР 156 СД
ПОЛКОВНИК
/ВЕРБОВ/

ВОЕННЫЙ КОМИССАР 156 СД
СТ.БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
/ПЯТКИН/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 156 СД
ПОДПОЛКОВНИК
/ПЯДОВ/

Отп. 11 экз.
Расч. рас. н/подлин.
Отправлено.....
д.н.

Интересен и тот факт, что данный документ разработан для конкретной десантной операции по освобождению рабочего посёлка Константиновского в ночь на 23 июля *(атака в 3.30)*, вплоть до опознавательных знаков: *«на левом рукаве – белые повязки»*.

Действительно, согласно приказа, была проведена разведка, взяты «языки», установлены огневые точки противника и количество личного состава и техники в посёлке, места их дислокации. Есть упоминание, что десант частично пытался атаковать правый берег Дона. Но операция не была проведена в широком масштабе или не имела успеха. Сохранились лишь частичные упоминания о проведённой артподготовке, попытке форсирования водной преграды, потере 10 лодок и гибели десанта. О боях 23.07. на территории посёлка данных и воспоминаний нет. А возможно, что время на попытку освобождения было уже потеряно. Ведь с 19, 20 числа шли проливные дожди, и до 22 многие дороги были не проходимы для немецкой техники. А с вечера 22 июля жаркий июльский ветер просушил часть дорог, оставив непроходимыми только низины.

Фюрером было принято решение: 29-й моторизованной дивизии создавать предмостное укрепление через Дон и продвигаться на железную дорогу Сальск – Сталинград, чтобы перерезать её. 24-я танковая дивизия, в свою очередь, должна продвигаться на северном берегу Дона на запад, чтобы не дать советским частям перейти Дон. И хотя на тот момент 48-й танковый корпус достиг определённых рубежей, его передовые части 16-й моторизованной дивизии вышли к хуторам Потаповский, Почтовый, Кременской, пехотная дивизия «Великая Германия» в части к предмостному укреплению х. Бронницкий, частью северо-восточнее Константиновской, но погода внесла свои коррективы.

Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Гадьдер задаёт вопрос начальнику штаба группы армий о том, почему переброска подвижных соединения на юг не может быть произведена раньше, чем до 23.07. В ответ начальник штаба группы армий указывает на плохие условия погоды, которые делают невозможными все передвижения моторизованных соединений.

Очевидно, оценив обстановку, комдив 156-й СД полковник Вербов не стал посылать своих бойцов на верную гибель. А возможно, ему помешала обстановка, противник подтянул свежие силы, да и перевод из одной армии в другую сыграл не малую роль.

Во исполнение директивы Ставки ВГК №170524 от 22.7.42 о занятии южного берега р. Дон от Константиновской до Батайска войсками Южного фронта С.М. Будённый приказал исключить 156-ю СД, 110-ю ККД, 1230-й гап РГК и 25 ГМП из состава 51-й армии и в полном составе передать командующему Южным фронтом, передачу произвести распоряжением командарма 51 не позже 24.00 22.7.42.

23.07. дивизия перешла в подчинение 37-й Армии. 51-я армия свернула связь со своими бывшими частями, а 37-я армия не

успела её установить. Это сказалось на организации обороны командованием 37-й А в те жаркие дни.

Хотя гвардеец Караичев и пишет о форсирование Дона с 23 на 24 июля, возможно, попытка освобождения посёлка была незначительной (малым количеством людей, без техники и орудий) и неуспешной, потому как о ней не имеется данных в архивах МО РФ и нет воспоминаний местных старожилов. Да и ураганный огонь «Катюш», скорее всего, был произведён в ночь с 22 на 23 июля. Потому как, согласно Приказа штаба СКФ № 00538\ОП и № 00539\ОП, гвардейские установки с бойцами 417-го СП обязаны были передислоцироваться в Б. Мартыновку.

Гвардейцы со своими «Катюшами» не покидали Донской рубеж вплоть до 25 июля, нанося смертоносные удары противнику.

Из боевого донесения № 09 штаба артиллерии 37-й А к 20.00 25.7.42 г.:

«Артиллерия 156-й и 74-й СД занимала прежний боевой порядок, вела редкий методический огонь по отдельным развед-группам противника. Уточнённых данных результата работы указанной артиллерии не получено. Артиллерия 295-й СД, усиленная одной батареей 268-го АП, 727-го ИСПТАП в составе 4 орудий и одной батареи 6-го АП 74-й СД, двумя дивизионами 43-й ГМП, полностью 49-м ГМП в течение дня вела огонь по переправам противника, танкам и отдельным прорвавшимся группам противника.

43-й ГМП в течение дня произвёл три залпа. К исходу дня сосредоточен в районе Верхне-Соленый. 49-й ГМП произвёл два залпа по районам и в 16.00 убыл из нашего подчинения, а вместо убывшего прибыл 25-й ГМП, который сосредоточен в Б. Мечетинской (Б.Мечетновский?) и один дивизион – в Казьминском».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 359).

19.07. Переправа у Константиновской уничтожена авиацией 4-й Воздушной Армии, но переправа отдельных отступающих

групп бойцов и командиров и даже техники в районе посёлка *(пойме Зимовной – авт.)* и ст. Богоявленской, продолжается. Отступающие части, идущие вдоль реки Северского Донца, от Белой Калитвы и Каменска, от ст. Тацинской и ст. Цимлянской, выходят к рубежу 156-й СД.

21.07.42 г. оперативный, разведывательный, шифровальный отделы штаба Южного фронта и штаб 4-й ВА в 4.00 прибыли в Мечетинскую, поддерживая связь через рацию 51-й А и 4-й ВА, связь с Москвой – по ВЧ из Краснодара (штаб СКФ). В 8.00 приступили к развёртыванию собственного узла связи.

Таким образом, подтверждается отсутствие управления со стороны Южного фронта и Ставки ВГК действиями войск, обороняющихся на р. Дон. Отступающие части несвоевременно получали приказания на занятие обороны и были не в состоянии оперативно давать информацию о состоянии частей и заявки на вооружение и боеприпасы. С выходом 15 июля противника в район Морозовской и Тацинской окончательно нарушилась работа тыла Южного фронта, и тыловые части, учреждения и базы стали перемещаться самостоятельно, оторвались от войск, вследствие чего снабжение войск было нарушено. Часть фронтовых тылов, основная масса тылов 9 и 24 армий ушли в сторону Калача, в полосу обороны Сталинградского фронта.

21 июля в 24.00 в районе Старо-Золотовский огнём нашей артиллерии уничтожено одно орудие и до роты пехоты противника. Подавлена одна батарея, обращено в бегство до роты пехоты. В районе х. Титова огнём ПТР 361-й СП подбито два танка противника.

(ЦАМО ф. 51А, оп. 9837, д. 49, л. 659).

Согласно оперативной директиве № 0414/ОП штаба Южного фронта от 20 июля 3.00, к утру 21.07 в район Раздорская, Мелиховская, Калинин, Багаевская должна была отойти и переправиться через р. Дон 24-я Армия (штаб Сусатский), и к утру

22.07 занять оборону по левому берегу р. Дон на фронте Ново-Золотовская, устье р. Маныч, имея передовой край обороны непосредственно по берегу главного русла р. Дон. Прикрывающая отход армии 74-я СД переправляется через р. Дон в ночь на 22.7 под прикрытием арьергардов 37-й А. (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 6, л. 114-116).

Но 24-я Армия не могла и не успевала выполнить это распоряжение.

В ряде документов не указывается, кто же прикрывал отход 37-й и 24-й армий? Кто же были этими арьергардами? Вполне возможно, что этими арьергардами были пограничники. Только у ст. Раздорской из 25-го погранполка погибли 22 человека и 31 числятся пропавшими без вести.

Описание действий 25 пограничного полка: «...с 18.7.42 г. 25 пп по приказу командующего Южного фронта 3/25 пп *(3 батальон 25 погран. полка – авт.)* оборонял переправу через р. Дон в Раздорской.

23.7.42 г. противник из района Каныгин пытался овладеть переправой, захватив Раздорская.

Несмотря на значительное превосходство противника, у которого были артиллерия и танки, 3 стрелковый батальон прочно оборонял переправу и после четырехчасового боя энергичной контратакой из Раздорской, отбросил врага, таким образом переправу всей техники частей КА через р.Дон».(ЦАМО, ф. 32910, оп. 1, д. 29)

В память об их героическом подвиге в ст. Раздорской отделением ДОССАФ Усть-Донецкого района совместно с поисковиками ПО «Донской» им. А. Калинина в 2017 г. была установлена мемориальная плита.

В справке-докладе 22 июля командование сообщило:

«Частями и соединениями армии рубеж обороны по левому берегу реки Дон ещё не занят, этот рубеж защищают 156-я СД и 110-я КД». Все выходящие на левый берег Дона войска армии сосредоточивались в районе Малой и Большой Орловки, х. Комарова (30 км восточнее Дона). (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 46, л. 555).

22 июля в 7.00 ОПТД прибыл в Титов, остатки 244-й СД – на марше. Противник из Константиновской вёл артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам нашей части. (По архивным данным 156-й СД, оперсводка № 94 на 14.00, 22.7.42 г.).

(ЦАМО ф. 51А, оп. 9837, д. 49, л. 659).

Прикрытием для отходящих армий служит оборона 110-й ОККД и 156-й СД, а не части 37-й Армии, измотанные в боях, отходившие за Дон в большей массе без оружия и тем более без артиллерии. Уже здесь замечено несоответствие в докладах командования фронтом. А вот и подтверждение этому:

Приказ штаба СКФ № 00538\ОП и № 00539\ОП:

С 24.00, 22.07.42 г., 156-я стрелковая дивизия с 1230-м артполком и 25-м гвардейским миномётным полком, а также 110-я кавдивизия переходят в состав Южного фронта с задачей вывода кавалеристов в резерв, в Большую Мартыновку, через оборону 156-й СД; в том числе вывести 417-й СП 156-й СД...

Следом происходит перевод 156-й СД в состав 37-й Армии.

Приказ приказом, но части 37-й Армии не заняли обороны. Это произошло даже не по вине командиров, а, в большей степени, по неукомплектованности, разрозненности частей, переправившихся на разных переправах, в разное время, в трёх районах Ростовской области.

37-я Армия с 3-м гв. СК к исходу дня 21.07 с тяжёлыми боями отходили к переправам Раздорская, Мелиховская, Багаевская, куда выходили части 230-я, 295-я СД, 41-я мсбр и группа танков 5-я гв. т. бр и 15-я т. бр. К утру 22.07 части армии продолжали переправу на южный берег р. Дон. (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 21, л. 40, 41).

В этом документе нет реальных данных о переправе частей 37-й Армии через Константиновскую переправу, а ведь по спискам потерь они переправлялись и здесь. Выходит, что часть донесений не в полной мере правдивы, не раскрывают всей действительности. Что-то умалчивается по незнанию, что-то скрывается из-за боязни попасть под гнев командования. Так выходил наружу ложный героизм, а реальные герои войны скрывались. Этому есть подтверждения и в архивах:

«Приказы соединениям 37-й армии по занятию рубежей обороны по левобережью Дона, выдвижению артиллерии для обороны, выполнялись с задержкой, формально или вообще не выполнялись, со ссылкой на сбор частей и отсутствие снарядов».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 364).

А вот и воспоминания подростка об отступлении. Понятно, что парень не видел всего масштаба отступления через станицу, но и эти небольшие данные о реальных событиях могут кое-что прояснить.

Воспоминания М.С. Сухарева, жителя ст. Раздорской:

«Июль 1942 года мне запомнился на всю жизнь.

Мы, двенадцатилетние школьники, вели борьбу с клопом-черепашкой на полях колхоза. Собирали его на большие лоскуты белой ткани, вроде простыней, потом выносили на дорогу и там давили. Высоко в небе появился большой самолёт. Это потом, за несколько первых дней войны на донской земле, мы узнали, что это немецкий разведчик – «рама».

Через некоторое время после таких самолётов прилетали бомбардировщики и несли смерть и горе. Так было и в этот июльский день. После того, как улетел разведчик, через какое-то время прилетели вражеские бомбардировщики. Но станицу Раздорскую они не бомбили, а бомбили переправу и прилегающую территорию за станицей и х. Каныгин – очевидно, там, где шли отступающие части Красной Армии.

Сегодня можно говорить, что отступление не было организовано. Отсутствие переправ, плавсредств, отсутствие обороны. Немец зашёл стремительно, владел большими моторными лодками, быстро навёл переправу, установил в станице зенитные орудия.

В первый же день была уничтожена станичная переправа – паром, больше переправ не было. Может, и были выше, или у х. Каныгина, но у нас все отступающие переправлялись вплавь, кто как мог, и многие тонули. В качестве плавсредств пошли станичные заборы, калитки, ворота, доски, лавки, всё, что могло удержать человека на воде. Больше всего мы были удивлены тем, что большая часть воинов не умела плавать! Мы жили недалеко от Дона и видели, как немец ежедневно по-

ливал свинцом отступающих, из-за чего навести переправу было невозможно.

В первые дни отступления не было видно ни тяжёлых орудий, ни танков – через станицу они не проходили. Танки шли через Донец, большая часть техники через х. Каныгин. У нас даже кавалеристы не проходили, они тоже шли через Каныгин, а у нас переправлялись вплавь только пехота. Ведь стабильной переправы не было. Один лётчик давал старшему брату Ивану пистолет для борьбы с фашистами, но он отказался брать. Но могу с уверенностью сказать, что все отступающие отстреливались до последнего патрона. Был случай, когда один воин, раненый, отстреливаясь, уходил от наседающих немцев по косе. Навстречу ему, из леса, выскочили три бойца. Но он махал им, чтобы уходили, а сам перед смертью в настигающих его немцев бросил гранату. Оказалось, что это был политрук. Он спасал бойцов, прикрывая их отход.

Мы страшно пережили это наступление врага. Первыми зашли румыны, венгры и другие, которые вытаскивали всё, что нашли, живое и мёртвое, даже пуговицы, иголки и нитки. Второй эшелон оккупантов собирал кур, животных, яйца. Расселялись по хорошим домам.

С левобережья наши продолжали стрелять из леса из тяжёлых орудий.

Кто не пережил этого ужаса и унижений, тот не знает, что такое фашизм. И пусть сегодня не врут те, кто не знает, как над нами, детьми, издевались фашисты, стреляя поверх голов в виде забавы, на улицах пинали и отпускали подзатыльники, как мы недоедали... Оккупанты относились к нам, как к животным».

37-я армия РККА удерживала оборону против немецких: 1-й танковой армии и 40-го танкового корпуса 4-й танковой армии, на левом фланге – 3-й танковый корпус.

В 12-й и 37-й армиях по-прежнему ощущалась нехватка боеприпасов. Имелось по 10–15 снарядов на орудие и по 5–7 мин на миномёт. Артиллерийские части преимущественно находились в движении, а взаимодействие из-за частых нарушений связи практически отсутствовало. (А.А. Гречко. «Годы войны», 1976 г.)

Против воспоминаний маршала не поспоришь. Как донесли, так и написал в своих мемуарах. А кто удерживал оборону в составе этой разбитой 37-й Армии? 100-300 человек с винтовками? Или 5000 бойцов 156-й СД и тысячи кавалеристов 110-й кавдивизии с орудиями и миномётами? Бесспорно, воины 156-й и 110-й дивизий, и только частично – из числа отступающих 37-й Армии и часть прибывших из 24-й Армии. Но слава обороны доской земли на данном рубеже была отдана 37-й Армии, без пояснений.

Не стоит винить всех командиров и бойцов отступающих частей 37-й армии, которые должны были сменить воинов 110-й КД и 156-й СД. Кто-то стойко сражался до последнего патрона и снаряда, другие, используя случай, под видом переформирования старались уйти от кровавой мясорубки поглубже в тыл. Обычный человеческий фактор. Одни командиры жалели свои подразделения, возможно, и сами боялись передовой. Другие яростно бросались на врага, увлекая за собой отважных бойцов, погибали, разделив подвиг на тех, кто смело шёл на врага и тех, кто прятался за их спинами.

Очевиден тот факт, что опыт наступательных осенних боёв 1941 года на донской земле 37-й армии не смог помочь вести полноценные оборонительные бои на левом берегу Дона. Возможно, здесь главную роль сыграла потеря большей части личного состава и матчасти при отступлении и обороне правого берега Дона и донских переправ, а также нехватка боеприпасов. Но это нисколько не должно сглаживать, и тем более принижать в истории войны подвиг воинов 110-й ОККД и 156-й СД.

По воспоминаниям Г. Дерра, ещё 17 июля заместитель начальника штаба 4-й танковой армии в 18.25 докладывал, что моторизованная дивизия «Великая Германия» достигла участка р. Дон в районе ст. Константиновской, но южный берег занят крупными силами Красной Армии. На что получает указание начальника штаба группы армий, что форсировать р. Дон можно только при незначительном сопротивлении русских, и что вся 4-я ТА, за исключением 29 моторизованной дивизии, должна наступать севернее Дона.

4-я танковая армия оставалась на своём плацдарме и не вышла к Ростову. 16 июля она заняла Тацинскую, 17 июля - Цимлянскую, 18 июля – Морозовск, а 21 июля захватила плацдармы на Дону у Константиновской и Николаевской.

Рассмотрим, как всё происходило, согласно приказов и донесений армий и фронтов:

По оперативной сводке № 121 51-й армии от 23.07:

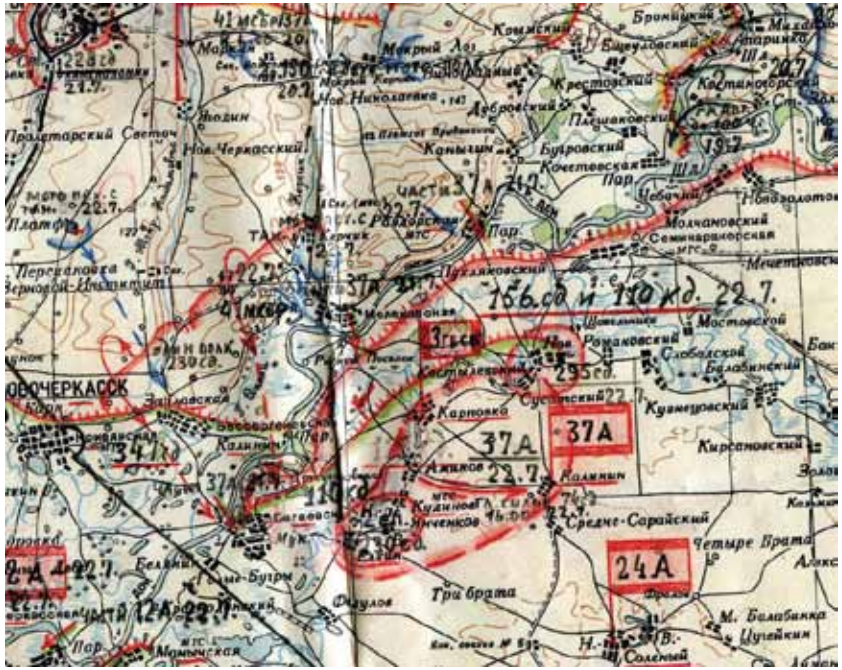
«110-я КД обороняет занимаемый рубеж. Противник передовыми частями овладел Раздорской и Мелиховской. Нет сообщений от 156-я СД.»

(ЦАМО ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 194–195).

22.7.42 г. 3-я танковая дивизия 40-го ТК захватила предмостное укрепление в районе Константиновской. Однако поздно вечером, во избежание ненужных потерь и трудностей местности, территория была оставлена.

Участок левого берега Дон обороняет 51-я Армия Северо-Кавказского фронта: 156-я СД – (иск) Николаевская, Константиновская, Семикаракорская; 110-я КД – (иск) Семикаракорская, Багаевская.

Левый берег р. Дон на участке Константиновская – Багаевская обороняют 156-я СД и 110-я КД Северо-Кавказского фронта.



Карта-схема боёв на 22.07.1942 г.

22 июля противник пытался переправиться через р. Дон в районах Семикаракорская, Мелиховская, но был отброшен контратаками обороняющихся частей.

В 15.20 штаб СКФ, в связи с тем, что по Директиве №170523 от 21 июля, район от устья р. Сал до Батайска является районом Южного фронта, обращается к Командующему ЮФ: *«Командующий Северо-Кавказским фронтом немедленно просит Вас сменить Вашими частями 110-ю КД на участке (иск) Семикаракорский, Сусатский, Багаевская с таким расчётом, чтобы она не позднее 21.00 22.7.42 могла выступить в район сосредоточения Большая Орловка в резерв командарма 51-й А».*

(ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 22, л. 40).

И только после переговоров со Ставкой, в 19.30, согласно Директивы №170524 штаб Южного фронта, с учётом, что **все войска Северо-Кавказского фронта, занимающие оборону от Константиновской до устья р. Дон, поступают в состав войск Южного фронта, и граница между Южным и Северо-Кавказским фронтами временно Константиновская, Пролетарская**, даёт боевое распоряжение №0418/ОП:

«...37-я Армия, 156-й СД и 110-й КД – прочно оборонять левый берег р. Дон на участке Константиновская, Багаевская. Впредь, до установления границы с Северо-Кавказским фронтом, правый фланг 156-ю СД оставить на месте, имея тесную связь с 91-й СД».

Однако смены не происходит. То, что 156-я СД находится на прежних рубежах, подтверждают архивные документы.

22.07 в районах Цимлянской и Константиновской противник вёл бои по созданию плацдармов на самом берегу Дона. По данным командира 156-й СД *(Я.Я. Вербов – авт.)*, пехотный батальон противника с шестью танками переправился в районе Константиновской. В районе Константиновской, на рубеже Дурновский, Новозолотовская обороняет 261-й СП, усиленный 25-м ГМП и артдивизионом 1230-й ГАП РГК. В направлении ст. Константиновской, командир 156-й СД с утра 22.07 ввёл в бой резерв командира дивизии 417-й стрелковый полк. В 16.00 25-й ГМП дал залп по ст. Константиновской. Константиновская го¬рит. (По оперсводкам штаба СКФ).

По оперативной сводке № 95 156-й СД на 5 часов утра 23 июля:

«Противник с 13.35 по 15 часов 22 июля 1942 года на надувных лодках перебросил на южный берег Дона до батальона пехоты, потеснив левый фланг первого батальона 361-го стрелкового полка. В бой введён батальон 417-го полка и вторая рота

265-го отдельного стрелкового батальона. Контратакой 1/417 СП *(первого батальона 417-го СП – авт.)* в 21.30 противник выбит, батальон закрепился на южном берегу в километре от склона Константиновской – р. Чёрная, с задачей не допустить переправы противника на южный берег р. Дон».

(ЦАМО, ф. 51-й А, оп. 9837, д. 49, л. 662)

О положении частей 37-й армии после переправы через Дон 22 июля в переговорах со Сталиным в период 18.00–19.30 командующий Южным фронтом Р.Я. Малиновский сообщил следующее:

«По только что полученному донесению с прибывшим нашим офицером связи 37-я Армия переправила части 295-й СД в район Костылевского, 230-й СД – в район Елкина и переправляет 74-ю СД, собирая её в Калинине.

Противник занял Мелиховскую и пытался форсировать Дон, но его атаки отбиты, ***штаб 37-й Армии в Калинине, под прикрытием 110 кд, занимающей оборону по Дону от Семикаракорской до Багаевской****».*

(ЦАМО, ф. 96а, оп. 2011, д. 26, л. 151–157).

Заметим, я не зря выделил, что штаб и ряд частей 37-й Армии находился в обороне 110-й кавдивизии, впрочем, как и большая часть переправившейся 37-й Армии в обороне 156-й СД и 110-й КД.

По выходу войск 37-й Армии на левый берег р. Дон, оборону р. Дон занять тремя стрелковыми дивизиями (имелись ввиду 74-я, 295-я, 230-я СД), выведя в армейский резерв район Павлов, Кирсановский, Старокузнецовский одну стрелковую дивизию *(156-ю СД – авт.)*, как видно из зачёркнутой строки оперативной сводки, которая оставалась на своём рубеже и после отхода войск армий 26 июля, так как приказ на отход не был доставлен в срок, и 110-ю КД *(110-я КД оставалась также на своём рубеже*

обороны до 27 июля – авт.). Штарм иметь – Нижне-Соленый». (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 6, л. 122)

По данным архива МО РФ: 37-я Армия в течение ночи на 23.07 заканчивала переправу частей (зачёркнуто: через реки Сусат, Подпольная) и приступила (зачёркнуто: к смене частей 156-й СД и 110-й КД) к занятию оборонительного рубежа на участке (иск) Константиновская, Семикаракорская, Багаевская. (в просмотренном экземпляре зачёркнуто Новиковым: 156-я СД и 110-я КД, после смены выводятся в район Кирсановский, Старокузнецовский, Павлов). Артиллерия армии ощущает острый недостаток в боеприпасах.

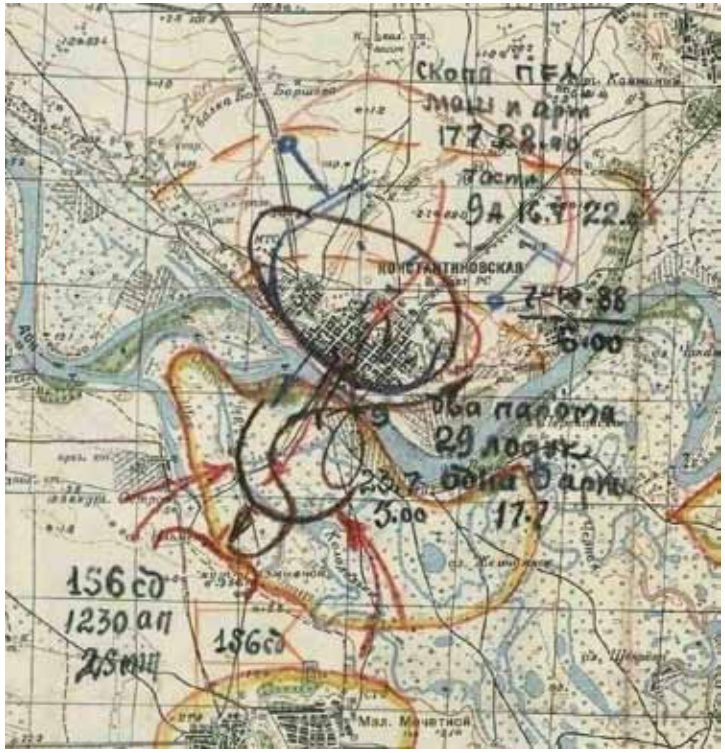
23.07. держит оборону в районе ст. Константиновской – 417-й СП, в районе ст. Семикаракоской – 530-й СП 156-й СД.

По данным противника:

На 23 июля начальник штаба 4-й ТА информирует в 13.00 об успехе 3-й ТД (предмостное укрепление через Сал в районе Орловка), предлагает 3-й ТД форсировать р. Дон в районе Николаевской и 29-й МД. В то время как 16-я МД, продвигаясь через Мелиховскую, должна попытаться захватить по возможности невредимым мост через Маныч в районе Спорного.

3-я ТД наступает также на этот переход, но не известно, может ли она выполнить задание в ближайшем времени, так как она будет подтянута лишь в районе Орловки.

Моторизованная дивизия «Великая Германия», которая перешла в подчинение 1-й ТА, расширила предмостные укрепления и со стрелками-мотоциклистами, при упорном сопротивлении советских войск, атаковала предмостное укрепление ст. Мелиховская и х. Пухляковский, а также севернее Раздорской. Основные части дивизии находились в районе хуторов Бронницкого и Мокрого Лога. 16-я МД продолжала очищение района вокруг х. Керчика и установила связь с передовыми частями 4-го армейского корпуса.



Прорыв противника 23.07.1942 г.

Штабом 37-й Армии связь с 156-й СД не установлена, в штабе фронта не знали о положении дел на донском рубеже в районе расположения 156-й СД. В 11.30 в адрес командарма 37-й Армии направляется радиотелеграмма:

«Левый берег р. Дон на участке Раздорская, Багаевская никем не обороняется (имелось ввиду частями 37 армии – авт.). Немедленно занять оборону фронта Константиновская, Багаевская, подчинив себе 156-у СД и 110-у ОККД. Передний край иметь непосредственно на берегу основного русла р. Дон».

(ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 6, л. 128)

Нет сообщений от 156-й СД. (ЦАМО ф. 51А, оп. 9837, д. 45, л. 194–195).

Но 156-я СД и 110-я КД стоят на прежних рубежах. Очевидно, что и с 110-й ККД связь не была ещё налажена и командование сделало свои выводы об отсутствии обороны на Донском рубеже в районе ст. Раздорской. Подтверждением, что оборона 110-й КД и 156-й СД не снималась с позиций, служат карты, доклады советских лётчиков, проводивших разведку, донесения, списки потерь и прочие документы и воспоминания участников боёв.

В эти горячие дни июля 1942 года бойцы и командиры отступающих подразделений, выходя к донским переправам, пополняли другие воинские части, в том числе 110-й кавдивизии и 156-й СД. Не будучи учтёнными, вступали в боевые сражения, попадали под бомбежку или обстрел вражеских танков, тонули на переправах. Здесь гибли и те, кто вёл учёт, терялись учётные документы. Многие из числа погибших и попавших в плен остались навечно без вести пропавшими.

По архивным данным, в состав 37-й Армии (штаб Нижне-Соленый) переданы 74-я СД 24-й Армии, 15-я танковая бригада и 41-я мотострелковая бригада. 41-я мсбр к 6.00 сосредоточилась в х. Калинине (4 км южнее х. Сусатского), 15-я т. бр. сосредотачивается в х. Слободском, имеет танков Т-60 – 3 машины.

22 июля, в 23.14, во исполнение приказа фронта, штаб 37-й А передаёт приказ № 0041/ОП на занятие обороны: 156-й, которая оставалась 2-мя стрелковыми полками на занимаемом рубеже: 361-й СП – Титов, (иск) Константиновская, 417-й СП – Константиновская, Ново-Золотовская; участок обороны 530-й СП – (иск) Ново-Золотовская; ст. Семикаракорская передавалась 74-й СД (имевшей в составе около 3800 чел.), которая к утру 23 июля должна была выйти на рубеж обороны, но по времени не успевала (возможно, по этой причине пока не найдены документы о боевых действиях); 295-й СД должна сменить

273-й кавполк 110-й КД – (иск) Семикаракорская, Мелиховская. (295 СД так и не смогла сменить полк, который продолжал вести бои, частично бойцы просто передавались под командование командиров эскадронов); 230-й СД – сменить 292-й кавполк 110-й КД (иск) Мелиховская, Багаевская. (Здесь смена произведена 24 июля, 292-й КП переместился в район Карповки, усиливая оборону Раздорской переправы); 110-я КД с выходом 295-й СД и 230-й СД на участки обороны должна была сосредоточиться в районе хуторов Золотарева и Александровского (но боевая обстановка не позволила это сделать). Решение командующего 37-й Армией было принято без оценки противника и важности переправ через р. Дон, состояние дивизий, отправленных на подкрепление, не учитывалось. Против главной группировки противника на вероятных его переправах через р. Дон была выдвинута совершенно не способная вести серьёзного боя 295-я СД, имеющая 300 человек при 110 винтовках, 4 орудиях 45-мм и 76-мм, 6 станковых пулемётов при фронте 27 км. Она не смогла сменить 273-й кавполк 110-й КД. [11]

Рассмотрим ситуацию в районе боевых действий 156-й СД.

По архивным данным 156-я СД (штаб – курган Мечетный) обороняет левый берег р. Дон на участке Титов – оз. Ильмень.

«1230-й ГАП придан 156-й СД и занимает боевой порядок:

1-й дивизион – в районе восточная окраина Топилинский;

2-й дивизион – в районе южной окраины М. Мечетинский.

В течение дня полк вёл огонь по отдельным разведгруппам и танкам противника.

Наличие боеприпасов – 1 б/к.

Полк имеет 18-ть 152-мм орудий (1937 г. выпуска) и всего 8 тракторов С-65. Десять орудий не обеспечены тягой. Кроме того, полк недостаточно обеспечен и другими средствами транспорта, имеет всего 5 автомашин». Боевое донесение № 08 штаб артиллерии 37А к 24.00 23.7.42 (ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 355–356).

Частями 156-й СД за 23 июля уничтожено до роты пехоты, одно орудие, подбито 2 танка, сбито 2 самолёта МЕ-109 и подавлена одна артбатарея противника.

А по данным штаба 37-й армии, 74-я СД (штаб Бакланики) обороняет левый берег р. Дон на участке: (иск) оз. Ильмень, Семикаракорская (но сведений о боевых действиях дивизии на этом рубеже у нас нет).

Бойцы п.о. «Донской» им. А. Калинина и С.А. Заярный на позициях 37-й Армии на участке у оз. Ильмень. 2016 г.

При проведении полевой поисковой проверки рубежей обороны на участке оз. Ильмень было обнаружено, что окопы есть, но воронок, стрелянных гильз, осколков от снарядов в них нет. Создаётся впечатление, что оборону здесь готовили, но не применили.

Окопы и воронки имеются и на левобережье Дона. Очевидно, там и была оборона, и шли смертельные бои за каждый метр донской земли. Земля в прибрежной зоне напичкана металлом.

В 37-й армии на 23 июля вместе с автобронетанковыми и артиллерийскими частями насчитывалось 10487 бойцов и ко-

мандиров (без учёта введённых 156-й СД и 110-й КД). Прежние дивизии в ходе отступления собирали бойцов, что происходило и после переправы через Дон, приводили свои части в порядок после боёв под Шахтами и Новочеркасском.

Артиллерийские полки в тяжёлых в тяжёлых арьергардных боях и в последней обороне донских переправ потеряли практически всю материальную часть и были неспособны в полной мере поддержать оборону левого берега донского рубежа ни огнём артиллерии и миномётов, ни стрелковым оружием. У отступающих дивизий почти полностью отсутствовали боеприпасы, у половины личного состава отсутствовало стрелковое оружие. А если учесть ещё и тяжёлое моральное и физическое состояние людей, прошедших километры степных дорог без тылового обеспечения, то понятно, что поддержка от таких подразделений по большей части числилась лишь на бумаге штабных приказов и донесений.

«Мне рассказывал старший брат Михаил, 1920 г. р., который после службы в РККА с первых дней был призван на фронт, что они отступали от немецких танковых частей от Тацинской через наш Николаевский район и, бросив тяжёлое вооружение и боеприпасы на северном берегу Дона, вплавь переплывали на южный берег реки. В отступающих частях Крас¬ной Армии было много солдат со Средней Азии, которые не умели плавать и на подручных средствах пытались переплыть реку. Они все утонули. На левом берегу всех красноармейцев и одного капитана какой-то генерал объединил в новое боевое подразделение для защиты южного берега Дона». В.М. Костромина.

«Наши поставили орудие как раз возле дома. Стреляли до последнего снаряда...

Я с другими детьми хоронилась в окопе, а мама, Евдокия Ивановна Конакова, видя, что солдаты бегут в дом, вылезла из

укрытия и спросила их, что случилось. Они объяснили, что получен приказ на отступление, а патронов и снарядов нет».

По воспоминаниям о событиях июля 1942 года З.С. Строгановой.

Командование 156-й СД испытывает трудности в общении со штабом 37-й армии из-за того, что прежняя линия связи снята (в связи с переходом дивизии из состава 51-й в 37-ю армию). Связь передавалась только по маломощным радиостанциям. Информацию о противнике и положении дел в районе соседних частей почти не получали.

Скупые сведения позволяют понять причины отсутствия связи 156-й СД со штабами армий Южного и Северо-Кавказского фронтов. Одни исключили дивизию из состава, другие не успели принять, обрекая её на самостоятельность. В таком положении Я.Я. Вербов принимает решение не сдавать позиций. Командование же считает, что на Донском рубеже обороны нет, требует занять оборону частями 37-й армии и впоследствии сообщает об обороне рубежа частями этой армии, не упоминая, что те, кто должен занять рубеж, до него не дошли, не организовались. А тех, кто стоит и стоял на рубеже, принимают, как должное, и разделяют их подвиг на все дивизии 37-й армии.

Рассмотрим, что представляли собой дивизии 51-й, 37-й и 24-й армий в своём укомплектовании на момент выхода противника к Дону. Те, кто сражался, и кому предстояло сражаться на Донском рубеже.

Дивизии: личный состав, винтовки, автоматы, пулемёты, орудия, миномёты, ПТР. (данные на 20 июля):

156-я СД	8548	6199	765	249	70	190	262
110-я КД	4597	3205	532	102	22	74	58
74-я СД	3816	1730	87	34	32	44	56
295-я СД	959	364	28	19	18	8	11

230-я СД	947	512	35	10	5	45	1
102-я СД	1057	588	30	10	8	34	36
275-я СД	1864	570	20	11	19	11	5

(ЦАМО, ф. 37А, оп. 8900, д. 17, л. 42).

23 – 24.07.1942 г.

Артиллерия 37-й армии:

268-й армии АП 15 орудий переправлено в районе Мелиховская и находятся в движении на марше на подходе к Карповка 12.00 22.7.42. Одно орудие 20.07.42 подбито танком, а два орудия разыскиваются. 5-й и 593-й АП утром 22.7.42 переправляются. Оставшийся дивизион 370-й АП, предположительно, отошёл на участок 12-й армии. 839-й ОРАД переправился через р. Дон. Уточнённые данные вышлем дополнительно.

(ЦАМО, ф. 228, оп. 774, д. 3, л. 352).

Возможно, к этому донесению имеет отношение розыск поисковиками героев-артиллеристов, места боя и гибели (20.07.1942 г.). Поиск ведётся до сих пор.

К 40-летию освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков

РАЗЫСКИВАЕМ ГЕРОЕВ

По заданию совета ветеранов 980 стрелкового полка 275 стрелковой дивизии, мы, члены клуба «Поиск» Стычновской средней школы Константиновского района, разыскиваем место последнего боя и гибели артбатареи 76-миллиметровых орудий под командованием старшего лейтенанта Ляшенко.

Единственный, оставшийся в живых рядовой Д. П. Корнилов вспоминает: «Мы отходили к Дону. Наша задача была форсировать реку и следовать на Пролетарск. У нас было 1 орудие и 15 человек личного состава. Под вечер подходили к станице. По цепочке передали из головы колонны, что мост заминирован (название станицы и что это был за мост — Корнилов не помнит). Батарея повернула вправо, попала в болото, еле-еле вытащили орудие. Болото было небольшое, шириной метров 200. Выехали на полевую дорогу. Здесь заночевали. Утром, по восходу солнца, со стороны станицы из-за леска выскочили 3 немецких танка. Немцы предложили нам сдаться. Но командир батареи Ляшенко скомандовал: «К бою!».

Бой был неравный. Почти все погибли. Раненый в ногу, я вскочил на уцелевшую лошадь. Примерно через километр попал в какой-то хутор. Около домов стояли испуганные женщины. Здесь подошли еще двое из нашей батареи, уцелевшие в бою. Мы запрягли телегу и двинулись к Дону. К переправе подъехали вечером. Крутой спуск по дороге, обсаженной вербами и сразу Дон. Переправились по понтонному мосту — и двинулись на юг. Через 2—3 километра увидели кирпичный дом — это был госпиталь. Там мне сделали перевязку. Одного из моих попутчиков оставили. Мы двинулись влево от госпиталя и через 1—2 километра попали в станицу или большой хутор, где нашли свой 980 полк».

Среди погибших были старший лейтенант Ляшенко (у него на гимнастерке был орден Красной Звезды), лейтенант Оленин, младшие командиры: Гуменюк, Холодов, Калинин, Горлянов, Игнатов, старшина Трофуша, рядовой Фуртушин.

Возможно, в каком-либо сельском Совете Усть-Донецкого района значатся эти фамилии, а может их хранит память кого-либо из жителей. Может быть кто-либо и откликнется на нашу просьбу.

КЛУБ «ПОИСК».

Ляшенко Евгений Николаевич – командир батареи, орден Красной Звезды:

http://podvignaroda.ru/?#id=10822135&tab=navDetailManAward

Числится пропавшим без вести 10.1942г.:

https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=59656436

https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74810320

Гуменюк Яков Авксентьевич – ранее был награждён медалью «За боевые заслуги»:

http://podvignaroda.ru/?#id=10695692&tab=navDetailManAward

Выжил в том бою и умер от ран чуть позже:

https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=6031611&page=2

На 22 07.727-й ИПТАП в составе 7-ми 76-мм орудий, переправившись через Багаевскую переправу, занял боевой порядок с задачей ПТО переправы в районе Багаевская. В течение дня огня не вёл.

268-й ААП в составе 16-ти 122 мм орудий, переправившись через переправу Мелиховской, одной батареей занял ОП в районе Карповки, которая в течение дня вела редкий методичный огонь по скоплению автомашин и пехоты противника в районе Мелиховская. Остальные орудия, ввиду отсутствия горючего для тракторов, были рассредоточены по маршруту Карповка – Калинин. Исправных тракторов в полку – 12. Наличие боеприпасов – 50 штук.

Артиллерия 295-й СД, переправившись через р.Дон в составе орудий ПА 76 мм – 3, ДА 76 мм – 4, 122 мм – 4, находятся на марше в районе сосредоточения Слободской, Кузнецовка.

О состоянии и районе сосредоточения артиллерии 3-го гв. стрелкового корпуса данных нет. Начальник артиллерии корпуса в течение последних трёх дней о своих частях сведений не имеет. (ЦАМО, ф. 228, оп. 774, д. 3, л. 350)

На 23.07. «268-й АП два орудия ведут бой по ликвидации противника южнее Пухляковский. ОП – Карповка. Четырнадцать – в районе Калинин. Нет снарядов. Горючего достали.

727-й АП – два орудия охрана переправы Багаевская. Переправа продолжается паромом. Мост взорван. Пять – ведут бой с 295-й СД у Пухляковский. Снарядов – 0,5 б/к.

Артиллерия 295-го АП – собрано 17 орудий. Большая убыль людей. Совершенно нет снарядов.

43-й ГМП – без горючего и самовольно отошёл в тыл. Принимаю меры по возвращению и обеспечению горючим.

Прошу немедленно:

а) подать снаряды всех видов в Весёлый и, если можно, Нижне-Соленый.

б) запретить командиру группы ГМЧастей отдавать приказы без меня приданным мне полкам. Они бегут в тыл от всяких слухов, ссылаясь на командира группы. Буду стрелять, как трусов».

Зам. командующего войсками, начальник артиллерии 37-й А генерал-майор Неделин.

14.50 23.7.42 (рукописный подлинник).

(ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 364)

Командиру 268-го АП.

Боев. расп. штаб арт. 37-й А. 23.7.42, 17.30.

«Все взвода управлений полка и дивизионов развернуть подивизионно в полосе обороны 74-й, 295-й и 230-й СД. Задача: немедленно обнаружить сосредоточение противника и подготовку его переправ». (ЦАМО, ф. 37А, оп. 8960, д. 13, л. 64).

Обращаясь к начальнику арт. снабжения Южного фронта генерал-майору Жуку, командующий артиллерией 37-й Армии генерал-майор Неделин доносит: «Положение с боеприпасами очень тяжёлое. Все люди разогнаны, подобрали, что можно у переправ, но это очень мало». (ЦАМО, ф. 37А, оп. 8960, д. 13, л. 44).

Боевое донесение №07 штаб артиллерии 37-й Армии к 24.00, 23.7.42 г.:

д) артиллерия 295-й СД – в составе 76 мм ДА – 4 орудия, 122 мм – 6 орудий, сосредоточена в районе обороны дивизии – данных о работе не поступало. Наличие боеприпасов: 76 мм – 40, 122 мм – 40.

е) данных о артиллерии 230-й, 74-й и 156-й СД и 3-го гв. СК не поступило. 839-й ОА РАД к исходу дня 23.7.42 г. сосредоточен в районе Ниж.-Солёный. Данных о 37-м армейском батальоне ПТР нет.

ж) боеприпасов к исходу дня 23.07.42г. и на утро 24.07.42 г. поступило в армию: из 24-й армии – винт. патронов 85240, 76-мм ДА – 150, 82-мм – 680.

Получен наряд на получение из 24-й А 76 мм ДА – 300, 76 мм ПА – 125, 122 мм 10/30 г. – 900. Посланы приёмщики. Нет совершенно снарядов для 122-мм пушек 31 года выпуска».

Начальник штаба УНА 37-й А майор Зелинский.

(ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 353–354)

«37-я армия, войска которой в течение ночи на 23 июля ещё продолжали собираться восточнее рек Сусат и Подпольная, получила новый приказ Южного фронта:

«...156-й СД и 110-й КД – прочно оборонять левый берег реки Дон на участке Константиновская, Багаевская. Впредь, до установления границы с Северо-Кавказским фронтом, правый фланг 156-й СД оставить на месте, имея тесную связь с 91-й СД. По выходу войск 37-й армии на левый берег р. Дон, оборону Дона занять тремя стрелковыми дивизиями *(имелись ввиду 74, 295, 230-я СД – С. Заярный.)*, выведя в армейский резерв в район Павлов, Кирсановский, Старокузнецовский одну стрелковую дивизию *(156-ю СД, которая, как видно из зачёркнутой строки оперативной сводки, осталась на своём рубеже и после отхода войск армии 26 июля, так как приказ на отход не был достав-*

лен. – С. Заярный) и 110 кд *(110-я ОККД оставалась на своём рубеже обороны до 26 июля. – С. Заярный).*

Позднее фраза о нахождении стрелковой и кавалерийской дивизий в резерве Южного фронта в полосе 37-й армии в районе западнее хутора Весёлый вошло в классическую 12-томную «Историю Второй Мировой войны» (История, 1975: 200). Да и в ряде источников советского периода есть информация о том, что немецкие войска форсировали Дон у ст. Константиновской 22 июля». [11].

«К исходу 21 июля враг вышел к обводу ростовского укрепрайона, одновременно войска 51-й армии СКФ вели напряжённые оборонительные бои с передовыми частями 1-й и 4-й немецких танковых армий, переправившихся на левый берег Дона в районе ст. Николаевская и Константиновская». Генерал А.И. Плиев [48]

На самом деле **156-я сд и 110-я ОККД, переданные с 24.00 22 июля из 51-й армии Северо-Кавказского фронта в 37-ю армию Южного фронта, с 18 по 26 июля беспрерывно сражались с противником, удерживая переправы через Дон на фронте свыше 100 километров.** Войска Южного фронта после переправы через Дон под разными предлогами уходили на десятки километров в тыл для приведения частей в порядок и пополнения вооружением и боеприпасами. Даже после занятия немцами правого берега реки отдельные советские подразделения на подручных средствах переправлялись на левый берег, где некоторые из бойцов оставлялись в обороне.

Как отмечено в журнале боевых действий группы армий «А», населённые пункты за Доном были сильно укреплены. Указано на очень напряжённое положение армии в отношении горючего и отмечено, что срочно требуется подвести горючее, которое необходимо для форсирования р. Маныч. Первый офицер

штаба отвечает, что группа армий сделает все, чтобы добиться здесь улучшения обстановки. Армия получает задание из предмостных укреплений в районе Мелиховская захватить участок р. Маныч, форсировать его и затем продвигаться дальше в южном направлении.

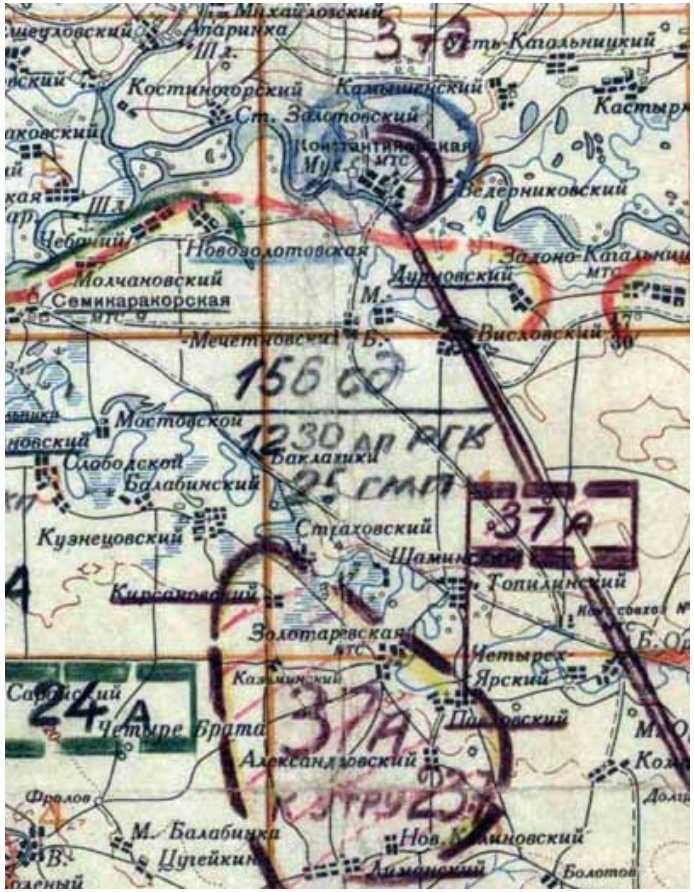
Артиллерия 37-Й армии 24.00 23.7.42:

а) 268-й армейский артполк (ААП) одной батареей на ОП в районе Карповка вёл редкий методичный огонь по переправе в районе Мелиховская. Остальные батареи из-за недостаточного количества снарядов оттянуты в глубину обороны в полосе 74-й, 295-й, 230-й СД, ведя разведку. Обеспеченность боеприпасами – 50 выстрелов, горючего – 1 заправка.

б) 727-й истребительный протвотанковый артполк (ИПТАП) придан 295-й СД, занимал боевой порядок: три орудия в районе кустарник (северо-восточнее 5 км Карповка), два орудия северная окраина Костылевский, имея задачу не допустить переправы противника в районе Пухляков (Пухликовский – авт.) и ПТО дороги Пухляковский, Раздорская, Семикаракорская.

В течение дня вёл методичный огонь по району переправ. Два орудия, требующие ремонта, оттянуты в тылы – Красный Кут, с задачей немедленного ремонта, после чего в срочной постановке на ОП с задачей ПТО дамбы и Весёлый. Наличие боеприпасов – 0,5 б/к». (ЦАМО, ф. 224, оп. 774, д. 3, л. 355).

Из этих донесений 37-й армии мы видим, что артиллеристы отступивших за Дон артчастей, сохранившие матчасть, помогают удерживать оборону в районе 110-й ККД.



Оборона 156-й СД на 23.07.1942 г.

«... Попытка переправы противника в районе Константиновской отбита нашими частями. По данным штадива 156-й дивизии, противник в течении 21 и 22.07.42 г. сосредотачивал 3-ю танковую дивизию в районах н.п. Кастырочный (Кастырский), Усть-Кагальницкий (Упраздно-Кагальницкий), Камышный, Константиновская. По данным опросов пленённого командира батареи обер-лейтенанта Отто Мюддера, захваченного в районе восточнее 3 км от Ведерников, принадлежащего 12-му зенитному дивизиону 3-й танковой дивизии, в районе Константиновской сосредоточено до двух танковых батальонов (140 танков), до полка пехоты, сапёрный бата¬льон, имеющий понтонные мосты, пять зенитных батарей (12 тяжёлых и 33 лёгких орудия). Дивизия имеет задачу 21–23.07 форсировать Дон». (ЦАМО, ф. 224, оп. 703, д. 217, л. 316).

Интересен и тот факт, что часть личного состава 156-й СД без смены обороны, без обеспечения боеприпасов, с минимальным количеством снарядов для орудий и вооружения перебрасывают на рубеж за 50 км под Большую Орловку и Мартыновку. И это при том, что к противнику, расположенному в п. Константиновском, подходит дополнительная подмога: танки и пехота противника. Ведь считалось, что оборону заняли отступающие дивизии 37-й армии.

Следовательно, командование не докладывало реальной обстановки дел на рубеже у п. Константиновского, хотя и оставляло резерв в обороне у посёлка, боясь прорыва противника и здесь. Командование фронтом пыталось ликвидировать прорыв моторизованных частей противника у ст. Николаевской наличными силами и, тем самым, расширить фронт обороны. Хотя этим манёвром командование только растягивало фронт обороны и без того измотанных боями частей 156-й СД и лишало возможности прочно удержать рубеж у п. Константиновского.

Получается, что комдиву Вербову нужно было удерживать фронт значительно меньшими силами! *(При протяжённости фронта 100 км. – авт.)* А ведь дивизия не имела пополнений личного состава и вооружения с момента первоначального занятия рубежа в 50 км, что и так значительно больше, чем положено на стрелковую дивизию Боевыми уставами РККА.

«417-й стрелковый полк 156-й СД с одной батареей и одним дивизионом тяжёлого полка (1230-й ГАП РГК) выдвигался на рубеж Большая Орловка, отделение совхоза №36, (иск) выс. 87, который должен был занять к вечеру 24 июля. Учебный батальон дивизии занимает Бол. Орловка. Артиллерия дивизии вела беспокоящий огонь по противнику, занимающему северный берег р. Дон.

21.30 оперативной директивой №0432/ОП штаба Южного фронта 37-й Армии приказывается в составе 156-й СД, 74-й СД, 275-й СД, 295-й СД, 230-й СД, 102-й СД, сводного отряда 9-й Армии (полковник Демчук), сводного отдельного танкового батальона, 268-го ААП, 727-го ЛАП, 1230-го ААП, 25-го ГМП, 43-го ГМП – прочно оборонять левый берег р. Дон на фронте: Константиновская, Багаевская. Одну стрелковую дивизию иметь в армейском резерве за своим правым флангом. Выделить подвижные отряды для уничтожения групп противника, прорвавшихся в район Малая Орловка и для обеспечения переправ через р. Сал на участке Михайловский, Большая Орловка. Сильным отрядом прочно прикрыть переправы у Манычстрой. Штарм – Верхний Солёный. 110-й КД – по смене частями 37-й Армии, к утру 26.07 сосредоточиться в районе Верхний Хомутец, Голубовка, Заполос. Штадив – Верх. Хомутец в резерв фронта». (ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 6, л. 137–139)

Однако 110-я КД так и не была сменена стрелковыми частями 37-й А.

«С утра 25 июля ответственность за оборону южного берега р. Дон от станицы Константиновской до устья р. Маныч возлагалась только на 37-ю армию.

... По агентурным данным, с 24 на 25.07 3-я танковая дивизия из Константиновской якобы ушла в район Раздорской, оставив в Константиновской до двух рот мотопехоты».

(ЦАМО, ф. 228, оп. 701, д. 1014, л. 385-387).

24 июля передовые части моторизованной дивизии «Великая Германия» прорвали оборону 110-й ОККД в районе ст. Раздорской и форсировали Дон.

К исходу 25 июля над Калмыцкой кавдивизией *(110-я ККД – авт.)* нависла явная угроза окружения танками и мотопехотой противника. Враг оттеснил поредевшие эскадроны от реки Дон и начал наводить в Раздорской мост большой грузоподъёмности для переправы танков.

Севернее хутора Сусатский на фланге 156-й СД накапливались мотопехота 16-й мотопехотной дивизии и румынская конница, а в глубоком тылу, в 35-40 км восточнее, – 3-я и 23-я танковые дивизии вермахта, уже форсировавшие Дон.

25 июля в 14.00 занят Сусатский. В ходе этого боя танковый батальон уничтожил 5 советских лёгких танков. После небольшой передышки вечером танки дивизии «Великая Германия», обойдя оборону 110-й ОККД с тыла, атаковали хутор Калинин, который заняли в 19.15, заставив части 37-й армии отойти дальше на юг (NARA, T315, roll 2282, 103-104).

В результате этого 110-я ОККД оказалась охваченной фашистами с трёх сторон. [11]

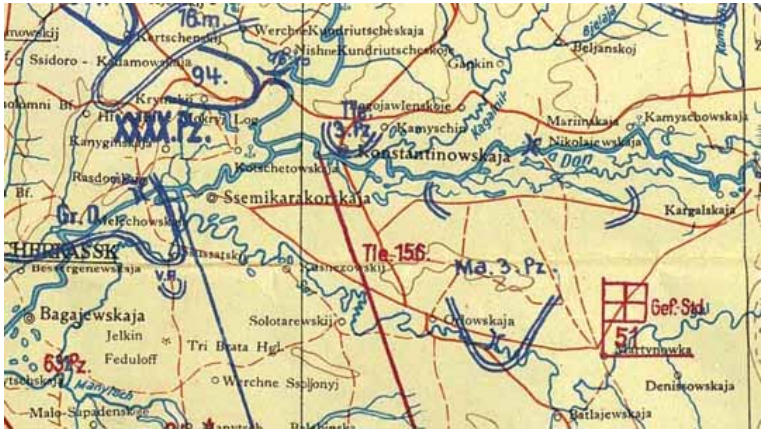
25 июля в 22.00 из штаба 37-й армии сообщили, что в районе Константиновской на правом фланге 156-й СД группировка противника силой до двух пехотных полков и 30-ти танков, при поддержке авиации, в течение дня вела наступательные бои.

Разведсводка № 0371 к 20.00 25.07.42 г., штарм 37-й Армии:

«...На участке ст. Константиновской части 3-й танковой дивизии противника ведут разведку южного берега и расположения наших частей... Авиаразведкой фронта 25.07 установлено в Константиновской скопление 2000 автомашин... С утра 26.07 нужно ожидать активных действий мотопехоты и тан-

ков противника из ст. Раздорской на Весёлый и из Константиновской на Большую Орловку».

(ЦАМО, ф. 228, оп. 709, д. 523, л. 262).



Немецкая карта. Оборона 156-й СД на 25.07. 1942 г.

С 22.00. 25.07 в состав Южного фронта вошла 51-я армия.

Из донесений авиаразведки 4-й ВА 25 июля:

«06.00 – 08.00. Семикаракорская у южного берега стояла 1 баржа. От Крестовский на Кочетовская движение до 100 автомашин. Новозолотовская, 3 км восточнее Костиногорский, у северного берега скопление до 50 автомашин и отдельные предметы коричневого цвета. Есть предположение, что противник подготавливает переправу через р. Дон в этом районе».

(ЦАМО, ф. 4ВА, оп. 4800, д. 13, л. 101)

«13.20 – 14.00 Чабачи *(Чебачий – авт.)* – переправа, средняя часть под водой, Кочетовская – до 400 чел. пехоты и до 20 автомашин. Раздорская – подготавливаются понтоны, предположительно для наведения переправы; около понтона до 100 чел. Костиногорский – до 400 чел. пехоты.

24.00 – 01.30 ... Бронницкий – западнее, у перекрёстка грунтовых дорог, рассредоточено до 100 самолётов разных типов. ... Константиновская – 6-8 км юго-западнее переправа на лодках войск противника». (ЦАМО, ф. 4ВА, оп. 4800, д. 13, л. 105)

37-я Армия (штарм Верх.-Солёный) в ночь на 25.07 обороняла занимаемые рубежи, производила перегруппировку и вела бои с отдельными группами противника в районах Раздорская, Пухляковский, Мелиховская.

Командующий 37-й А решил: *«Прикрываясь частями 110 кд в районе оз. Золотое, силами 295-й СД, 41-й мсбр с 10 танкетками от Сусатский и 74-й СД от Нов. Романовский (3 км восточнее Сусатский) (по приказам с 23 июля должна была оборонять участок оз. Ильмень, Семикаракорская, сменив 530-й СП 156-й СД) с утра 25.07.42 атаковать противника вдоль дороги от Сусатский на Раздорская и выбить за р. Дон.*

156-й СД овладеть Титов и соединиться с частями 51-й А.

275-й СД уничтожить противника в Малой Орловке». С. Заярный.

В течение дня 37-я А, удерживая правым и левым флангами прежние рубежи на р. Дон от Константиновская до Багаевская центром вела бой с противником в районе Сусатский.

(ЦАМО, ф. 224, оп. 760, д. 46, л. 614.)

Противник ведёт бои за овладение левобережными придонскими хуторами Сусатский, Костылёвка, Комаров, Калинин.

На участке Константиновская, Семикаракорская оставлен для обороны один стрелковый полк 156-й СД. Одним полком из района Бол. Орловка 156-я СД готовилась к наступлению в направлении Обливной, содействуя частям 51-й А (СКФ) в уничтожении противника. 156-я СД, наступая одним полком на Титов, встретила сильное сопротивление, успеха не имела. Артиллерия 156-й СД с 1230-м ААП занимает опорный пункт в районах: 1 дивизион 1230-го ААП – восточная окраина Топилинский, 2 дивизион 1230-го ААП – южная окраина М. Мечетновский. Полк в те-

чение 24 и 25.07 вёл огонь по отдельным разведгруппам и танкеткам противника.

Немцы, 4-я танковая армия: Попытка противника взять предмостные укрепления продолжались. 3-я танковой дивизии удалось расширить предмостное укрепление Николаевская и в контратаке захватить несколько населённых пунктов. При этом было подбито 15 танков и захвачено в плен 700 человек. 29-я моторизованная дивизия удерживала свои позиции против сильных атак противника. [11]

«Советские войска, прикрывающие Кавказское направление, занимали к 25 июля 1942 года следующее положение: отошедшая за Дон 37-я армия (генерал-майор М.П. Козлов) держала оборону от южного берега Константиновской до Багаевской. Армия имела 17000 человек, но без единого орудия.

Резерв фронта составляли одна СД и одна КД в районе 37-й армии. Перед фронтом стояла задача ликвидировать прорвавшегося противника и, восстановив положение, удерживать занятые рубежи.

Ближайшей задачей группы немецких армий «А» было окружение и уничтожение советских войск, отошедших за Дон южнее и юго-восточней Ростова. Для этого немцы использовали ударные группировки танковых и моторизованных войск, которые должны были наступать с подготовленных плацдармов в районе Константиновской и Цимлянской». Севастьянов П.В. [26]

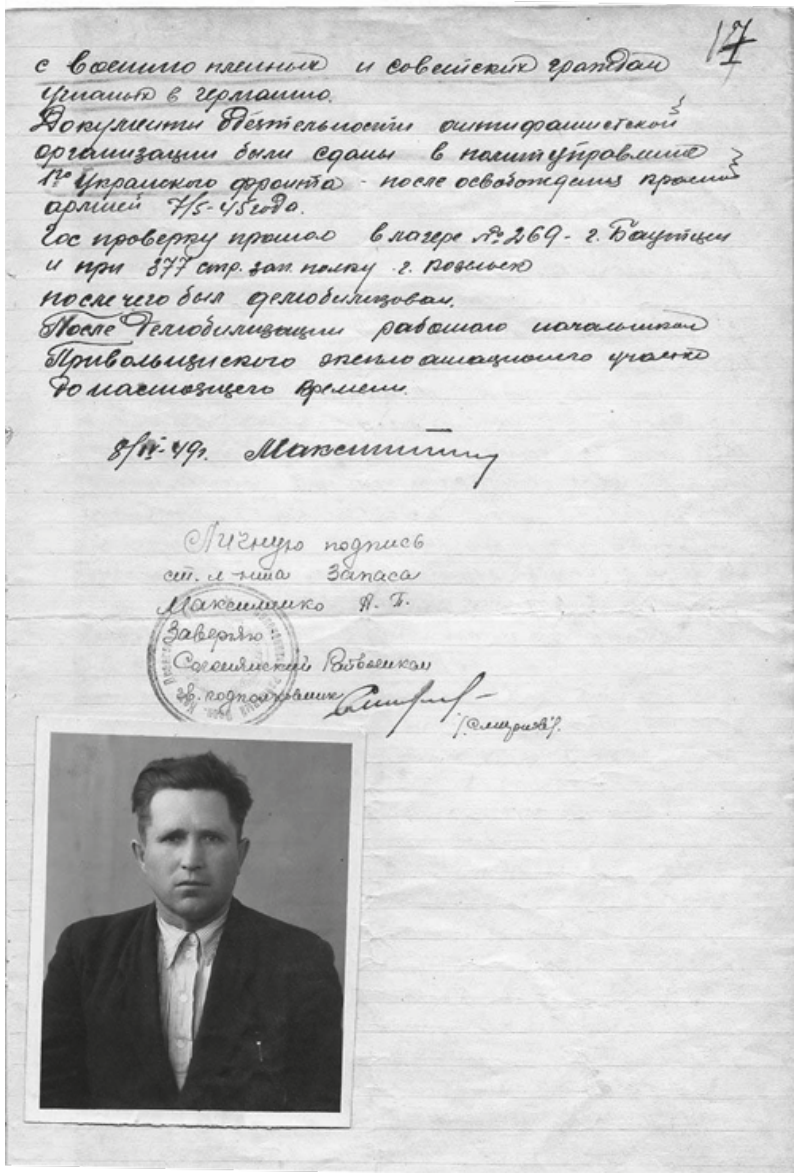
В мемуарах генерала П.В. Севостьянова тоже есть упоминание о резервных дивизиях, явно 110-й КД и 156-й СД, которые должны были по приказам уйти в резерв 37-й Армии, но на самом деле продолжали держать оборону. Очевидно, генерал П.М. Козлов (не путать с командующим Крымским фронтом Козловым Д.Т.), да и командование фронтом, после провала Керченской операции боялись доложить Верховному Командованию о реальном положении дел на Донском рубеже. Ещё было свежо в памяти решение трибунала о судьбе комсостава Крымского фронта и стрелковых дивизий.

Положение 156-й СД на 26.07.1942 года

Пояснительная записка.
О пленении Мотсиашко Александр Григорьевича

I. После неудачных операций на перекисском полуострове, 156 стрдивизия, в которой я проходил службу, переправился через перекисский пролив на Кубань. и для формировки дислоцировалось станицу Лабинской 25 мая 1942г. В то время когда противник прорвал оборону южного фронта и продвигался к Дону 156сд согласно приказа была введена в состав 51 армии и переброшена на Дон. где заняла оборонительный рубеж ст. Семикаракорская - с. Константиновская. Сосед слева 110 кд сосед с права 91сд.
К этому времени через Дон отходили остатки разбитых армий 9й 18й 37й 38й и другие.
В 20х числах июля 51я армия была переброшена на другой участок фронта, а 156сд было передана в распоряжение отходящей через Дон 37 армии и оставлена на прежней позиции, для прикрытия отходящих группировок Ю. Фронта.
С 20 июля на участке обороны 156сд шли ожесточенные бои, противник пытался форсировать Дон. Примерно 25го июля противник прорвал оборону правее и левее позиций 156сд и овладел пунктами большая Орловка справа и с. Богаевской слева в тот же день овладел пос. Веселый, этим самым отрезал единственную переправу через маличевский канал. Связь со штабом 37 армии поддерживалась только по радио и то не устойчивую в виду того что штаб 37 армии все время находился в движении.
26го июля был получен приказ об отходе дивизии. В ночь на 27е дивизия начала отходить в направлении поселка Дальнего на Маныче сами и на утро 27го не доходя 20км. до маличевского пункта произошла встречу с противником где происходил ожесточенный бой 27 28 и 29е июля.

В это время ведя бой с противником дивизия готовила переправу через залив Маныча с бочек и досок разобранной вирзной мельницы.
30го июля дивизия подорвав полевую артиллерию и трактора переправилась через рукав Маныча, а к вечеру 30го сосредоточилась в р-не поселка Дальний Ростовской области на Маныче.
К этому времени были изготовлены паромы и на в ночной ночи переправили остатки тылов.
1го августа в 7ое утра противника во взаимодействии с автоматчиками с лёв наших заставы прорвались в районе нашей переправы одновременно на этой стороне и на другой стороне где часть дивизии было переправлено. Ведя часовой бой остатки дивизии, не имея боеприпасов были разгромлены, часть была захвачено в плен, а большая часть перебита.
Мне с группой офицеров и бойцов в количестве 7ми человек удалось спрятаться в бурьяне и оврагах. Противник прочесывал местность и подбирал остатки техники и нам не удавалось переправиться на противоположную сторону Маныча и только на 3й день ночью переодевшись в гражданскую одежду в поселке рыбаков переправились на другую сторону Маныча и гужами дорогами продвигались по направлению Сальско где еще шли бои. Пробраться к нашим частям не удалось и пришлось зайти бродячей жизнью по Ростовской области, Ворошиловградской, а зайдя в поиске опять в Ростов прибыл на родину. Оттуда и был забран в Германию.
В Германии находился в г. Дрездене на фабрике "Уиной Верто" - где работал в качестве чернорабочего, а зайдя вожатым цеха пос. слесарь.
Во время пребывания в г. Дрездене руководящей антифашистской организацией создание



17

с военно пленных и советских граждан
угнанных в германию.
Документы бывшей антифашистской
организации были сданы в политуправление
1-го Украинского фронта - после освобождения
армией 7/5-45 года.
Гос проверку прошел в лагере № 269 - г. Бауцен
и при 377 стр. зап. полку - г. Подольск
после чего был демобилизован.
После демобилизации работал начальником
Привольнинского оперпункта
Домалинского района.

8/XI-49. Максименко

Пишущ подпись
ст. л-нта запаса
Максименко А. П.
Заверяю:
Секретарь Райвоенкомат
зв. подполковник

Из пояснительной записки бывшего военнопленного старшего лейтенанта Александра Поликарповича Максименко:

«С 20 июля на участке обороны 156-й СД шли ожесточённые бои. Примерно 25-го июля противник прорвал оборону правее и левее позиций 156-й СД и овладел Большой Орловкой, Багаевской и Весёлым, тем самым отрезав путь на Манычскую переправу. Связь со штабом 37-й армии поддерживалась плохо.

26 июля был получен приказ об отступлении. В ночь на 27 июля дивизия начала отход в направлении п. Дальнего. С утра 27 июля и по 29 июля шли ожесточённые бои с противником.

30 июля дивизия, подорвав полковую артиллерию и трактора, перебралась через рукав Маныча.

1 августа, в 7.00, противник, взяв наши заставы, прорвался к нашей переправе с обеих сторон, где завязался часовой бой. Дивизия, не имея боеприпасов, была большей частью разбита и часть взята в плен.

Мне с частью солдат и офицеров в количестве 7-ми человек удалось спрятаться в бурьянах и оврагах. После прочёсывания местности противником, на третий день нам удалось выбраться к Манычу. Благодаря рыбакам мы переоделись в гражданскую одежду и занялись бродячей жизнью по Ростовской, Ворошиловградской и Сталинской области. В октябре я попал в плен и был отправлен в Германию».

Из объяснительной старшего инструктора политотдела 156-й СД Расторoцкого Фёдора Никандровича сотруднику СМЕРШа:

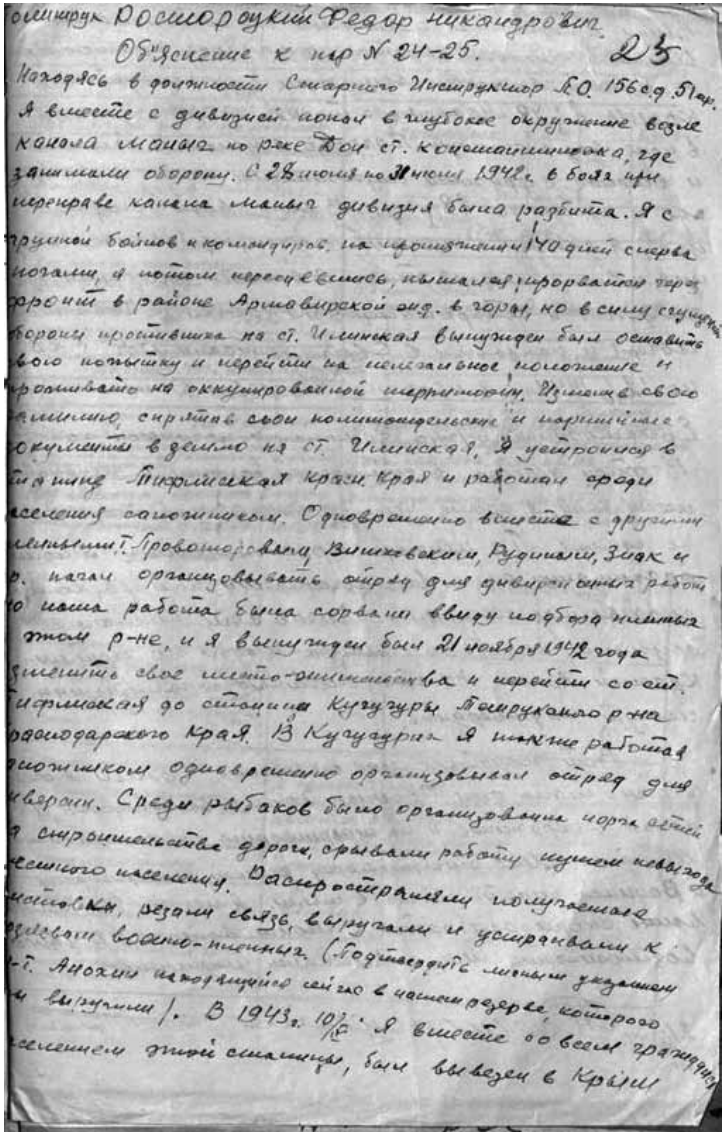
«28 июля 156-я СД снялась у ст. Константиновской и отходила через переправы р.Маныча, связи со штабом не было. При переправе дивизия была разбита. С первого августа 1942 года, я с группой бойцов и командиров пошёл из окружения на Кавказ. На протяжении 140 дней, сначала ночами, потом переодевшись мы двигались за фронтом. Последний раз пыта-

лись пробиться через линию обороны противника у Армавирской железной дороги. Но ввиду сильной плотности обороны противника и ослабших бойцов вынуждены были оставить эту попытку».

Ф. Н. Растороцкий, политрук 156-й СД

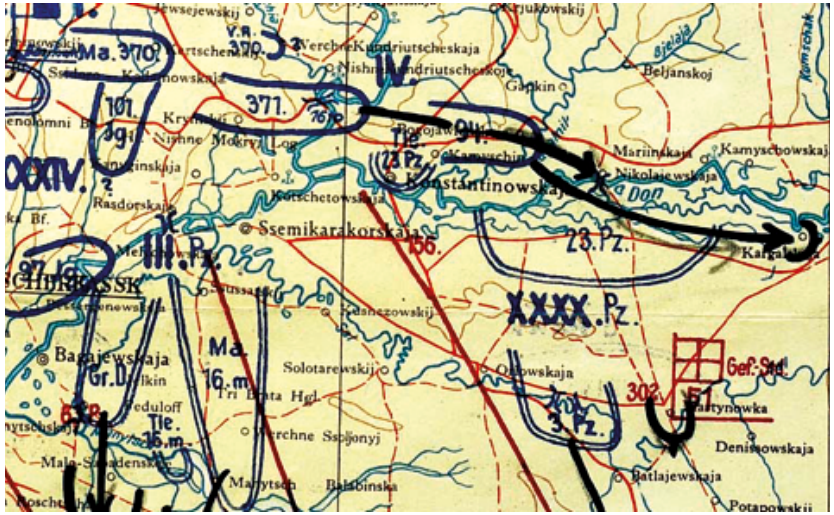
Дальше Фёдор Никандрович описывает, как несколько раз они, окруженцы, собирали диверсионные отряда из местных жителей и военнопленных, рвали вражеские линии связи, распространяли листовки, организовывали саботажи на промышленных и строительных объектах оккупантов.

В августе 1943 г., во время облавы, Растороцкий был схвачен, и с группой местных мужчин отправлен в Джанкойский лагерь в Крыму. В январе 1944 г. по состоянию здоровья переведён в Севастопольский лагерь, и далее в августе 1944 года освобождён войсками 2-й Гвардейской Армии. После прохождения проверки, в декабре 1944 г. направлен в 10-й запасной полк 2-й Гв. Армии.



Политрук Растороцкий Федор Никандрович.
Объяснение к пр. № 24-25. 23
Находясь в должности Старшего Инструктора П.О. 156 с.д. 51 гр.
Я вместе с дивизией попал в глубокое окружение возле
канала Маныч по реке Дон ст. Константиновка, где
занимали оборону. С 28 июня по 31 июня 1942 г. в боях при
переправе канала Маныч дивизия была разбита. Я с
группой бойцов и командиров, на протяжении 140 дней сперва
ногами, а потом передвигаясь, пытался прорваться через
фронт в районе Армавирской жел. в горы, но в силу сгущения
обороны противника на ст. Илинская вынужден был оставить
свою попытку и перейти на нелегальное положение и
проживать на оккупированной территории. Изменив свою
фамилию, спрятав свои политпартийные и партийные
документы в землю на ст. Илинская, я устроился в
станице Тифлисская Красн. Края и работал среди
населения сапожником. Одновременно вместе с другими
членами т. Провоторовым, Вишневским, Рудиным, Знак и
др. начал организовывать отряд для диверсионных работ
но наша работа была сорвана ввиду подбора пленных
этом р-не, и я вынужден был 21 ноября 1942 года
изменить свое место-жительства и перейти со ст.
Тифлисская до станицы Кугугуры Темрюкского р-на
Краснодарского Края. В Кугугурах я также работал
сапожником одновременно организовывал отряд для
диверсии. Среди рыбаков было организовано порча сетей
на строительстве дороги, срывали работу путем невыхода
местного населения. Распространяли получаемые
листовки, резали связь, выругали и устраивали к
розлевам военно-пленных. (Подтвердить личным указанием
т. Анохин находящийся сейчас в нашем резерве, которого
мы выручили). В 1943 г. 10/6. Я вместе со всем гражданским
населением этой станицы, был вывезен в Крым

Объяснительная Ф.Н. Растороцкого



Оборона 156-й СД на 27.07.1942 года

Штаб Южного фронта после жёсткого ответа Сталина на сообщение Малиновского в переговорах 22 июля о форсировании немецкими танками Дона у Николаевской больше не сообщал в своих сводках в Ставку о наличии крупных танковых сил немцев в полосе от Николаевской до Раздорской, опасаясь гнева Верховного Главнокомандующего. Только 26 июля в 11.55, после начала движения немецких мотомеханизированных колонн к р. Маныч в переговорах по прямому проводу штаб Южного фронта сообщает Генеральному штабу: *«На фронте Козлова: положение не улучшилось. Противник до полка мотопехоты и шестидесяти танков вышел в район Калинин. 295-я СД, имея в своём составе 200 человек, 156-я СД двумя полками обороняет фронт Задоно-Кагальницкий, Семикаракорская, имея один полк в районе Бол. Орловка, свх. № 36».*

(ЦАМО, ф. 228, оп. 701, д. 1025, л. 141-150).

Из авиосводок на 26.07:

«6.14 – 6.55. Константиновская переправа горит... Константиновская – западнее 3 - 4 км переправа разрушена. У правого берега гружёная баржа. Константиновская переправа под водой, на восточной окраине скопление до 20 автомашин и 10 танков. Старозолотовская – 2 км восточнее, паром и на лодках переправляется пехота противника. Крестовский – на пароме и лодках переправляется пехота. Центральная часть переправы опущена под воду... Чебачий (15 км западнее Константиновская) – 3 баржи, одна из них находится у северного берега, остальные две на середине реки».

(ЦАМО, ф. 4ВА, оп. 4800, д. 13, л. 105)

Судя по данным на 26 июля, противник, получив подкрепление и горючее, начал массовое наступление по всему фронту Донского рубежа.

Противник на Константиновском направлении продолжал переправу пехоты и танков на участках Николаевская, Мелиховская и к исходу дня 26.07 овладел н. п. Несмеяновка, М. Орловка, Калининский, Верх. и Ниж.-Солёный и продвигался на Весёлый и Кудинов.

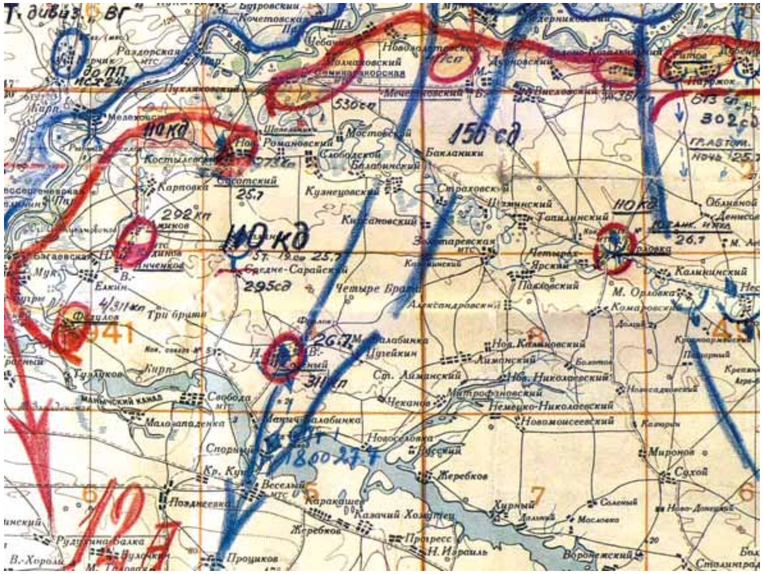
27 июля 156-я СД получила опоздавший на сутки приказ на отступление. Оставляя орудия без боеприпасов и тягловой силы, не имея достаточного количества патронов и мин, стрелковые подразделения оставляли Донской рубеж.

В ночь на 28.07 37-я армия отходила на новый рубеж. 156-я СД вела бои с 40 танками противника, прорвавшимися в район Буденновской. Противник, потеряв 9 танков, отошёл в северном направлении. (По военным донесениям. В.А. Афанасенко.)

28-го июля крупные силы неожиданно нанесли удар в южном направлении на Большую Мартыновку и далее на г. Сальск. Немецкие танки и пехота вышли прямо на штаб отдельного кава-

лерийского корпуса и практически уничтожили его. В бою погибли многие офицеры, в том числе и генерал-майор Б.А. Погребов.

Начальник связи 316-го кавполка капитан Анатолий Иванович Якушев вместе с бойцами отражал танковые атаки противника. Затем, с уцелевшими воинами ушёл в сторону Константиновской.



27.07.1942 г. Прорыв МД «Великая Германия» и 16-й МД

Ввиду того, что корпус перестал существовать, Якушев был назначен заместителем командира 215-го отдельного батальона связи 156-й стрелковой дивизии, обороняющей южный берег Дона в районе Константиновская – Семикаракорская. Бойцы дивизии не знали, что 24 июля был занят Ростов, и устремились на Армавир. Таким образом, капитан Якушев с бойцами оказались в окружении. Пять месяцев плена.

В августе Якушев восстановлен в звании и назначен заместителем командира батальона в 315-ю стрелковую дивизию. 23-го сентября 1944-го года майору А.И. Якушеву присвоено звание Героя Советского Союза.

А.И. Якушев

На 28.07.: «27.07. Дивизион 1230-й АП 152-мм орудий нам удалось в самый последний момент отхода на южный берег канала вытянуть из района 156-й СД Бол. Мечетной. На марше он был атакован броневиками, отогнал их огнём ПТР, вечером был атакован танками, потерял одну единицу, но 8 из 9 штук вывел на южный берег и вчера принимал самые активные действия в бою». Неделин. 28.07.42 г., 17.25 (подлинник).

(ЦАМО, ф.224, оп.774, д.3, л.366)

«По 102-я СД численность на 28 июля составляет грубо ориентировочно 600-700 человек с учётом обоза. Основная масса военнослужащих не имеет личного оружия.

156-я СД за последние дни имеет боевые потери, но, ввиду отсутствия связи, также как по 230-я СД, 275-я и 74-я СД, установить их численность не представляется возможным».

Командующий 37А генерал-майор Козлов.

Член Военного Совета бригадный комиссар Абаулин.

Начальник штаба армии генерал-майор Варенников (одна подпись НШ)».

(ЦАМО, ф. 37А, оп. 8939, д. 16, л. 212.)

28.07. 156-я СД вела бои с 40 танками противника в районе Буденновской. Попытки противника овладеть населённым пунктом были отражены. Противник потерял 9 танков и отошёл в северном направлении. (Журнал боевых действий ЮФ)

Из перевода документов пехотной дивизии (пд) «Великая Германия»: «156-й СД, правый сосед 110-я КД, изначально имела задачу прикрывать отход войск с севера через р. Дон на юг на участке от Семикаракорской до Задоно-Кагальницкий, позднее защищать берег Дона. Однако под давлением 3-ей ТД была вынуждена отказаться от обороны и переправиться на южный берег р. Сал. Здесь сохранившиеся ещё части, в междуречье Сал и Маныч, в дальнейшем у Болотова, были окружены в период 28.7–2.8.42 частями 23-й ТД и ПД «Великая Германия». Части, отсечённые от остальных, в Жеребков пытались переправиться на южный берег р. Маныч. Для препятствования переправе ПД «Великая Германия» 1.08.42 был использован 361-й СП с сильной поддержкой артиллерией из Ново-Моисеевский.»

«Из немецких карт и сегодняшнего приказа видно, что противник в данной ситуации вызвал задержку немецкого продвижения на Дону, оборудовав данные позиции. Таким образом, установлено действие 110-й КД в районе Багаевская – Семикаракорская, так как во время обороны она растягивалась. Также выявлены некоторые участки обороны 110 кд с упорным сопротивлением действиям пехотной дивизии «Великая Германия».

После разделения этой группы противника, остатки были уничтожены. Командир отходящего полка 1.08.42 сообщил, что окружённые сражались после 28.07.42 без поддержки или смешавшись с другими частями. Оборонительные позиции противника были заняты в острой атаке». [11] *(Подполковник Пядов Михаил Григорьевич, 01.08.1942г. пленён на Маныч-канале, освобождён 08.1944 г., – авт.).*

Эти воспоминания, донесения, как и военные карты РККА и Германского вермахта, являются ещё одним свидетельством, что 156-я стрелковая дивизия продолжала держать оборону, находясь «в мешке» окружения вплоть до 27–28 июля 1942 года. Отдельные группы бойцов и командиров дивизии ещё долгое время прорывались к фронту через тылы противника.

31 июля связь с 156-й СД отсутствует. (Ф. 51-й армии, оп. 9837, д. 45, л. 252.)

К концу июля фронта уже не было. Между армиями Южного фронта образовались большие разрывы, войска не были способны сдержать натиск противника. На ряде участков отступление превратилось в бегство. В дивизиях 12-й, 18-й, 37-й армий оставалось по 500-800 штыков. В 56-й, 9-й, 24-й армиях оставались только штабы и спецчасти. [26]

Отдельные бойцы из оставленных заслонов, выходя из окружения, перебирались через Маныч доступными способами 27 и 28 июля.

Немцы дали высокую оценку действиям нашей артиллерии:

«Артиллерия противника использовалась умело и очень подвижно. С напряжением всех сил не очень сильной артиллерии достигалась наибольшая концентрация в центрах обороны. В обороне линии оборона Дона русскими рядом с лёгкой артиллерией, противотанковыми и залповыми орудиями исполь-

зовалось также несколько тяжёлых орудий. Противник отвёл от Дона большие пушки рано.

Отход между Доном и Манычем прикрывался 7,62-сантиметровыми полевыми орудиями и противотанковыми пушками, которые просто накрывались миномётами, используемыми против русских пушек на поле боя...

Русские хорошо использовали носимые боеприпасы, при обороне Дона русские организовали поднос боеприпасов для артиллерии». (NARA, T315, roll 2282, 171).

Хотя мы знаем, что в артиллерийских снарядах и минах в той же 156-й СД испытывался значительный недостаток. Да и перемещение орудий на новые позиции осложнялось в связи отсутствием достаточного количества техники.

Ярким примером боёв на Донском рубеже может служить количество пленных, захваченных дивизией «Великая Германия» в июле 1942 года. Общее количество – 4472 человека, из них: 230, 275, 295, 73-я стрелковые дивизии и 34-я кавалерийская дивизии – незначительное количество; 15-я гвардейская СД – 37 человек; 74-я СД – 192; 102-я СД – 68; 347-я СД – 34; **156-я СД – 1365; 110-я ОККД – 1180**; строители – 900; не определена принадлежность около 600 воинов РККА.

(NARA, T315, roll 2282, 171, 173, 174).

Большое количество пленных из 156 СД и 110 ОККД говорит не о том, что воины этих соединений плохо воевали, а объясняется тем, что они стояли на позиции до конца, а приказ на отход был дан с опозданием, когда пути к отступлению уже были отрезаны.

На сов. военнопленных

228 ср

1. Фамилия Гребенщиков
2. Имя Иван 3. Отчество Павлович
4. Год и место рождения 1918 г. Челябинс. обл. Кизильский р-н.
5. Национальность русский 6. Партийность кан. ВКП(б)
7. Профессия и специальность
а) военная Артиллерист
б) гражданская учитель
8. Последнее местожительство до призыва в армию Челябинская обл. Кизильский р-н Село Кацбах
9. Воинское звание Лейтенант
10. С какого года в Красной Армии и каким военкоматом был призван с 1939 Кизильским РВК Челябинской обл.
11. Когда и где был пленен 25.7.42 г. ст. Константиновск. Ростов обл.
12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность 37-я армия, 156 СД 434 А.П. ком-р взвода управления

На сов. военнопленных

402

1. Фамилия Пчегатлук
2. Имя Гиссо 3. Отчество Махмедович
4. Год и место рождения 1922 Ауп Пчегатлукай Погалукаевский р-н
5. Национальность адгеец 6. Партийность безпартийный
7. Профессия и специальность
а) военная Отделок
б) гражданская счетовод
8. Последнее местожительство до призыва в армию Ауп Пчегатлукай Понежукаевского р-н Краснодарского края
9. Воинское звание Лейтенант
10. С какого года в Красной Армии и каким военкоматом был призван 5-12-1941 г. Понежукаевским Р.ВК Краснодарского края
11. Когда и где был пленен 28.07.42 г. реки Монач Ростов обл.
12. Наименование воинской части, род войск и последняя занимаемая должность 361 сп 156 сд 51 армии ком взвода Пеното

К сожалению, из-за отсутствия списков личного состава дивизии и учётных данных по призыву, нет возможности установить имена и фамилии всех офицеров, рядовых бойцов и младших командиров 156-й СД, погибших, раненых и попавших в плен при обороне донских переправ.

Вместе со своими командирами лежать в донской земле осталось много бойцов, обслуживавших орудия и миномёты. На поступающие запросы родных, после войны приходил стандартный ответ – пропал без вести. Уже в последующие 1990-е и 2000-е годы, с появлением энтузиастов-поисковиков и просто неравнодушных граждан, в России широко развился поиск пропавших, не вернувшихся с войны.

О последних днях июля 1942 года вспоминает летчик-штурмовик В.Б. Емельяненко:

«Под постоянными атаками шести немецких истребителей довёл свой ИЛ в район конесовхоза № 36, где оставил подбитый штурмовик и отправился в сторону своего аэродрома.

По пути он встретил отступающих солдат, прикрывающих северный берег Дона и отход наших частей от Лисичанска. Они тоже выполняли приказ: «Ни шагу назад!» и держались до последнего. Теперь они без обуви и оружия искали свою часть. Их комбат Мисаров погиб ещё в районе Лисичанска.

...Я подумал, что они не удержали на Дону позиций, и спросил: «Почему без оружия?»

– Утонуло, когда через Дон плыли... Сапоги и те пришлось бросить на том берегу. Река широка...

Встретились призывники, идущие в Константиновскую на призывной пункт военкомата. А там уже противник...

Ехали телеги, гружённые чемоданами, за ними шли десятка два штатских и один военный. Отозвав в сторону военного, спросил: «Откуда?» – «Из Мечетинской».

Объяснил работнику военкомата, что Константиновская занята противником, через конесовхоз на Орловку прошёл передовой отряд. Тот сразу не поверил. Ему тоже читали приказ, где были слова: «Ни шагу назад!» («В военном воздухе суровом». 1972 г.). [28]

А по воспоминаниям жителя г. Константиновска А.Н. Череватенко, 1925 г. р.:

«Нас, призывников, насобиралось человек 40–50, посадили на баржу, которую толкал буксир, и отправили на Ростов. В Семикаракорах к нам добавилось ещё несколько десятков таких же призывников. Погода была солнечная, и ничего не предвещало трагедии. Через какое-то время послышался вой самолётов, и в небе появились «Юнкерсы». Они промчались над баржой вдоль Дона. Потом один самолёт, развернувшись, зашёл на баржу. Все стоят как заворожённые. Мне товарищ кричит: «Прыгай!». А я не могу двинуться с места, словно прилип к палубе, стою и смотрю на приближающейся самолёт. Уже вижу, как он снижается и летит прямо на баржу, вижу лётчика. Товарищ кричит: «Прыгай!» И толкает меня. Мы прыгнули в Дон. В воде ощутили толчок от разрыва бомбы. Выплываем на левый берег и оборачиваемся на баржу. Прямое попадание. От баржи одно дырявое корыто, которое продолжает тащить буксир. Самолёт улетел. Нас на берегу осталось 18 человек, очевидно, те, кто успел спрыгнуть в воду».

Сколько таких призывников, не учтённых в списках потерь, пропало без вести? Не дошли на фронт и не вернулись домой...

Госпиталь ППГ № 32, обслуживающий 156-ю стрелковую дивизию, находился в Маныч-Бабаленской. Часть раненых красноармейцев 156-й стрелковой дивизии попадает в госпиталь 54-го ЭП, находящийся в г. Калаче Сталинградской области.

(ЦАМО, Н.П. Енгаличев, 417-й СП).

Об ошибках и промахах в руководстве и организации обороны на Донском рубеже в июле 1942 года своё слово сказали генералы и маршалы в послевоенных воспоминаниях. Но о героизме бойцов и командиров 156-й СД скромно умолчали.

Упорные боевые действия на Донском рубеже частей 51-й армии Северо-Кавказского фронта (в том числе 156-й СД и 110-й ОККД, переданных в 37-ю армию) и 56-й армии Южного фронта в районе Ростова на несколько дней заставили немецкие дивизии задержаться на правом берегу Дона, дав возможность изнурённым отступлением 9, 12,18, 24 и 37-й армиям немного оторваться от противника. Затем танковые и моторизованные дивизии вермахта и СС вновь бросились в погоню за обескровленными, практически безоружными, лишёнными транспорта советскими колоннами, гоня часть из них к Моздоку, а другую часть вновь пытаясь захватить в кольцо до переправ на реке Кубань. [11]

«Итог бурной деятельности штабов, управлений оборонительного строительства, сапёрной армии в составе восьми сапёрных бригад и 19 строительных батальонов был «нулевым» – никаких рубежей: ни главных, ни тыловых, никаких заграждений, никакого минирования военных объектов. На рубеже Дона также ничего не было сделано. Более-менее окопалась только 51-я армия». (П.В. Севостьянов. «Битва за нефть».)

«Серьёзным недостатком в действиях наших войск следует считать слабое управление ими со стороны командования и штабов некоторых армий и дивизий. Плохо управляемые части, не имея твёрдого руководства, нередко отходили разрозненными группами, порой, почти не оказывая сопротивления врагу.

Отрицательно повлияло на действие наших войск отсутствие надёжных оборонительных рубежей. Ранее подготовленный рубеж по южному берегу Дона не поддерживался в сохранности, и к моменту занятия его нашими войсками пришёл в негодность». (А.А. Гречко. «Годы войны», 1976 г.)

«Отсутствие карт в подразделениях, частях, соединениях и объединениях РККА привело к катастрофической ситуации. Управлять войсками без карт было невозможно. Все тяжёлое вооружение оказывалось беспомощным, войска теряли управление. Неуправляемая артиллерия и неподдерживаемая артиллерией пехота отходили, оголяя фронт, оставляя командные пункты и стратегические запасы. А танки без карт блуждали».

(Ф.И Голиков. «Выдающиеся победы Советской Армии в годы ВОВ»,1953 г.)

Командир 156-й СД, полковник Яков Яковлевич Вербов, на 5.09.42 ещё командовал 156-й СД *(судя по наградному листу штаба СКФ на Андрющенко Сергея Александровича от 05.09.1942 года).*

О героических сражениях дивизии полковника Я.Я. Вербова есть много подтверждений как в архивных документах, так и в воспоминаниях ветеранов и местных жителей донских станиц и хуторов. Удивительным остаётся тот факт, что об этих героях забыли на последующие десятилетия.

Бойцы и командиры 156-й СД сражались на Донском рубеже и не отступили до получения запоздавшего приказа. Стойко и мужественно защищали они донскую землю от фашистского нашествия, в надежде, что здесь, на Дону, враг будет остановлен.

Беседы АГИТАТОРА

Бегство с поля боя, сдача в плен

—тягчайшее преступление

Вот маленький отрывок из фронтовой газеты, которую через все годы войны пронёс боец Красной Армии, бережно храня рассказ агитатора: «Бегство с поля боя, сдача в плен – тягчайшее преступление».

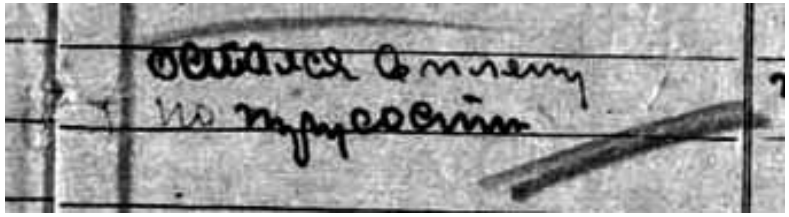
«...Советский человек дерётся за Родину, за свободу, за свою жизнь, за жизнь своих родных. Нынешняя война – особенная. Она справедливая потому, что мы отстаиваем свою землю от полчищ варваров. Она отечественная потому, что её ведёт весь советский народ – от мала до велика.

Друг, невеста, мать отвернутся от труса-изменника, убежавшего с поля битвы.

Старый друг отказал изменнику в кровле, мать отреклась:
«Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один,
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»

Как после таких слов можно было бросить рубеж, оставить свою родную землю, Советскую Родину, оставить своих родных на растерзание врагу?!

Боялись попасть в плен не из-за страха перед врагом, а боялись быть проклятыми дома, (когда получат сообщение: «попал в плен по трусости»). Советский народ вёл священную Отечественную войну, и воины 156-й СД держались на Донском рубеже до последнего патрона, до последнего снаряда...



Оборона 156-й дивизии в донской степи. Современный снимок

Эта «голая оборона» в донской степи до сих пор не заросла кустарником и лесом, не смыта вешними водами на протяжении семи десятилетий. Окопы, воронки, землянки – это шрамы

войны, напоминающие потомкам о героизме советского воина перед армадой немецких бомбардировщиков, моторизованных и танковых дивизий в июле 1942 года.

В 1954 году, по решению Константиновского райисполкома и райкома КПСС (от 16.02.1953 г.), в районе гостиницы «Донской» (в саду им. 1-го Мая), был установлен памятник воинам, павшим в боях за город Константиновск.

Снимок 1954 года. Памятник в городском саду. Сегодня этот памятник мало кто помнит

По первым данным, в братской могиле было захоронено 125 воинов Красной Армии, в том числе 4 офицера.

После войны посёлок Константиновский расширялся, принял статус города. Инфраструктура молодого города требовала обновлений. Райисполкомом было принято решение № 201

(от 15.06.1977 г) о строительстве мемориала-комплекса погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной воинах на территории Комсомольской площади.

15 декабря 1979 года состоялось торжественное открытие нового мемориала с памятными плитами, на которые были нанесены имена погибших при защите и освобождении города (72 известных).

Сегодня известны имена 257 воинов, павших за мирное небо над городом.

Мемориал на Комсомольской площади. 1979 г.

«Прекрасна донская земля. Залечены тяжёлые раны войны. На месте опалённых боями руин построены новые города и станицы – прекраснее прежних. А там, где когда-то полыхало беспощадное пламя войны, ныне цветут сады и колосятся пшеничные поля.

Но настоящее никогда не бывает без прошлого. Пройдут десятилетия и века, а в памяти народной никогда не изгладится слава известных и неизвестных героев, верных и доблестных защитников своего Отечества.

Разве можно забыть огненный шквал, обрушившийся четырежды в годы войны на города и станицы Дона? Разве забудется стремительный натиск наших наступающих соединений по прорыву заблаговременно подготовленных и глубокоэшелонированных оборонительных рубежей противника, стойкость советских войск при отражении массированных ударов превосходящих сил гитлеровских захватчиков?

Навсегда останутся в памяти советских людей поля ожесточённых сражений на донской земле, изрытые снарядами, минами и бомбами, гусеницами танков, колёсами орудий и машин. На этих полях советские воины в стремительной схватке с немецко-фашистскими оккупантами вышли победителями». Генерал И.А. Плиев. [48]

Оказывается, сглаживается слава героев, и можно не только забыть, но и сравнять памятники, перепахать поля сражений вместе с останками героев, построить на месте братских могил великолепные жилые дома и разбить сады и огороды, проложить дороги. Стало возможным перевернуть историю подвига советского воина в годы войны, заменив их зарубежной рекламой или западной пропагандой. Рассказать небывалые истории с выдуманными зарубежными героями, заменив ими настоящие подвиги и имена героев родного Отечества.

Глава 4.

Боевой путь Вербова

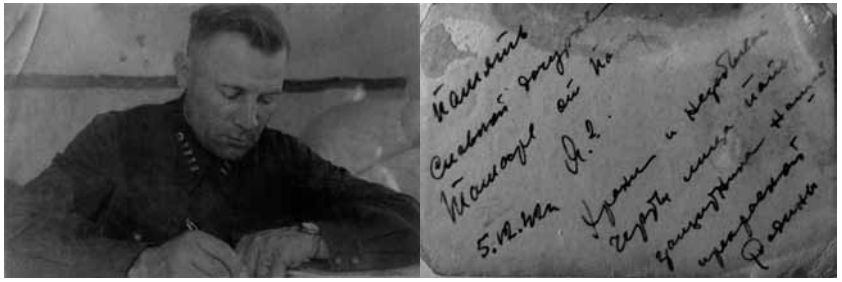
(с осени 1942 года)

С октября 1942 года полковник Я.Я. Вербов командует 7-й отдельной стрелковой бригадой Черноморской группы войск Закавказского фронта.

На войне любой день мог стать последним в жизни каждого воина. В биографии Вербова, в период с октября по декабрь 1942 года, сказано: *«Лежал в госпитале г. Сочи».*

Яков Яковлевич отправляет дочери Тамаре свою фотографию с памятной надписью:

«Славной дочурке Тамаре от папы.
Храни и не забывай черты лица папы –
защитника нашей прекрасной Родины.
5.12.42. Я.Я.»



Из биографии:

«Весной, в марте 1943 года, командуя 23-й СД 47-й Армии, убыл с дивизией из Закавказского фронта и ЧГВ на огневую Курскую дугу в состав войск Степного фронта. Вели оборонительные и наступательные бои с освобождением г. Харькова и других городов и сёл.

В июне 1943 года был отозван Верховным Главнокомандующим на кратковременные курсы в академию Генштаба им. Ворошилова.

В июне 1944 года, получив высшее военное образование, был направлен командиром 9-й гвардейской Краснознамённой дивизии 43-й Армии 1-го Прибалтийского фронта. (30.06.1944 – 21.07.1944 г.) [6]

Принимал активное участие в операции «Багратион» по разгрому оккупационных войск в Белоруссии. Освобождал города Витебск, Миоры. Мне присвоено звание почётного гражданина города Миоры. Освобождал территории Литовской и Латвийской ССР».

Согласно архивных данных Министерства Обороны России, дивизия участвовала в Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион».

С 12 июня по 1 августа 1944 года в наступательных действиях прошла 810 км, очистила от противника площадь в 227 кв. км, пройдя с боями 55 км. Освободила 58 крупных населённых пунктов, нанеся врагу ощутимый урон (уничтожено 1164 солдат и офицеров, захвачено большое количество техники и вооружения). [23]

Противостоящие части 16-й немецкой армии группы армий «Север» занимали оборону в полосе будущего наступления в течение семи месяцев и за это время создали укрепления, состоящие из многих эшелонов. Главный оборонительный рубеж имел название «Пантера», затем располагался второй оборонительный рубеж «Рейер» по линии: Опочка – Себеж – Освея. Далее следовал промежуточный оборонительный рубеж «Блау» по рекам Синяя и Шкяуне, а далее по границе Калининской области до реки Западная Двина. Тыловой рубеж обороны «Грюн» был оборудован по западному берегу реки Лжа, Рунданам, Дагде и Краславе. Все рубежи обороны имели железобетонные сооружения и многочисленные инженерно-минные заграждения. К началу июля 1944 года численность противника, по данным советской разведки, исчислялась в 100 тысяч человек. К началу операции, в связи со спешной отправкой в Белоруссию трёх дивизий, их число сократилось до 72 тысяч человек, 1229 орудий и миномётов, 80 танков, 223 самолётов. [22]

«25.06.1944 года дивизия форсировала Западную Двину и наступала в направлении на Ветрино, Свеча, Мосар, Ушачи, Кульчай, Шитини... В лесах у Ветрино освободили от оккупантов Красное, Дворное Село, Свердлы, Блашки, Гизуны, Новые Горяны, Отоки и многие другие населённые пункты. Преследуя противника, дивизия вышла на территорию Латвийской ССР, ведя бои за Даугавпилс (Двинск)». Я.Я. Вербов.

«Первыми в город ворвались воины штурмового штрафного батальона под командованием Г. Воробьёва. Они водрузили флаг на одном из домов. В подвале дома, где в послевоенные годы находился технический отдел детско-юношеского центра «Яуниба», расположился штаб корпуса».

Об этом мне рассказывал в письмах, уже после войны, сам Г. Воробьёв», – вспоминала Н. Смирнова, санинструктор штрафного батальона. [21]

Даугавпилс был освобождён 27 июля 1944 года.

С июля 1942 года, со времени выхода приказа № 227, известного в истории под названием «Ни шагу назад!», в практику ведения войны вошло посылать штурмовые штрафные роты и батальоны впереди стрелковых дивизий – на прорыв укреплённой и, как порой считалось, неприступной обороны противника.

При освобождении Латвии, в местечке Орданга, в составе 28-го отдельного штурмового батальона 3 марта 1945 года погиб стрелок Расторoцкий Фёдор Никандрович, в июле 1942 года служивший старшим инструктором пропаганды политотдела 156-й СД. Похоронен в Приекуле. (Смотрите главу 156-я СД, стр. 194)

В августе 1943 года в Смоленской области погибает младший брат Якова Яковлевича – Кузьма Вербов, ефрейтор 620-го стрелкового полка 164-й СД.

Кузьма Яковлевич Вербов. 1942-43 гг.

Далее из биографии Я.Я. Вербова:

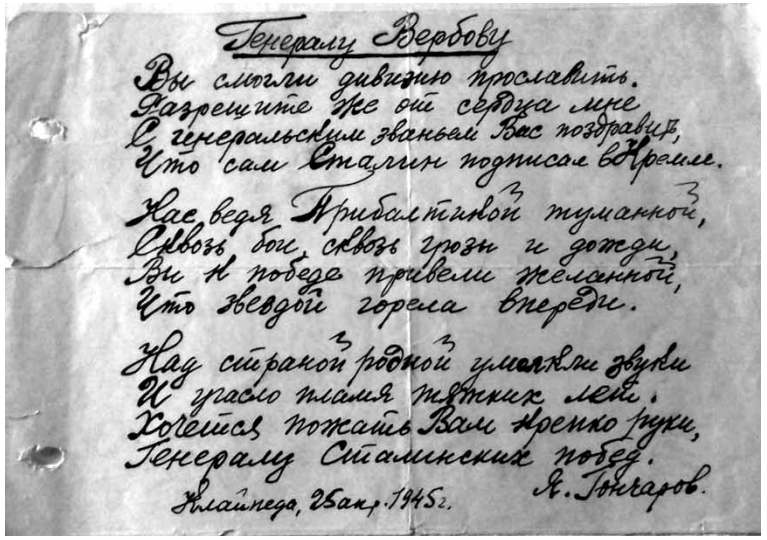
«На заключительном этапе войны, в 1944-1945 гг., командовал 32-й Верхне-Днепровской Краснознамённой ордена Суворова дивизией. Участвовал в Рижской наступательной операции.» (04.1945 г. Я.Я. Вербову присвоено звание генерал-майора).

В архиве Вербовых хранится стихотворение Я. Гончарова, написанное в Клайпеде 25 апреля 1945 года.

Вы смогли дивизию прославить.
Разрешите же от сердца мне
С генеральским званьем Вас поздравить,
Что сам Сталин подписал в Кремле.

Нас ведя Прибалтикой туманной
Сквозь бои, сквозь грозы и дожди,
Вы к победе привели желанной,
Что звездой горела впереди.

Над страной родной умолкли звуки
И угасло пламя тяжких лет.
Хочется пожать Вам крепко руку –
Генералу Сталинских побед!



Генералу Вербову

Вы смогли дивизию прославить.
Разрешите же от сердца мне
С генеральским званьем Вас поздравить,
Что сам Сталин подписал в Кремле.

Нас ведя Прибалтикой туманной,
Сквозь бои, сквозь грозы и дожди,
Вы к победе привели желанной,
Что звездой горела впереди.

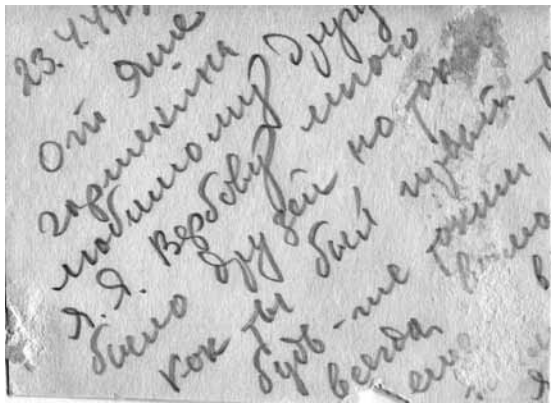
Над страной родной умолкли звуки
И угасло пламя тяжких лет.
Хочется пожать Вам крепко руку,
Генералу Сталинских побед.

Клайпеда, 25 апр. 1945 г. Я. Гончаров.

В это же время ему вручена запоздалая награда – медаль «За оборону Кавказа».

В архиве Я.Я. Вербова есть фотография его фронтового друга, начальника штаба 129-го стрелкового корпуса 47-й Армии 1-го Белорусского фронта, Горшенина Якова Павловича. (1945 г. – генерал-майора, командующего 260-й СД).

Полковник Я.П. Горшенин



Дарственная надпись на обороте снимка

«С 17 по 24 сентября 1944 года 32-я Верхне-Днепровская Краснознамённая ордена Суворова дивизия, в составе 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, принимала участие по прорыву обороны противника юго-западнее Риги. Наступая из района Бауски по направлению Текава – Рига, она прорвала оборону противника и за два дня упорных наступательных боёв продвинулась вглубь до 10 км, успешно отражая непрерывные контратаки пехоты и танков противника.

К концу сентября в составе армии дивизия была переброшена на Мемельское направление, где 5 октября северо-западнее города Шяуляя, успешно прорвав оборону, части дивизии перешли в решительное преследование противника и за два дня боёв продвинулись на запад свыше 40 км, освободив более 50 населённых пунктов.

28 сентября 1944 года дивизия с боями вышла к берегу Балтийского моря.

По воспоминаниям Я.Я. Вербова, части дивизии вышли к морю севернее Мемеля 10 сентября 1944 г.

22 октября 1944 года 32-я СД награждена орденом Суворова II степени.

(24 ноября 1944 года Прибалтийская стратегическая наступательная операция была завершена – Примеч. авт.)

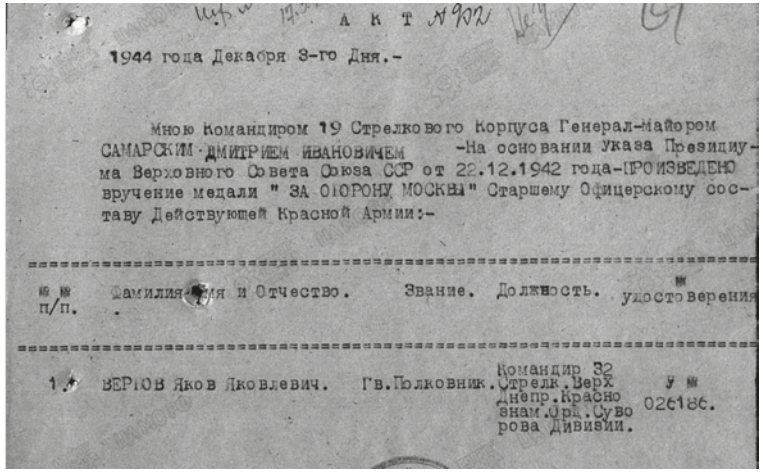
С января 1945 года в составе 4-й ударной армии дивизия наступала по берегу Балтийского моря от Мемеля на Кёнигсберг. Она получила задачу скрытно форсировать Куршский залив, занять Куршскую косу и удержать её, тем самым лишив врага дороги, связывающей Кёнигсбергскую, Мемельскую и Курляндскую группировки войск.

С апреля 1945 года, в составе Курляндской группы войск Ленинградского фронта, 32-я СД принимает участие в блокировании Курляндской группировки войск противника. [7]

«В итоге этой операции была освобождена от оккупантов территория всех Прибалтийских республик (кроме Курляндии),

разгромлены двадцать шесть и уничтожены три дивизии группы армий «Север». Остальные дивизии оказались заблокированными на Курляндском полуострове и в районе Мемеля, где и оставались в изолированном положении до конца войны. Наши войска вышли к Балтийскому морю и, перейдя границу с Восточной Пруссией, создали плацдарм для последующих наступательных действий в этом направлении». П.И. Кириченко. [8]

В это время генерала Вербова нашла ещё одна заслуженная награда – медаль «За оборону Москвы».



А К Т №902

1944 года Декабря 3-го Дня.-

Мною Командиром 19 Стрелкового Корпуса Генерал-Майором САМАРСКИМ ДМИТРИЕМ ИВАНОВИЧЕМ -На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22.12.1942 года-ПРОИЗВЕДЕНО вручение медали " ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ" Старшему Офицерскому составу Действующей Красной Армии:-

№ п/п.	Фамилия, Имя и Отчество.	Звание.	Должность.	№ удостоверения
1.	ВЕРБОВ Яков Яковлевич.	Гв.Полковник.	Командир 32 Стрелк.Верх Днепр.Красно знам.Орд.Суворова Дивизии.	У № 026186.

А следом, 11 декабря 1944 года, Я.Я. Вербов был награждён очередным орденом «Красного Знамени» (Приказ Первого Прибалтийского фронта № 01063 от 11.12.1944 г.).

Из наградного листа:

«В боях по прорыву обороны противника юго-западнее г. Риги, с 7 по 24.09.1944 г., дивизия под командованием т. Вербова выполнила поставленные перед ней задачи прорыва обороны противника и за два дня упорных боёв продвинулась на 10 км, успешно отражая контратаки танков и пехоты противника.

5.10.44 г северо-западнее г. Шауляй, успешно прорвав оборону противника, дивизии перешли в решительное его преследование и продвинулись на запад свыше 40 км, освободив более 50 населённых пунктов. Противнику нанесены большие потери: уничтожено свыше 250 немецких солдат и офицеров, взято в плен 21, подбито два самоходных орудия, разбито 11 орудий и 6 миномётов, 14 пулемётов и много другого вооружения. Захвачен склад с боеприпасами, 8 орудий, 3 миномёта, 11 пулемётов и много автоматов и винтовок. Дивизия при этом имеет незначительные потери».

В Прибалтийской операции Я.Я. Вербову больше всего запомнился январский штурм Клайпеды:

«26 января 1945 года в 17.00 передовые батальоны начали наступление на г. Мемель (Клайпеда). 28 января город был полностью освобождён от врага. Противник потерял убитыми 5000 солдат и офицеров, лишился 40 танков, 70 орудий и 188 миномётов, 180 пулемётов, 48 паровозов и 1400 вагонов».

Освобождение Клайпеды было сопряжено с большими трудностями. Ещё в 1939–1941 годах, то есть после захвата гитлеровской Германией Клайпеды и Клайпедского края, оккупанты создали вокруг города-порта разветвлённую систему фортов крепостного типа. Железобетонные доты, несколько линий траншей с хорошо оборудованными ходами сообщения, минные поля, проволочные заграждения в 2–3 ряда и другие оборонительные сооружения на подступах к городу являлись серьёзным препятствием для наступающих войск. В самой Клайпеде дома были превращены в опорные пункты с гнёздами для пулемётов и орудий разного калибра. На улицах гитлеровцы устроили завалы, баррикады. Здесь находился крупный немецкий гарнизон, состоявший из 4 дивизий, усиленный 200 танками. Немцев поддерживали береговая артиллерия и орудия группы боевых кораблей, в которую входил тяжёлый крейсер «Лютцов». Клайпеда имела сильное

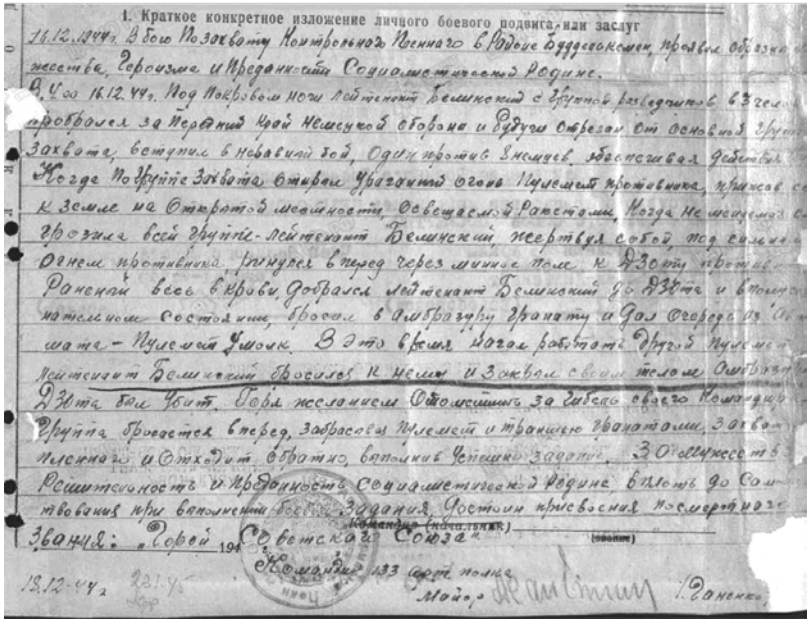
зенитно-артиллерийское прикрытие, причём часть лёгких зенитных средств располагалась и на крышах домов. [50]

В своей биографии Яков Яковлевич скромно написал:

«Вели бои на косе Кюршу-Неринга. Нанесли мощный удар по захватчикам и вынудили его отступить к Риге. 5 октября 1944 года совершили скрытый марш с Рижского на Шауляй-Мемельское направление (г.Мемель и крупный порт) с выходом к Балтийскому морю. После успешного проведения Мемельской операции группа войск противника «Север» навсегда была отсечена от Восточной Пруссии».

В своих мемуарах Яков Яковлевич вспоминает подвиг Белинского:

«В одном из освободительных боёв девятнадцатилетний командир взвода разведчиков 113-го артполка 32-й СД лейтенант Белинский Е.С. повторил подвиг Александра Матросова».



1. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

16.12.1944 г. В бою по захвату контрольного пленного в районе Будделькемен, проявил образец мужества, героизма и преданности Социалистической Родине.

В 4.00 16.12.44 г. под покровом ночи лейтенант Белинский с группой разведчиков в 3 чел. пробрался за передний край немецкой обороны и будучи отрезан от основной группы захвата, вступил в неравный бой, один против 8 немцев, обеспечивая действия. Когда по группе захвата открыл ураганный огонь пулемет противника, прижав к земле на открытой местности, освещаемой ракетами, когда неминуемая грозила всей группе - лейтенант Белинский, жертвуя собой, под сильным огнем противника, ринулся вперед через минное поле к дзоту противника. Раненый весь в крови, добрался лейтенант Белинский до дзота и в полусознательном состоянии, бросил в амбразуру гранату и дал очередь из автомата - пулемет умолк. В это время начал работать другой пулемет. Лейтенант Белинский бросился к нему и закрыл своим телом амбразуру дзота. Был убит. Горя желанием отомстить за гибель своего командира, группа бросается вперед, забрасывая пулемет и траншею гранатами, захватывает пленного и отходит обратно, выполнив успешно задание. За мужество, решительность и преданность Социалистической Родине, вплоть до самопожертвования при выполнении боевого задания, достоин присвоения посмертного звания: «Герой Советского Союза».

Командир (начальник) (звание)

Командир 133 арт. полка

Майор Ганенко

18.12.44 г.

«16.12.1944 г., в бою по захвату контрольного пленного в районе Будделькемен, проявил образец мужества, героизма и преданности социалистической Родине.

В 4.00 16.12.44 г. под покровом ночи лейтенант Белинский с группой разведчиков пробрался за передний край немецкой обороны, и, будучи отрезанным от основной группы захвата, вступил в неравный бой, один против 8 немцев. Когда вражеский пулемёт открыл огонь по группе захвата, прижав всех к земле на открытой местности, освещённой ракетами, когда всей группе грозила неминуемая смерть, лейтенант Белинский, жертвуя собой, под огнём противника ринулся вперёд через минное поле к дзоту противника. Раненый, весь в крови, Белинский добрался до дзота и в полусознательном состоянии бросил в амбразуру гранату и дал очередь из автомата. Пулемёт умолк.

В это время начал работать другой пулемёт. Лейтенант Белинский бросился к нему и закрыл своим телом амбразуру дзота. Был убит.

Горя желанием отомстить за гибель своего командира, группа бросается вперёд, забрасывая траншею и пулемёт гранатами, захватывает пленного и отходит обратно, успешно выполнив задание.

За мужество, решительность и преданность социалистической Родине, вплоть до самопожертвования при выполнении боевого задания, достоин присвоения посмертного звания Героя Советского Союза.

Командир 133-го артполка майор Ганенко. 18.12.44 г.»

28 января 1945 года лейтенанту Белинскому Ефиму Семёновичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вместе с ним в литовскую землю легли ещё 180 его боевых однополчан. Ефима Белинского с почестями похоронили в братской могиле на воинском кладбище в Кайряй. [50]

Памятник Е.С. Белинскому. [50]

В архиве генерала Я.Я. Вербова сохранилась фотография ещё одного героя – стрелка пятой роты 17-го СП 32-й СД Харибина Ивана Николаевича, 1901 года рождения. Вербов пишет, что Харибина в полку и дивизии называли «борода», за то, что он всегда носил бороду.

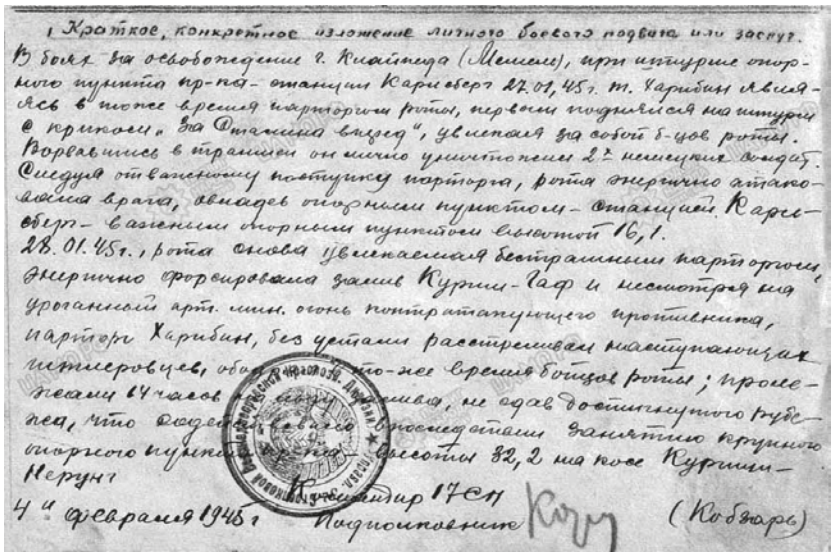
Ефрейтор Харибин, за бои по освобождению станции Карисберг в районе города Мемеля, был награждён орденом «Красного Знамени».

Из наградного листа:

«В Боях за освобождение г. Клайпеды (Мемель), при штурме опорного пункта противника – станции Карисберг, 27.01.1945 г., тов. Харибин, в то же время являясь парторгом роты, первым поднялся в атаку с криком: «За Сталина – вперёд!», увлекая за собой бойцов роты. Ворвавшись в траншеи противника, он лично уничтожил двух немецких солдат. Следуя отважному поступку парторга, рота энергично атаковала врага на станции Карисберг, овладев важным опорным пунктом – высотой 16.1.

28 января рота, увлекаемая бесстрашным парторгом, энергично форсировала залив Куриш-Гаф. Несмотря на ураганный артиллерийский и миномётный огонь контратакующего противника, Харибин без устали расстреливал наступающих гитлеровцев, в то же время ободряя бойцов роты, пролежавших на льду залива более 14 часов, но не сдавших завоёванного рубежа, что впоследствии содействовало занятию крупного опорного пункта – высоты 32.2».

Харибин Иван Николаевич



1 Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.
В боях за освобождение г. Клайпеда (Мемель), при штурме опорного пункта пр-ка – станции Карисберг 27.01.45 г. т. Харибин являясь в тоже время парторгом роты, первым поднялся на штурм с криком „За Сталина вперед", увлекая за собой б-цов роты. Ворвавшись в траншеи он лично уничтожил 2х немецких солдат. Следуя отважному поступку парторга, рота энергично атаковала врага, овладев опорным пунктом – станцией Карисберг – важным опорным пунктом высотой 16,1.
28.01.45 г., рота снова увлекаемая бесстрашным парторгом, энергично форсировала залив Куриш-Гаф и несмотря на ураганный арт. мин. огонь контратакующего противника, парторг Харибин, без устали расстреливал наступающих гитлеровцев, ободряя в то-же время бойцов роты; пролежавших 14 часов на льду залива, не сдав достигнутого рубежа, что содействовало впоследствии занятию крупного опорного пункта пр-ка – высоты 32,2 на косе Куриш-Нерунг
Командир 17 СП
4 февраля 1945 г. Подполковник (Кобзарь)

Из воспоминаний С.Г. Горшкова о боях по освобождению Клайпеды:

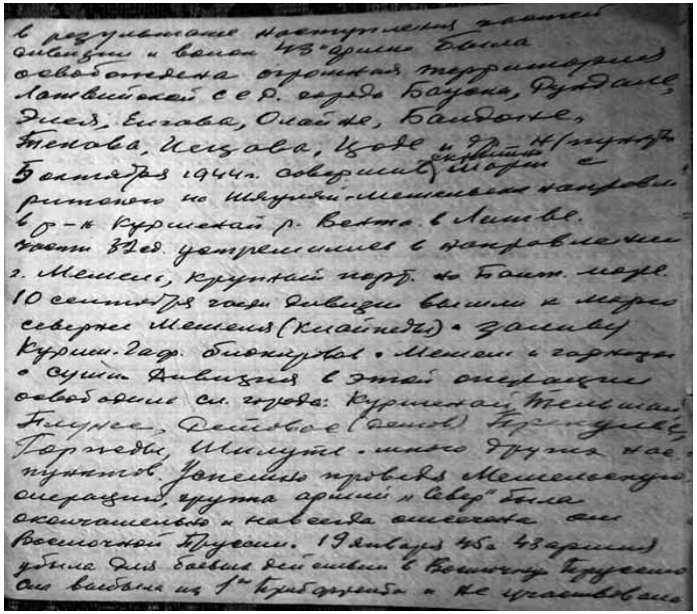
«Соединения 4-й ударной армии начали наступление утром 27 января, а в 14 часов в операцию включилась 16-я литовская стрелковая дивизия... Несмотря на сильный пулемётный и артиллерийский огонь противника, на контратаки его пехоты, поддержанной танками, наши соединения занимали одну линию обороны гитлеровцев за другой. В 3 часа ночи 28 января 1-й стрелковый батальон 249-го стрелкового полка нашей дивизии первым ворвался в город. Для наращивания силы удара генерал-майор А. Урбшас ввёл в бой из второго эшелона 167-й стрелковый полк. В 5 часов 30 минут к Куршскому заливу вышел батальон майора Гладкова из этого полка, а в 8 часов 30 минут части армии полностью освободили Клайпеду от гитлеровской нечисти... 29 января в городе ещё рвались оставленные фашистами мины замедленного действия, и только после полудня сапёрам майора Стрельчюнаса удалось, в основном, разминировать город. Однако гитлеровцы, отступившие на Куршскую косу, вели оттуда интенсивный артиллерийский огонь по городу...

Именно коса стала последним прибежищем остатков разгромленных в Клайпеде гитлеровских войск. В их ликвидации приняли участие 32-я и 344-я стрелковые дивизии, а от 16-й литовской – 156-й стрелковый полк. В ночь на 30 января подразделения полка были сосредоточены в районе Смельте. Воины, одетые в белые маскировочные халаты, бесшумно перешли по льду залив и дружно атаковали гитлеровцев, засевших на косе. Противник не ожидал столь внезапного удара и отступил на север к маяку, надеясь эвакуироваться на кораблях. К 9 часам утра 30 января полк очистил от неприятеля северную оконечность полуострова. Там, на башне маяка в Смильтине, взвился победоносный алый стяг.

«28 января овладели литовским городом Клайпеда – важным портом и сильным опорным пунктом обороны немцев на побережье Балтийского моря, завершив тем самым полное очищение советской Литвы от немецких захватчиков», – такое объявление сделал по радио диктор Юрий Левитан. В честь освобождения Клайпеды в Москве был дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий». [14]

Во время блокады и штурма город был сильно разрушен. При эвакуации немецкие войска взорвали промышленные объекты и мосты, пострадало около 60 % зданий, среди которых было немало архитектурных ценностей. [50]

Памятник советским воинам в г. Клайпеда



За форсирование р. Проня и р. Днепр, а также за прорыв сильно укреплённых позиций, 32-я СД получила звание «Верхнеднепровская» и орден Красного Знамени. За прорыв оборонительного рубежа юго-восточнее г. Рига – благодарность И.В. Сталина и орден Суворова 2 степени. За освобождение г. Клайпеда – благодарность т. Сталина. [10]

Из рассказа дочери Я.Я. Вербова – Татьяны:

«Отец часто вспоминал: «Высшее командование установило конкретный срок, а подойти к городу можно было только по тонкому льду. Первыми пошли штрафбат, «смертники», «пушечное мясо». Они видели, как проваливаются под лёд танкетки с десантом. И снова и снова, волна за волной посылали на лёд. Здесь, как и в Керчи, вода стала красной от крови. Многие пополнили списки пропавших, – показывать потери было не принято».

С 28 на 29 января по неокрепшему льду, который не выдерживал тяжести солдата, дивизия форсировала косу Куршин-Нерунг (Куршская коса).

Из воспоминаний Я.Я. Вербова:

«29 января в неравном бою с отступающими из Клайпеды фашистами на косе погиб передовой отряд 113-го СП командира роты капитана Полозкова И.В. Семерым из них было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза: Полозкову И.В., капитану Фомину В.М., лейтенанту Ларину М.Ф., парторгу батальона лейтенанту Кулику А.П., мл. лейтенанту Лапушкину И.А., мл. лейтенанту Владысеву В.Г., наводчику сержанту Портянко А.А.»

Согласно архивных данных МО РФ, все они погибли у дороги, в 400 м от населённого пункта Каприн.

В.Г. Владысев умер от ран 31 января и похоронен в братской могиле в парке г. Гаргждай.

Мемориал – Памятный камень – на 9-м км автодороги Клайпеда-Нида у хутора Алкснине, восстановлен на средства Российской Федерации посольством России в Литве в 2005 году. [49]

Памятный камень

Вот как описывает это героическое сражение командир дивизии Я.Я. Вербов:

«С 28 на 29 января дивизии была поставлена задача: отрезать путь отступления вражеских войск из Клайпеды в сторону Кенигсберга. 113-й полк дивизии первым на косу высадил десант. Сломив отчаянное сопротивление гитлеровцев на Керенгской косе и заняв плацдарм, дивизия перехватила путь отхода неприятелю. Противник любой ценой пытался сбросить десантников в море. 29 января у хутора Алкснине разгорелся жаркий неравный бой. Немцы, поддерживаемые танками и артиллерией, многократно атаковали небольшой отряд десантников, и каждый раз откатывались назад. В бою с превосходящими силами противника редели ряды защитников плацдарма. Ни беспрерывные атаки, ни «Пантеры», ни «Фердинанды» не сломили мужество воинов-десантников. Закрыв врагу путь к отходу, они стояли насмерть».

С 8 февраля 32-я СД в составе 4-й Ударной Армии участвует в разгроме Курляндской группировки противника. 9 мая группировка капитулировала. Сдались в плен 300 000 солдат и офицеров, 48 генералов. Захвачено 158 самоходок, 500 танков и штурмовых орудий, 3500 полевых орудий и миномётов, 18 000 автомашин, 675 тракторов и тягачей, 33 оснащённые дивизии прекратили своё существование.

С мая по август дивизия занималась разминированием и очисткой от взрывоопасных предметов территории Литовской ССР. В августе дивизия отбыла в Тамбовскую область, где продолжала жить по-фронтовому до расформирования (март 1946 года).

В июне 1945 г. генерал-майор Я.Я. Вербов был участником парада Победы в Москве. Об этом памятном событии мы знаем из рассказа его младшей дочери Татьяны:

«Предельный рост воинов, участвовавших в параде, был 172 см. Репетиции проходили в течение месяца, маршировали весь день, ноги сбивали до крови. Не каждый мог выдержать, тех, кто падал в обморок или стирал сильно ноги, отправляли обратно к месту службы.

По рассказам отца, ходили слухи, что приезжала жена Черчилля, её называли Черчиллиха, и привезла сукно, из которого сделали парадные мундиры для генералов.

В параде участвовало более 40 000 чел. Открыли парад колонны сводных полков 11 фронтов, в каждом больше 1000 чел.

Проходили они в том порядке, в каком были все линии боевых действий к концу войны.

После того как в торжественной обстановке были вынесены и брошены на деревянный помост 200 вражеских знамён и

прошли войска, должны были пройти гражданские колонны, которые ожидали с раннего утра. Но из-за проливного дождя демонстрацию отменили.

После дождя все генералы и офицеры бегали по Москве в поисках швейных мастерских, – надо было высушить парадный мундир, в то время это стоило немалых денег. Все спешили, ведь на вечер была запланирована встреча со Сталиным».

С марта 1946 года Я.Я. Вербов командовал 272-й дивизией Московского округа, 50-й отдельной бригадой Воронежского округа. Занимался восстановлением разрушенных фашистами зданий (казарм и других помещений), разминированием в Воронежской, Орловской, Курской, Брянской и Калужской областях. Воины оказывали помощь в восстановлении сельского хозяйства.

С 1952 г. по 1956 г. он занимал должность заместителя командующего ВВС Черноморского флота.

На парадном кителе 1945 года генерал-майора Я.Я. Вербова видны шесть орденов, в том числе, четыре ордена Красного Знамени. В своих воспоминаниях Яков Яковлевич говорит, что был награждён орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени и 11 медалями, не упомянув об ордене Отечественной войны. К сожалению, в доступном поиске в архивных документах МО РФ мне не удалось найти наградные листы на все генеральские награды. Да это и понятно, война не сохранила документов о многих героических поступках советских бойцов и командиров.

Мария Николаевна, супруга Якова Яковлевича, работала в медицинском исследовательском институте. В 1942 году она была направлена в госпиталь для военнопленных.

Семья генерала Вербова: жена – Вербова Мария Николаевна, дочь Тамара, 1927 г.р., дочь Татьяна, 1946 г.р. Последние годы семья проживала на улице Набережной в городе Симферополе.

М.Н. Вербова

Мария Николаевна – медик, всю войну – в госпиталях. Имела правительственные награды. Была настоящей верной боевой подругой. Две дочери генерала – педагоги. Сын старшей дочери – офицер Советской Армии, сын младшей дочери – врач.

Из воспоминаний Татьяны Яковлевны Вербовой:

«Наш дом свою биографию ведёт с довоенного 1937 года. Парадные подъезды, многоугольные комнаты и чудесная ротонда, величие сталинского ампира. Он казался живым и был похож на корабль. Из распахнутых окон доносились музыка и смех. Соседи собирались вместе, пили шампанское и танцевали.

В 1937 году ключи от квартир в новенькой «сталинке» получали военные – высший командирский состав Красной Армии. В парадных встречались генералы и полковники. Привет-

ствуя друг друга, они не желали доброго утра или хорошего дня. «Здравия желаю!» – отбивалось эхом на все четыре этажа просторных подъездов.

Во время оккупации в доме квартировали немецкие офицеры.

Квартиру здесь мы получили в 1968 году, в обмен на свой особняк, который передали государству, – с ним стало трудно справляться.

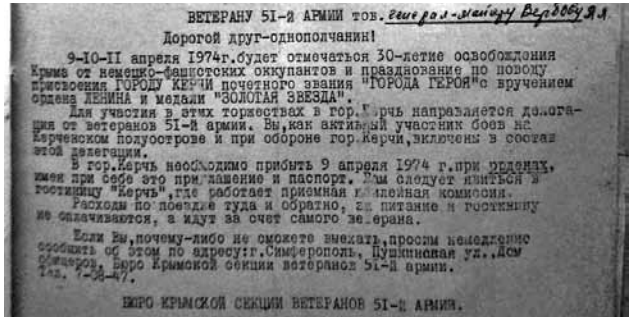
В этом доме жили: Герой Советского Союза Василий Акимович Горишный, который расписался на стенах Рейхстага; Шестак Константин Андреевич после прорыва обороны одним из первых ворвался в Псков и стал в мирное время его почётным гражданином. Список фамилий можно продолжать долго: Митрохов, Куклин, Демин, Воробьев – каждый человек навсегда вписан в историю.

Звёзды на погонах не меняли приоритетов бывших командиров. Эти люди умели быть полезными своей стране и жить иначе не могли. Полным семейным составом отставники выходили на субботники. Не брезговали ни в палисаднике вскопать, ни дорожки подмести. Поскольку субботники всегда имели привязку к праздникам – Первомаю и 7 ноября – после наведения порядка во дворе жильцы собирались в квартирах на застолье.

Излишеств не было: готовили винегрет, варили борщ, пекли пирожки. В те времена вообще жили скромно. Я не помню у мамы ценностей.

Слушая тишину знаменитого дома, с трудом веришь, что когда-то в нём кипела жизнь. Наследники красных командиров с тревогой смотрят на новых соседей, поселившихся в их доме. Если сказать просто, то дружбы здесь больше нет. Теперь во дворе можно услышать оскорбление, увидеть скопление машин и запросто потерять самое ценное для человека – доброе имя. О людях, в памяти которых бережно хранятся воспоминания о лучших годах дома на Набережной, говорят с пренебрежением: «тётка» или «бабка». Подобные «новшества» только усиливают тревогу старожилов». [19]

В генеральской квартире Вербовых обстановка с 1970-х практически не изменилась. Высокие потолки, старинная мебель, книжные полки с советской литературой, семейные фотографии, фарфоровые статуэтки уводят сознание в прошлый век – век великих полководцев Советского Союза, одержавших Победу над фашизмом.



ВЕТЕРАНУ 51-й АРМИИ тов. генерал-майору Вербову Я.Я.

Дорогой друг-однополчанин!

9-10-11 апреля 1974г.будет отмечаться 30-летие освобождения Крыма от немецко-фашистских оккупантов и празднование по поводу присвоения ГОРОДУ КЕРЧИ почетного звания "ГОРОДА ГЕРОЯ"с вручением ордена ЛЕНИНА и медали "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА".

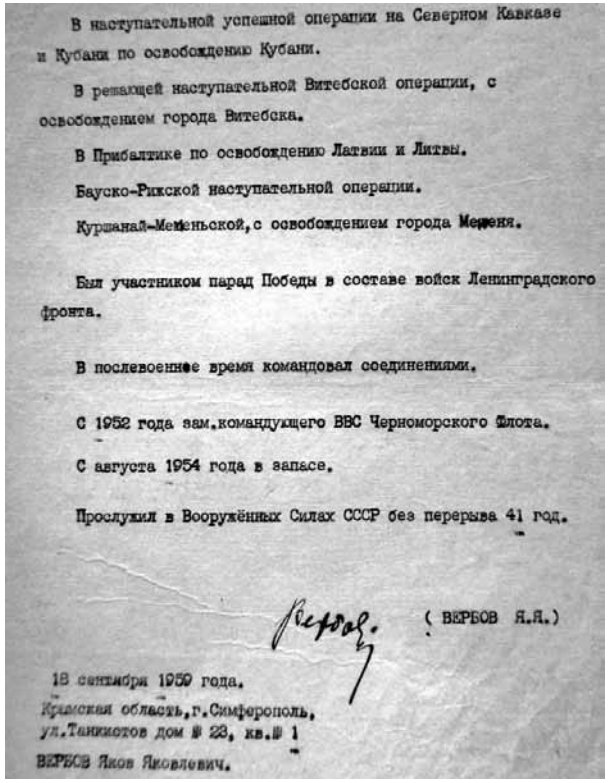
Для участия в этих торжествах в гор.Керчь направляется делегация от ветеранов 51-й армии. Вы,как активный участник боев на Керченском полуострове и при обороне гор.Керчи,включены в состав этой делегации.

В гор.Керчь необходимо прибыть 9 апреля 1974 г.при орденах, имея при себе это приглашение и паспорт. Вам следует явиться в гостиницу "Керчь",где работает приемная квартирная комиссия.

Расходы по проезду туда и обратно, за питание и гостиницу не оплачиваются, а идут за счет самого ветерана.

Если Вы,почему-либо не сможете приехать,просим немедленно сообщить об этом по адресу:г.Симферополь, Пушкинская ул.,Дом 6,Бюро Крымской секции ветеранов 51-й армии. Тел. 7-08-47.

БЮРО КРЫМСКОЙ СЕКЦИИ ВЕТЕРАНОВ 51-й АРМИИ.



В наступательной успешной операции на Северном Кавказе и Кубани по освобождению Кубани.

В решающей наступательной Витебской операции, с освобождением города Витебска.

В Прибалтике по освобождению Латвии и Литвы.

Бауско-Рижской наступательной операции.

Курляндской-Мемельской,с освобождением города Мемеля.

Был участником парад Победы в составе войск Ленинградского фронта.

В послевоенное время командовал соединениями.

С 1952 года зам.командующего ВВС Черноморского Флота.

С августа 1954 года в запасе.

Прослужил в Вооружённых Силах СССР без перерыва 41 год.

(ВЕРБОВ Я.Я.)

18 сентября 1959 года.
Крымская область,г.Симферополь,
ул.Танкистов дом № 23, кв.№ 1
ВЕРБОВ Яков Яковлевич.

Страница из биографии Я.Я. Вербова

Из оставленных воспоминаний и биографии видно, что Яков Яковлевич пережил тяжёлые годы Первой Мировой войны, когда в семье не хватало хлеба, и они с братом, будучи ещё мальчишками, батрачили, борясь за место под солнцем.

Потом были гражданская война, тяготы фронтовой жизни в молодой неокрепшей Красной Армии, ранения, тиф, плен. В дальнейшей его жизни и воинской службе случалось немало крутых поворотов судьбы, которые он смог преодолеть, оставаясь верным Отечеству.

Прослужив более 40 лет в Вооружённых Силах Советского Союза, Яков Яковлевич прошёл боевой путь от красноармейца до генерала. Как о нём отзывались сослуживцы, он был скромен, вежлив, почтителен. Очевидно, из-за его скромности в семейном альбоме нет ни одной фронтовой фотографии с наградами.

«С 26 июня 1941 для Якова Яковлевича начались сражения Великой Отечественной войны. Он воевал под Керчью, дрался за Смоленск, защищал Москву, бил врага на Северном Кавказе и под Ростовом-на-Дону. Дальше были Белоруссия, Прибалтика и Восточная Пруссия. А закончилась война для боевого генерала на брусчатке Красной площади под салюты парада Победы», – так писали о нём в Крымской прессе. [19]

О его скромности вспоминает дочь Татьяна:

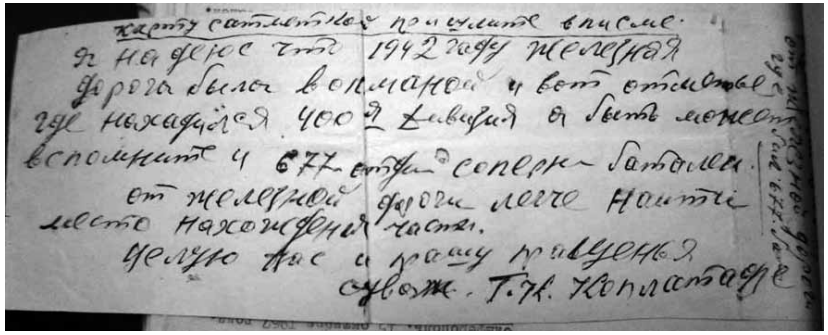
«После денежной реформы отец получал около тысячи советских рублей. Деньги немалые, но польза от них была не только для домочадцев.

Каждый месяц папа собирал и отправлял посылки родне. Это не было подачкой или широким жестом. Просто так жили, так было принято. Если мы могли помочь, поддержать – не делать этого просто не представлялось возможным.

А вот просить среди военнослужащих принято не было. Отец считал ниже своего достоинства не только ломать шап-

ку, но и пользоваться приглашением на «особые возможности». Принципиальность генерала не позволяла ему пойти в магазин и предъявить талон на приобретение дефицитного товара».

После службы родному Отечеству, Яков Вербов не мог усидеть дома. Как ветеран войны он принимал активное участие в работе многих общественных организациях, неоднократно избирался депутатом, вёл переписку с однополчанами, родственниками погибших однополчан, искал имена забытых героев 400-й и 156-й стрелковых дивизий. Сообщал юным следопытам их адреса: «Однополчане по 400-й СД: Довженко А.Я., (начальник финансового отдела дивизии), Прудкогляд П.И. (радист 832-го СП), Ахундов Ф.М. (фельдшер медсанбата). Из 12-й стрелковой бригады – начальник артиллерии Жданов М.А., Швыдкин А.П. и другие…


Карту с отметкой пришлите в письме.
Я надеюсь что 1942 году железная
дорога была вопманой и вот отметьте
где находился 400-я дивизия а быть может
вспомните и 677 отдел сапернии батальон.
от железной дороги легче найти
место нахождения части.
целую вас и вашу правденья
Сувож. Г.Т. Коплатадзе

Текст письма: «Карту с отметкой пришлите в письме. Я надеюсь, что в 1942 году железная дорога была на прежнем месте. Отметьте, где находилась 400-я СД.

Я, может быть, вспомню, где находился 677-й отдельный сапёрный батальон. От железной дороги легче найти расположение части». Подпись: Г.Т. Коплатадзе.

Мундир, именное оружие и многие документы Я.Я. Вербова были переданы его семьёй в музей города Симферополя и другие музеи Советского Союза.

Генерал Яков Яковлевич Вербов не был отмечен высокой наградой – звездой Героя Советского Союза. Но, пройдя героический путь сражений на фронтах Великой Отечественной войны, он навсегда останется Героем России!

Запоздалое письмо

В отдалённой сибирской деревушке за столом сидела пожилая женщина. Из-под платка, покрывавшего её голову, выбивалась прядь седых волос. Старая учительница просматривала фронтовые письма и открытки.

Не одно поколение мальчишек и девчонок выпустила из школы Прасковья Никитична, Воспитала не один десяток славных сынов и дочерей родного Отечества. А вот своих внуков увидеть ей так и не довелось. Война оборвала жизни всех её детей.

Тихими зимними вечерами пожилая сельская учительница часто перечитывала письма с фронта, присланные бывшими учениками, их родителями, письма своих родных, сгинувших в пламени войны. Она медленно разбирала эти карандашные строки. Редко хорошо читались ровные строчки, чаще же наспех написанные каракули трудно было разобрать. Но она знала почерки своих учеников и понимала, о чём спешил рассказать ей тот или иной автор письма. Каждый раз её волнение передавалось мелкой дрожью на руки, раскрывающие очередной треугольник. По щекам текли горькие материнские слёзы, падая на строчки военных лет.

Вот и сегодня она нежно и бережно перебирала письма родных, присланные ей с фронтов Великой Отечественной войны. От погибшего в 1941-м под Москвой супруга Антипа Ивановича, сгинувшего в пучине Чёрного моря в 1942 году брата Андрея, умершего в госпитале под Ростовом старшего сына Ивана, замученной фашистами на Украине дочки-партизанки Софьи, среднего сына Дмитрия, сгоревшего в танке на Курской дуге, и пропавшего младшенького сыночка Алёшеньки.

Поседевшая и осунувшаяся мать всматривалась в знакомый почерк своего младшего сына Алёши. Вдруг в сенях тихонько скрипнула половица и со скрипом открылась дверь в комнату. По

полу потянуло вечерним морозным воздухом. Тихий порыв ветра прошелестел пожелтевшими от времени листками военных лет и ласково тронул седую прядь материнских волос.

«Опять зима разгулялась», – посмотрев в окно, произнесла Прасковья Никитична и закрыла двери. Но не успела хозяйка дома присесть на лавку, стоявшую у стола, как несколько писем упали на пол.

«А, может, это посланник тех военных лет о чем-то хотел сказать ей, матери, потерявших троих сыновей и дочь?» – поднимая письма, подумала Прасковья Никитична.

За окном опять завыло, загудело, и тихий ветерок коснулся её мокрой от слёз морщинистой щеки. Дуновение ветерка прошло по избе и колыхнуло пламя одинокой свечи, стоявшей на краю стола. Прасковья Никитична осмотрела комнату, ей показалось, что кто-то прошёл за её спиной и остановился в углу, где весела старая икона и коптила лампадка.

Мерцание свечи выхватило лицо стоящего у иконы человека. Прасковья Никитична вскрикнула. Закрыв рот руками, она стояла в оцепенении. Это был Алёша...

«Мама», – послышался ей знакомый до боли в сердце голос. «Мама», – снова позвал голос из затемнённого угла избы.

Трясущимися руками старушка медленно потянулась к углу. Казалось, что Алёша стоит в какой-то дымке, как в дыму пожарища военных лет, и тихо завет: «Мама, мама...»

Лёгкая тень скользнула по его лицу, и на правой щеке ясно высветился багровый шрам.

Вот отблеск свечи выхватил знакомые серые глаза, осунувшееся, уже не молодое лицо, покрытое мелкой щетиной и нежную улыбку сына.

«Но почему у него седые волосы? И откуда этот шрам на щеке?» – подумала Прасковья Никитична. И тут же сообразила: «Ах да! Конечно, он же был на войне, и, очевидно, был ранен... Вот и не писал так долго и не мог приехать».

«Алёшенька, сынок!» – прошептала она сухими губами и опять протянула руки, в ожидании, что сейчас сын броситься ей в объятия. Но в ответ лишь колыхнулся язычок пламени догорающей свечи, отсвечиваясь на лике старой иконы, висевшей в углу избы, и морозный сибирский ветер прогудел за окном.

«Сынок!» – взволновано шептали материнские губы, и очередная горькая слеза прокатилась по морщинистой щеке женщины.

«Сынок, Алёшенька! Милый мой мальчик...» – повторяла Прасковья Никитична.

«Где ты мой родненький? Кровинушка моя, что с тобой?» – задавала она вопрос за вопросом.

С одной стороны, она понимала, что это видение, а с другой стороны, отчётливо слышала его голос, зовущий её, маму, и видела его, своего Алешу. Ведь это он стоит и улыбается ей. Да и вот же на его гимнастерке отсвечивается та медаль «За отвагу», о которой он писал в сентябре 1943 года: «Получил за январские бои на Дону».

На пол падали материнские слёзы: «Боже мой, а как он постарел! Совсем, как лунь, стал...»

Сибирский ветер с ещё большей силой завыл за окном, и со стола опять упало несколько фронтовых писем. Пламя свечи заметалось в разные стороны, словно в непонятной пляске, выхватывая образ солдата, стоящего в углу старой бревенчатой избы.

Только и успела подумать старушка: «Почему он стоит и не подходит к матери, не говоря больше ни слова?», как ветер за окном загудел с новой силой, и, сорвав с двери старый истёртый крючок-запор, распахнул её в сени. Пламя свечи заметалось и стало угасать.

«Сынок! Алёшенька!» – прокричала Прасковья Никитична и кинулась к сыну. Но лишь пустота была ей в ответ. С горьким рыданием старушка подошла к иконе, с мольбой о помощи упала на колени. На иконе были видны капли влаги. Возможно, это было испарение от резкого перепада температуры, а возможно, лик тоже плакал вместе с хозяйкой дома...

Утром Прасковья Никитична, с опухшими от слёз глазами, вышла во двор разгребать январские сугробы. Сухо скрипнул и покосился старый деревянный почтовой ящик.

«Всё приходит в негодность. Я стара стала, и всё дряхлеет!» – пробормотала старушка и стала поправлять ящик. Вдруг из-за задней стенки ящика выпал почерневший конверт-треугольник, словно опалённый войной, с разводами от весенних и осенних дождей.

«Скоро 25 лет как закончилась война... Наверное, школьникам поручили носить письма вдовам», – подумала старушка. Раскрыв аккуратно сложенный треугольник, надев очки, она стала читать сухие строчки письма: «Ваш сын, командир стрелкового взвода лейтенант Алексей Антипович, 1923 года рождения, выполняя боевое задание по уничтожению группировки противника, погиб смертью храбрых 9 мая 1945 года...»

Старушка упала на колени: «Алёшенька! Алёшенька! Сынок!» – закричала поседевшая мать. Прижимая письмо к груди, запричитала: «Так вот зачем приходил ты ко мне, Алёшенька, сыночек мой! Сказать маме, чтобы не ждала больше родненького...»

И горько заплакала.

30.07.2018 г.

Вячеслав Градобоев

Фронтовые письма

– Позволите ли прикоснуться
К истории Вашей любви? –
Спросил я у старой вдовы.
И тихо она разрешила:
– Возьмите, они не мои...

Читаю я письма чужие
О лирике нежной любви...
Пригладила кудри седые
Вдова:
– Это письма сестры.

В них столько любви и страданий!
– Разлукой война им была...
Вдова:
– А вот письма от Ани, –
Она его годы ждала...

Случалось, письмо пропадало, –
Война забрала себе, –
И он всё страдает по Ане
В тылу, и в окопе – везде...

Он пишет, что скоро вернётся,
И что, мол, тогда заживём!
А ей его образ всё снится,
Она всё тоскует о нём...

О, сколько заботы и ласки
Я вычитал в «письмах войны»!
– С пробитой нашли его каской,
А Аню – замерзшей в степи...

27.01.2017 г.

Я прошу вас, помните!

Помните!
Кто в Бресте долго крепость защищал,
Кто на родной границе первым пал.
Кто защищал Москву и Ленинград,
Кто отстоял на Волге Сталинград...

Помните!
Кто на Дону врага погнал назад –
Сперва на запад, а потом и в ад!
Кто нашу заслонил собой страну,
Погиб на Волге или на Дону...

Помните!
Кто мёрз в окопах, сгинул в лагерях,
Кто умирал потом в госпиталях.
Кто перешел в кромешной тьме Сиваш, –
Всех, кто освобождали город ваш...

Помните!
Всех тех, кто на заводах и в цехах
Ковал трудом Победу на станках
Кто сеял хлеб, кто нивы убирал –
Свою страну от голода спасал...

Помните!
Кто чуть ни с детства, с самых юных лет,
Снаряды для последующих побед
И днём, и ночью яростно точил –
Притом не ныл и детских слёз не лил!

Помните!
Кто жизнь свою отдал тогда на нас,
За этот мирный день, за мирный час!
Их имена в историю вошли,
Другие незамеченно ушли...

Героев всех – спасителей Земли
Помните!!!

_____
2018 г.

Список использованной литературы и ссылок на интернет-ресурсы

1. Кронштадтское восстание (1921 г.). https://ru.wikipedia.org/wiki/_(1921).
2. Бои на Халхин-Голе. https://ru.wikipedia.org/wiki/B5.
3. 400-я стрелковая дивизия. https://ru.wikipedia.org/wiki/400-8F.
4. Исаев Алексей Валерьевич. Керченская оборонительная операция (8-19 мая 1942 г.). Военная литература. http://militera.lib.ru/h/isaev_av4/11.html.
5. Операция «Охота на дроф». https://ru.wikipedia.org/wiki/BB.
6. 9-я Краснознамённая гвардейская стрелковая дивизия. http://www.rkka.ru/handbook/guard/9gvsd.htm.
7. Наша Победа. 32-я стрелковая Верхне-Днепровская дивизия. http://www.nashapobeda.lv/2904.html.
8. Кириченко П.И. Военная история. http://militera.lib.ru/h/kirichenko_pi/11.html.
9. Шкловский Лев. Битва за Мемель-Клайпеду 1944-1945 гг. http://world.lib.ru/s/shklowskij_l/xjux.shtml.
10. 32-я Стрелковая дивизия (Доклад по результатам работы поисковой группы «Память» МИВ ЛГУ. https://www.bestreferat.ru/referat-217941.html.
11. Заярный С.А. «Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону».
12. 51-я армия (СССР). https://ru.wikipedia.org/wiki/51.
13. Материалы сайтов:
    http://zhurnal.lib.ru/g/griber_a_m/alfredgriber18.shtml;
    http://www.kby.kiev.ua/book1/documents/doc87.html;
    http://www.aksoft.org/gallery/zt_pakR.html;
    http: www.sgvavia.ru/forum/113-547-1,
    http://www.dokst.ru/main/node/1245;
    http://de.wikipedia.org/wiki/Stammlager_VI_F;
    http://www.geschichtsatlas.de/~ga30/russenfriedh.htm.
14. Шкловский Лев. Битва за Мемель-Клайпеду 1944-1945 гг. http://world.lib.ru/s/shklowskij_l/xjux.shtml).

15. Горшков С.Г. «На южном приморском фланге». – М.: Воениздат, 1989 г.
16. Исаев А.В. «Причины поражения Крымского фронта в 1942 году». http://arsenal-info.ru/b/book/916905488/16, https://rg.ru/2016/06/16/rodina-krym-front.html).
17. Г. Дёрр. «Поход на Сталинград». Военная литература. http://militera.lib.ru/h/doerr_h/pre.html.
18. Гальдер Ф. Военный дневник. Военная литература. http://militera.lib.ru/db/halder/index.html.
19. Из материалов Ольги Новицкой. СМИ, Симферополь.
20. 59-я танковая дивизия. https://ru.wikipedia.org/wiki/59.
21. Они освобождали Даугавпилс. http://www.grani.lv/daugavpils/55736-oni-osvobozhdali-daugavpils.html
22. Режицко-Двинская операция. https://ru.wikipedia.org/wiki/8F.
23. 9-я гвардейская стрелковая дивизия (78-я стрелковая дивизия). Боевой путь. http://primpodvig.ru/index.php/letopis/vov-1941-1945-gg/voinskie-chasti/pekhota/78-ya-strelkovaya-diviziya/item/162-boevoj-put-78-ya-strelkovaya.
24. Караичев В. Газета «Светлый путь», № 23 от 22.2.1973 г.
25. Свиридов А.А. «Батальоны вступают в бой». – М.: Воениздат, 1967 г.
26. Севастьянов П.В. «Битва за нефть». Сайт: «Военная литература». http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/22.html.
27. А.А. Гречко. «Годы войны». 1976 г.
28. В.Б. Емельяненко. «В военном воздухе суровом». 1972 г.
29. Сайт «Не выдуманные рассказы о войне». http://www.world-war.ru/velikaya-otechestvennaya-glazami-podrostka-sanitara/.
30. Сайт «Дон-2012». http://don1942.ru/don/item/a-s-zayarnyj-komissar.
31. Самсонов А.М. «Сталинградская Битва». – М.: 1963 г.
32. Манштейн Эрих. «Утерянные победы». – М.: 1999 г.
33. Мощанский И.Б. «1942-й. О трагедии Крыма и победы под Сталинградом». – М.: «Вече», 2008.
34. Смирнов-Несвицкий А., генерал инженерных войск. «Ледовая переправа через Керченский пролив». Архив Я.Я. Вербова.

35. Партийный архив Крымского обкома КП Украины. (Ф.156, оп.156 (связка № 25) , д. 66, л.1-3). Архив Я.Я. Вербова.
36. Мощанский И.Б., Савин А. «Борьба за Крым в 1942 году. Керченско-Феодосийская десантная операция (26 декабря 1941 г. – 3 января 1942 г.)». http://www.uhlib.ru/voennaja_istorija/borba_za_krym_sentjabr_1941_iyul_1942_goda/p2.php.
37. Военно-исторический портал, посвящённый Второй мировой войне. http://ww2history.ru/index.php?newsid=3294.
38. Карпов В.В. «Полководец». – М.: Роман-Газета, №7(1013), 1985 г.
39. Терещенко А.С. «Солдат Красной империи. Гуру из Смерша. Крымский фронт». https://biography.wikireading.ru/227815.
40. Мехлис Лев Захарович. https://ru.wikipedia.org/wiki/87.
41. Борьба за Крым. http://www.pseudology.org/Crimea/BorbaKrym1941_1943a.pdf.
42. Мордиков Н. «Кто вы, товарищ Мехлис?» http://mordikov.fatal.ru/mehlis.html.
43. Гланц Д. «Крах плана «Барбаросса». – М. Центрполиграф, 2015 г.
44. Тихненко Н.Ф. «Наше дело правое». – Ростов-на-Дону: Книга, 2017 г.
45. Серов И.А. «Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти». – М.: Абрис, 2018 г.
46. Рубцов Ю.В. Крым в XIX веке. «Л. Мехлис: «Мы должны быть проклятыи!»» http://moscow-crimea.ru/history/20vek/mehlis.html#11.
47. Из воспоминаний начальника штаба 343-го отдельного пулемётного батальона 151-го УР л-та Е. Поникаровского. http://znamyarodini.ru/arkhiv/uncategorised/151-ur-1942-g.
48. Плиев И.А. «Огненные рубежи». – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1976 г.
49. Памятный камень на месте гибели семи Героев Советского Союза. https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=1982.
50. История Клайпеды. http://world.lib.ru/s/shklowskij_l/lni6e.shtml.

Благодарность от автора:

За помощь в подготовке книги:

1. Дуля Максиму.
2. Заярному Сергею.
3. Вербовой Татьяне
4. Недайводину Владимиру.
5. Супруге Людмиле.
6. Редактору Тихонову Виктору.
7. Работникам типографии ООО «Альтаир».

За оказание финансовой помощи:

1. Ромадину Михаилу.
2. Дуля Максиму.
3. Сыну Градобоеву Святославу.
4. Щербанову Владимиру

Содержание

Предисловие 3

Глава 1. ***Я. Я. Вербов*** 5

Глава 2. ***400-я стрелковая дивизия*** 22

Глава 3. ***156-я стрелковая дивизия*** 107

Глава 4. ***Боевой путь Вербова*** 213

Запоздалое письмо 240

Фронтовые письма 244

Я прошу вас, помните! 245

Список использованной литературы
и ссылок на интернет-ресурсы 247

Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России»

Градобоев Вячеслав Александрович
автор-составитель

Я. Я. ВЕРБОВ: ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ЗАБЫТЫХ ДИВИЗИЙ

В продолжение проекта Межрегиональной комплексной историко-патриотической акции «Дедов Победы – дорога света», посвященной 75-летию полного освобождения территорий юга России от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны реализуется с использованием гранта Президента Российской Федерации № 18-1-014038 от 2.07.2018 года на развитие гражданского общества.

Редактор – В.А. Тихонов
Вёрстка и дизайн – И.М. Сиренко

Сдано в набор 24.01.2019 г. Подписано к печати 28.03.2019 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 216.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
http://altair-rostov.ru/